

ISSN 2500–3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 9 2018 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

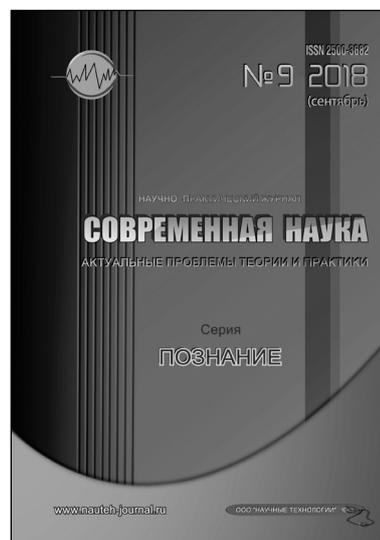
Подписано в печать 12.09.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 9 сентябрь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Вислова Аминат Даняловна — доктор псих. наук, в.н.с. Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Востряков Л. Е. — Об особенностях новой модели государственной культурной политики России
Vostriakov L. — Features of the new model of the State Cultural policy of Russia 4

Енчинов Э. В. — Традиционная алтайская эсхатология
Enchinov E. — Traditional Altai eschatology 10

Енчинов Э. В., Торусhev Э. Г. — Обрядовый и ритуальный фольклор алтайцев в этнографическом аспекте
Enchinov E., Torushev E. — Ceremonial and ritual folklore of the Altai in the ethnographic aspect 14

ПСИХОЛОГИЯ

Воробьева К. И. — Особенности эмоционального выгорания у сотрудников оперативно-розыскной деятельности МВД России
Vorobyeva K. — Features of emotional burnout of officers of operational-search activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia 19

Девятков С. С. — Синдром упущенной выгоды – Fear of missing out: обзор современной проблематики
Devyatov S. — Fear of missing out: review of current issues 23

Иванова А. В. — Пространственная, интенсивностная, временная характеристики произвольного воображения у обучающихся и работающих молодых людей в заданных ситуациях фрустрации их потребностей
Ivanova A. — Spatial, intensity, time characteristics of voluntary imagination of young people studying and working in a given situations of frustration of their needs. 27

Кибальченко И. А., Андрианова Г. Н., Чегодаева К. К. — Диагностико-развивающие учебные тексты по русскому языку для подростков
Kibal'chenko I., Andrianova G., Chegodaeva K. — Diagnostic-developing training texts by Russian language for teenagers 34

Ким А. Э. — Характеристики личностных притязаний молодых людей с разными жизненными стратегиями
Kim A. — The characteristics of personal aspirations of young individuals with different life strategies. 41

Кузнецова О. Н. — Ориентировочная основа действий для формирования базисных музыкальных навыков на уроках сольфеджио
Kuznetsova O. — Approximate basis of actions for formation of basic musical skills at solfeggio lessons 46

Лопатченко Е. Н. — Теоретико-методологические подходы к определению жизненного выбора человека
Lopatchenko E. — Theoretical and methodological approaches to the determination of life selection of persons 53

Лопатченко Е. Н. — Теоретический аспект определения жизненного выбора человека в контексте жизненного пути
Lopatchenko E. — The theoretical aspect of the definition of man's life choice in the context of life's path 57

Никольская А. В., Костригин А. А. — Исследование личностных особенностей людей с ОВЗ, способствующих эффективному осуществлению трудовой деятельности (по материалам пилотной программы трудоустройства на базе ЦЗН и предприятий г. Уфы)
Nikolskaya A., Kostrigina A. — Study of disabled people's personal traits that contribute to effective work performance (based on employment pilot program at Ufa employment centers and enterprises) 61

Прозорова Н. В. — Особенности образовательной среды, обогащенной духовно-нравственными ценностями
Prozorova N. — Peculiarities of the educational environment, enriched with moral values 69

Тараянц А. В. — Гипнодинамика системы доминирующих потребностей
Tarayants A. — Gipodinamii system dominant needs 76

ФИЛОСОФИЯ

Власова Л. А. — Синтез цивилизационного и линейного подходов в философском осмыслении истории А. Дж. Тойнби (социальный и аксиологический аспекты)
Vlasova L. — Synthesis of civilizational and linear approaches in the philosophical comprehension of history of A. J. Toynbee (social and axiological aspects) 84

Николов Н. О. — Эпистемологические уровни: мера неразличённости, мера различия, мера различения во взаимосвязи с трансцендентальным и трансцендентным (в контексте моделей личностного бытия)
Nikolov N. — Epistemological levels: measure of indistinctness, measure of difference, measure of distinction in relation to transcendental and transcendent (in the context of models of personal being) 90

ИНФОРМАЦИЯ

Наши авторы. Our Authors. 96

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 97

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НОВОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

FEATURES OF THE NEW MODEL OF THE STATE CULTURAL POLICY OF RUSSIA

L. Vostriakov

Summary. The most important elements of value-oriented model of the state cultural policy of Russia and the mechanisms of its implementation are examined. The main attention is paid to the analysis of legal acts presenting a conceptual body of the Russian value-oriented State Cultural policy, such as «Bases of State cultural policy», «Strategy of the State cultural policy for the period until 2030» and «Strategy of National Security of the Russian Federation». The author comes to the conclusion that the creation of value-oriented model of the State Cultural policy of modern Russia, definitely, should increase the readiness of the State and society to meet the numerous challenges of nowadays and ensure a breakthrough socio-economic development of the country.

Keywords: Culture, State cultural policy, value-oriented model of State cultural policy, scenarios for the implementation of the cultural policy model, monitoring of the effectiveness of cultural policy.

Востряков Лев Евгеньевич

*Д.полит.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный институт культуры
lev-vostriakov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются важнейшие элементы ценностно ориентированной модели государственной культурной политики России, механизмы её реализации. Основное внимание уделяется анализу правовых актов, представляющих собой концептуальное ядро ценностно ориентированной государственной культурной политики нашей страны, таких как — «Основы государственной культурной политики», «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.» и «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации». Автор приходит к выводу, что формирование ценностно ориентированной модели государственной культурной политики современной России, несомненно, должно повысить готовность государства и общества отвечать на многочисленные вызовы современности, обеспечить прорывное социально-экономическое развитие страны.

Ключевые слова: культура, государственная культурная политика, ценностно-ориентированная модель, сценарии реализации модели культурной политики, мониторинг результативности культурной политики.

Формирующаяся в России новая ценностно ориентированная модель государственной культурной политики принципиально изменяет отношение к культуре и пониманию ее роли в жизни российского общества: культура не только не только признается важнейшим фактором социально-экономического развития Российской Федерации, благодаря которому государство способно обеспечить «экономическое процветание, государственный суверенитет и цивилизационную самобытность страны» [4], но и возводится в ранг стратегических «национальных приоритетов ... гарантов сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности страны» [5]. Становление новой ценностно ориентированной модели государственной культурной политики обусловлено насущной необходимостью в исторически короткий период осуществить кардинальную экономическую и социальную модернизацию России, обеспечивающую готовность государства и общества ответить на многочисленные вызовы современного мира. Именно поэтому стратегическими целями государственной культурной политики объявлены «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности;

сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве» [6]. Опора на приоритетное культурное и гуманитарное развитие, сохранение и развитие культуры народов Российской Федерации путем передачи новым поколениям ее гуманитарного ценностного содержания, традиционного для российской цивилизации и должны обеспечить социальное обновление и укрепление единства российского общества, развитие духовно-нравственного потенциала человека и социума, целостность единого культурного пространства как базы национальной идентичности, согласия и преемственности поколений.

Государственную политику традиционно рассматривают как политический процесс управленческого воздействия государства на основные сферы общества, непосредственно связанный с осуществлением публичной власти (как в рамках разработки стратегии и тактики управленческого воздействия на различные сферы и компоненты общества, так и оценки того регулирующего воздействия, которое оказывают на них разнообразные институты и органы государства) (см.: [1, с. 67]). Во все времена политика «была средством господства

одних групп над другими и, одновременно, обеспечивала интеграцию общества и достижение общего блага» [2, с. 62]. Обязательным условием появления политики служит определенный конфликт интересов, иначе просто не было бы необходимости создавать соответствующие политические институты, регулирующие отношения между людьми. С другой стороны, «реализация интересов отдельных групп и сохранение их господства невозможны без наличия минимума согласия между субъектами политики» [2, с. 62]. Именно поэтому согласие по поводу приоритетности целей культурного развития между субъектами (государственными, общественными и творческими) может и должно явиться исходным условием разработки культурной политики.

Несмотря на то, что в научный оборот категория «культурная политика» вошла относительно недавно, деятельность, обозначаемая этим термином, существовала с древних времен [7]. Особое влияние на утверждение принципов государственной культурной политики оказала идеология французских просветителей. Право на пользование культурными благами было провозглашено неотъемлемым правом каждого человека, расширение масштабов приобщения людей к искусству стало рассматриваться как важнейшее средство их духовного развития, а создание условий для этого — как обязанность государства. Претворяясь в жизнь эти идеи начали во Франции после революции 1789 г., а затем постепенно утвердились и в других европейских государствах. Активно разрабатывалась языковая политика, концепция национальных и публичных музеев и библиотек, шел интенсивный поиск новых символов, знаков и памятников. Велось интенсивное формирование новых типов идентичности, образа жизни, способов индивидуального и общественного поведения. Культурная политика тогда, как и сейчас, была направлена на воспитание гражданина и утверждение гражданства путем разработки или активизации ресурсов идентичности, общественных связей, принадлежности. Объектом государственной поддержки служило развитие сети организаций, предоставляющих людям именно те виды культурных благ, которыми ранее пользовалась элита: театры, музеи, библиотеки. При этом централизованная культурная политика была направлена на расширение сети учреждений культуры, которые и создавались, и направлялись центральной властью.

Проблемы культурной политики как сферы деятельности государственных и общественных институтов, а также попытки осмысления ее сущности на теоретическом уровне привлекают особое внимание исследователей в течение последних сорока–шестидесяти лет. В этот период и складываются принятые большинством европейских государств базовые подходы к роли и месту культуры в общественном развитии, общие принци-

пы управления культурными процессами, которые получают практическое воплощение в странах с различными формами государственно-территориального устройства и политического режима, особенностями социально-экономического положения и культурного пространства.

Концептуальное ядро ценностно ориентированной государственной культурной политики нашей страны — «Основы государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. На координацию деятельности и взаимодействия разных субъектов культурной инициативы в сфере реализации государственной культурной политики направлена утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.». При этом «государственная культурная политика признается неотъемлемой частью Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4], которую Президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил Указом от 31 декабря 2015 г.

Главной целью ценностно ориентированной модели государственной культурной политики России провозглашается «формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития» [4], «сохранение и развитие культуры народов Российской Федерации путем передачи новым поколениям ее гуманитарного ценностного содержания, традиционного для российской цивилизации» [5]. Базовые ценностно-смысловые доминанты российской цивилизации, воспроизводство которых и должна обеспечивать государственная культурная политика, включают «приоритет духовного блага над материальным, защиту человеческой жизни, прав и свобод человека, семью, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [6].

Важнейшими результатами воплощения государственной культурной политики, согласно «Основам», должны стать «повышение интеллектуального потенциала российского общества; рост общественной ценности и повышение статуса семьи, осознание семейных ценностей как основы личного и общественного благополучия; увеличение числа граждан, прежде всего молодежи, стремящихся жить и работать на родине, считающих Россию наиболее благоприятным местом проживания, раскрытия творческих, созидательных способностей; владение русским литературным языком, знание истории России, способность понимать и ценить искусство

и культуру — как необходимые условия личностной реализации и социальной востребованности; гармонизация социально-экономического развития регионов России, особенно малых городов и сельских поселений, активизация культурного потенциала территорий; качественный рост культурных и досуговых запросов граждан, в том числе в отношении медиапродукции» [4].

Еще более четкую конфигурацию формирующаяся в нашей стране новая модель государственной культурной политики приобрела в результате утверждения стратегического указа Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в соответствии с которым культура впервые была включена в состав приоритетных национальных проектов.

Правительству России поручено «при разработке национальной программы в сфере культуры обратить особое внимание на необходимость

- а) укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации;
- б) создания (реконструкции) культурно-образовательных и музейных комплексов, включающих в себя концертные залы, театральные, музыкальные, хореографические и другие творческие школы, а также выставочные пространства;
- в) обеспечения детских музыкальных, художественных, хореографических школ, училищ и школ искусств необходимыми инструментами, оборудованием и материалами;
- г) продвижения талантливой молодёжи в сфере музыкального искусства, в том числе посредством создания национального молодёжного симфонического оркестра;
- д) создания (реконструкции) культурно-досуговых организаций клубного типа на территориях сельских поселений, развития муниципальных библиотек;
- е) создания виртуальных концертных залов не менее чем в 500 городах Российской Федерации;
- ж) создания условий для показа национальных кинофильмов в кинозалах, расположенных в населённых пунктах с численностью населения до 500 тыс. человек;
- з) подготовки кадров для организаций культуры;
- и) модернизации региональных и муниципальных театров юного зрителя и кукольных театров путём их реконструкции и капитального ремонта;
- к) поддержки добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации» [3].

Что особенно важно: Кабинету министров дано поручение предусматривать бюджетные ассигнования федерального бюджета на реализацию национальных проектов «в приоритетном порядке» [3].

«Основы» трактуют государственную культурную политику «как широкое межотраслевое явление, охватывающее такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также как воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны» [4]. Поэтому в рамках ценностно ориентированной модели государственной культурной политики предусматривается межведомственное взаимодействие Министерства культуры Российской Федерации (далее — Минкультуры России) с федеральными органами государственной власти, осуществляющими исполнительные функции в сферах экономики и финансов, науки и образования, национальной политики, обеспечения законности, общественной и государственной безопасности и обороны, внешней политики и международных отношений. Важными элементами новой модели государственной культурной политики России, которые должны обеспечить подобное межведомственное взаимодействие выступают Правительственная комиссия по вопросам государственной культурной политики, а также План мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.

Правительственная комиссия по вопросам государственной культурной политики — специальный координационный орган, призванный обеспечить согласованные действия органов исполнительной власти и организаций в целях выработки и корректировки стратегических подходов к реализации государственной культурной политики, образован постановлением Правительства России от 10 июля 2017 г. № 817. Среди базовых задач комиссии: разработка проектов стратегии культурной политики, предложения о корректировке, а — при необходимости — подготовка новых государственных программ, определение результативных инструментов координации деятельности субъектов государственной культурной политики, а также мониторинг достижения ее целей. Важно, что именно эта комиссия должна также выработать критерии, посредством которых будет оцениваться, насколько результативно действуют в деле реализации государственной культурной политики органы исполнительной власти разных уровней — федеральные, субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправ-

ления. Возглавляет правительственную комиссию заместитель Председателя Правительства РФ, Министр культуры России является заместителем председателя комиссии. Персональный состав комиссии утвержден распоряжением Правительства России от 25 июля 2017 г. № 1585-р.

Следует подчеркнуть, и на это специально обращают внимание «Основы государственной культурной политики»: для достижения целей государственной культурной политики необходим систематический мониторинг культурного развития общества, базирующийся на специальной системе целевых показателей, преимущественно — качественных, но все эти индикаторы еще надо разработать.

Поскольку мониторинг эффективности государственной культурной политики должен выступать обязательным инструментом анализа достижения целей и показателей текущей практики реализации государственной культурной политики, то среди его главных задач следует выделить выявление фактических значений параметров, характеризующих уровень развития сферы культуры и достижение целей государственной культурной политики; осуществление качественного и количественного анализа соответствия значения фактических показателей и нормативов обеспеченности населения учреждениями культуры по их видам; изучение и распространение опыта лучших практик реализации государственной культурной политики; повышение эффективности и результативности бюджетных расходов, направляемых на развитие сферы культуры и достижение целей государственной культурной политики; формирование интегрированной оценки достижения целей государственной культурной политики.

К сбору эмпирической информации для мониторинга эффективности государственной культурной политики целесообразно привлечь региональные исполнительные органы государственной власти, включая региональные органы культуры, представителей высших учебных заведений, подведомственных Министерству культуры РФ, организаций, участвующих в реализации государственной культурной политики РФ, широкий круг экспертов (общественных деятелей, представителей научной и культурной общественности, журналистов, Интернет-блогеров и др.). Расчет интегрированной оценки достижения целей государственной культурной политики, на наш взгляд, целесообразнее всего осуществлять на основе критериальной модели на четырех уровнях: государственном, региональном, учрежденческом (инфраструктура) и уровне личностного культурного развития с разработкой качественных, а также количественных показателей по каждому критерию на каждом уровне.

Следует подчеркнуть, что современные западные исследователи также обращают внимание на целесообразность использования инструментария, сочетающего количественные и качественные методы анализа, для оценки результативности культурной политики. Подобного рода эмпирические исследования, как отмечает, напр., Кл. Грей, способствуют получению внятных оценок сравнимых показателей и приносят вполне обоснованные результаты (см.: [8, р. 602]).

Следующий значимый элемент новой модели культурной политики России — *План мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.* — утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 2563-р. Это комплексный межведомственный плановый документ, содержащий конкретные поручения и федеральным органам исполнительной власти, и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также государственным учреждениям культуры и общественным организациям. Контроль за ходом реализации плана возложен на Минкультуры России, которому поручено ежегодно представлять в Правительство Российской Федерации *Доклад о реализации Стратегии государственной культурной политики.*

В рамках формирования новой модели культурной политики России предусматривается также работа по гармонизации ранее принятых отраслевых документов стратегического планирования Минкультуры России с положениями и требованиями Основ государственной культурной политики и Стратегии государственной культурной политики, а также разработка *Стратегического прогноза в сфере культуры.*

В качестве еще одного значимого элемента реализации новой модели культурной политики следует отметить Ежегодный государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации, подготовка которого Минкультуры России закреплена законодательно. Ежегодный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации должен содержать: оценку текущего состояния культуры в стране и эффективности государственного управления в социокультурной сфере за прошедший период; уточненный список проблем и вызовов в сфере культуры в целом для России и по субъектам Федерации, а в тех пространствах за пределами Российской Федерации, где сохраняются социокультурные традиции российской цивилизации; предложения (при необходимости) о внесении корректив в стратегические документы государственной культурной политики.

Крайне важным элементом новой модели культурной политики должен явиться Российский фонд

культурного развития, на который «Основы государственной культурной политики» возлагают ответственность за «реализацию межведомственных, междисциплинарных и межрегиональных проектов, связанных с решением стратегических задач культурной политики государства; методическое и информационное обеспечение реализации данной политики; привлечение к участию в стратегически важных проектах представителей профессионального и бизнес сообществ, общественных формирований» и учреждений культуры [4].

Несмотря на то, что «Основы государственной культурной политики» аргументируют необходимость создания фонда «невозможностью достижения целей государственной культурной политики в рамках имеющихся административных структур за счет изменения их полномочий, функций, форм деятельности и регламентов» [4], на практике фонд культурного развития до сих пор не сформирован.

В отличие от советской модели культурной политики, единственным субъектом которой выступало государство, в современной России многообразие субъектов культурной политики законодательно закреплено. В то же время ключевым стратегическим инвестором социокультурных проектов и организаций культуры остается государство, принимающее решения на основе ценностно ориентированного подхода. Это означает, что государство выступает ключевым субъектом культурной политики, который сочетает четкую постановку инвестиционных задач с жестким контролем адресности и результативности финансовых вложений. Тем самым формирование целостной концепции государственного регулирования и поддержки культурной деятельности является необходимой предпосылкой обеспечения эффективной культурной политики.

Согласно Стратегии государственной культурной политики, государство может выступать:

- ◆ как *инвестор*, рассчитывающий на эффективность инвестиций и управленческой деятельности менеджмента учреждений культуры;
- ◆ как *меценат*, выделяющий средства на культурные инициативы, основываясь на ценностно ориентированном подходе, не ожидающий экономической эффективности;
- ◆ как *соинвестор*, совместно с субъектами Российской Федерации принимающий участие в целевом софинансировании мероприятий и проектов регионального характера, предусматривающих показатели эффективности;
- ◆ как *стратегический партнер*, вдохновляющий потенциальных доноров инвестировать в сферу культуры, и как *соинвестор*, действующий

на принципах государственно-частного партнерства;

- ◆ как *инвестор*, который делегирует общественным институтам часть собственной ответственности и функций (например, при субсидировании Союза театральных деятелей на поддержку развития театральной деятельности на федеральном уровне и в регионах).

Особое значение для сглаживания региональных диспропорций в обеспеченности социокультурными объектами и доступности для населения благ культуры в условиях новой модели государственной культурной политики имеет утверждение нормативов обеспеченности населения учреждениями культуры по их видам. Распоряжением Правительства России от 22 декабря 2017 г. № 2905-р Министерству культуры России поручено в трехмесячный срок разработать и утвердить методические рекомендации о применении нормативов и норм ресурсной обеспеченности населения, выраженных в натуральных показателях, в целях реализации полномочий субъектов Российской Федерации в сфере культуры. Введение нормативов обеспеченности населения учреждениями культуры способствует формированию в регионах единых подходов к расчету нормативной потребности в организациях культуры и тем самым призвано «обеспечить: территориальное и социальное равенство граждан в реализации их права на доступ к культурным ценностям, участие в культурной жизни и пользование организациями культуры; развитие инфраструктуры культурной деятельности; формирование благоприятной культурной среды в малых городах и сельских поселениях, включая создание клубной сети; создание развитой сети театральных, концертных, выставочных залов; использование цифровых коммуникационных технологий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания» [9].

Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. рассматривает три возможных сценария реализации новой модели государственной культурной политики: инерционный, базовый и инновационный [5]. Именно базовый сценарий, по оценке разработчиков Стратегии, является самым реалистичным, он обеспечивает приоритетность развития культурной сферы нашей страны. Важнейшими результатами реализации этого сценария должны стать: входение в первую пятерку стран по количеству включенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО объектов; включение в Список ЮНЕСКО трансграничных объектов государств — участников СНГ (т.е. культурных и природных памятников, находящихся на территории нескольких стран); утверждение границ территории всех исторических поселений федерального значения; утверждение

предметов охраны и территориальных границ всех объектов культурного наследия.

Современные подходы к социокультурной сфере как ресурсу, способствующему успешной реализации программы социально-экономических преобразований в нашей стране, становление ценностно ориентированной модели государственной культурной политики

современной России, несомненно, должны повысить готовность государства и общества отвечать на многочисленные вызовы современности, способность эффективно противостоять негативным факторам, оказывающим влияние на обеспечение национальной безопасности в области культуры и искусства нашей страны, обеспечить прорывное социально-экономическое развитие страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственная политика и управление. Ч. 1. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. — М., 2006.
2. Ледяев В. Г. Политика и власть // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 1. С. 57–70.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: утв. Указом Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 20. — ст. 2817.
4. Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 52, ч. 1. — Ст. 775.
5. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 11. — Ст. 1552.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 1, ч. 2. — Ст. 212.
7. Cummings Jr. M. C. and Kats R. S. The Patron State, Government and the Arts in Europe, North America and Japan. — N.Y.: Oxford University Press, 1987.
8. Gray C., Wingfield M. Are governmental culture departments important? An empirical investigation // International Journal of Cultural Policy. 2011. Vol. 17. № 5. P. 590–604.
9. Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры [Электронный ресурс]: утверждены распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 27 июля 2016 г. № Р-948 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: http://mkult.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_311680.pdf. (дата обращения: 1 мая 2018).

© Востряков Лев Евгеньевич (lev-vostriakov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТРАДИЦИОННАЯ АЛТАЙСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

TRADITIONAL ALTAI ESCHATOLOGY

E. Enchinov

Summary. The article deals with the traditional ideas of the Altai people about the end of the world, expressed in signs that indicate the approaching end of time: the emergence and spread of new objects, phenomena, technology; people retreat from traditions; natural disasters, epidemics, environmental disasters; war. Signs act as an antithesis of peace, good, justice, pushing the new and the old in the life of society. Myths associated with the end of time are well preserved in the Altai culture and continue to exist in our days.

Keywords: Culture, eschatology, religion, traditions, customs, folklore, Altai.

Тема эсхатологических представлений в алтайской культуре является мало изученной. Подход к проблематике можно встретить в работе В. А. Муйтуевой «Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев» [5]. В исследовании В. А. Муйтуева проводится сравнительно-сопоставительный анализ мифов, представлений о кончине века в традиционной алтайской картине мира также она проводит частичный сравнительно-сопоставительный анализ алтайской картины с христианской и буддийской. Отдельные мифы, легенды, предания и представления о конце времен встречаем в работе Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии» [7] предание о потопе. В исследовании В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы» [3] предания о кончине века с ее признаками, в сборнике алтайских легенд и преданий «Алтай кеп-куучындар» [1] легенды о потопе, конце света, в сборнике алтайских заповедей «Алтай жан» [6] признаки надвигающегося конца света, и в монографии Е. Е. Ямаевой «Алтайская духовная культура: Миф. Эпос. Ритуал» [8] предание о потопе. Многие для понятия мотивов эсхатологической мысли можно почерпнуть в автореферате на соискание ученой степени кандидата филологических наук М. В. Ахметовой «Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX — начала XXI вв.» [2].

В данной работе мы будем опираться на эсхатологические мифы собранные В. И. Вербицким во второй половине XIX века и В. А. Муйтуевой, М. П. Чочкиной во второй половине XX века, также полевые материалы автора начало XXI века.

Современная Республика Алтай в религиозном плане поли конфессионально, здесь мирно уживаются

Енчинов Эркин Валериевич

К.и.н., с.н.с., БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова»
enchinov_e@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются бытующие традиционные представления алтайцев о конце света, выражающиеся в знамениях, которые указывают о приближении конца времени: появление и распространение новых предметов, явлений, техники; отступления народом от традиций; стихийные бедствия, эпидемии, экологические катастрофы; войны. Знамения выступают антитезой мира, добра, справедливости, сталкивая новое и старое в жизни общества. Мифы связанные с окончанием времени хорошо сохранились в алтайской культуре и продолжают существовать и в наши дни.

Ключевые слова: Культура, эсхатология, религия, традиции, обычаи, фольклор, алтайцы.

буддизм, христианство, ислам, традиционные религиозные представления коренных жителей, другими словами, разные конфессии со своими толками и направлениями. Важным вопросом для всех религиозных деноминаций является вопрос о конце света, т.к. любая религия дает своим последователям представления о мироустройстве, бытие, загробной жизни и конечно же ответ на такие вопросы, что будет Землей, с жизнью вообще и может ли кончиться время человечества как такового.

Дословно «конец света» (*чактын учы, калганчы чак*) в алтайском переводе звучит как «конец последнего века», т.е. пришел не «конец света» с уничтожением всего сущего и земли, а как конец определенного времени. Как указывает В. А. Муйтуева представления о кончине века, записанные на Алтае, сложились под влиянием буддизма и, в меньшей степени, христианства и в целом оно не характерно для мироощущения коренных жителей Алтая. Тем не менее, эсхатологические представления алтайцев являются частью их традиционной религиозно-мифологической картины мира.

В начале XX века, последователи в набравшем на Алтае популярности бурханизма, утверждали, что в результате природных катаклизмов придет конец века. Бурханисты верили, что скоро из земли будут бить ключи, которые затопят долины, а горы будут трястись и рассыпаться. Спасутся только те, которые верили в мессию Ойрот-Каана [5, с. 91, 92]. Мессианский сюжет в алтайских эсхатологических мифах также связывается с вполне исторической личностью Амыр-Саны, согласно которому суд над отступниками и новая эра благоденствия связывается с его приходом.

Религиозная картина мира четко дает представления о знамениях грядущего конца света, времени. Большинство религиозных учений и представлений ясно расписывают знаки, гласящие о близком конце. Можно выделить следующую классификацию знамений:

- ◆ появление и распространение новых предметов, явлений, техники;
- ◆ отступления от традиций связанных с жизнью общества;
- ◆ стихийные бедствия, эпидемии и экологические катастрофы;
- ◆ войны.

Появление новых предметов само по себе для традиционного религиозного сознания является отклонением от нормы и возникает необходимость объяснить нововведения столь прочно проникающих в жизнь.

В алтайской традиции относительного первого знаменья говориться:

*Человек перед последним веком,
Пока кобылу доят в Петербурге будет.
Пока корову доят в Москве будет.
Внутри дома,
Ярче огня огонь будет.
Прошлое непомнящее поколение будет.
По небу будут летать железные птицы.
По земле матери,
Железные кони будут скакать [6, с. 202–203].*

Как видим из данного отрывка, эсхатологические представления звучат довольно современно, сегодня при помощи техники можно преодолевать большие расстояния достаточно за короткие промежутки времени, так авиарейс по маршруту Горно-Алтайск — Москва занимает в среднем три с половиной часа. Идея ускорения хода времени перед концом света, относится к числу универсальных эсхатологических мотивов [2, с. 7]. Для освящения дома, хозяйственных построек применяем освещение ярче огня — электричество. Под железными конями угадывается современный автотранспорт, заполнивший дороги сел и городов.

Данное явление, связанное с наделением техники эсхатологическими значениями, когда распространение технических новшеств расценивается как непосредственный признак наступающих или уже наступивших «последних времен», получило в литературе название «технической эсхатологии» [2, с. 9].

Как считает Г.В. Любимова, первые признаки «технической эсхатологии» как отличительной черты массового религиозного сознания, по всей видимости, можно отнести к 1920–1930-м гг., которые характеризовались

модернизацией всех сторон крестьянской жизни и, соответственно, сопровождались коренной ломкой традиционного мировоззрения. Происходившие изменения затронули глубинные основы мировосприятия человека, в том числе, привычную для него предметную среду, что проявилось в появлении новых, невиданных ранее предметов быта, орудий труда, средств транспорта и связи [4, с. 118]. Нужно отметить, что в эсхатологической мифе, записанном В.И. Вербицким в XIX веке нет конкретных упоминаний о птицах с железными крыльями, железных конях, тем более о поездках в Петербург и Москву. Отсюда видим, что эсхатологические мифы находятся в постоянном развитии, включая все новые сюжеты как и элементы технического плана.

Информанты сообщали, что в свое время их деды, бабушки говоря о первых тракторах, машинах, самолетах в первую очередь оценивали их, с точки зрения сравнительно-сопоставительного подхода, сравнивая их с известными им живыми и мифическими персонажами. Машина «*темир ат*» — железный конь, самолет «*темир куш*» — железная птица, вертолет «*кан-кереде*» — большая птица, орел. Также они сообщали, что такая новая техника неприятна, так как она плохо, дурно пахнет, издает много шума и даже одурманивает людей. В результате появление доселе невиданной техники расценивалось как сбывшееся пророчество, предсказанное предками.

Признак конца света является отклонением от нормы, нередко понимаемой весьма условно. Традиционная культура наделяет современные социальные практики атрибутами «чужести»; в эсхатологическом контексте проявления «чужести» современной ситуации становятся признаками «последних времен» [2, с. 4].

Значительным признаком приближающегося скончания времен является отступления от традиций связанных с жизнью общества соблюдения обычаев. Краеугольным в них является слом социальной иерархии:

*Отец с сыном друг друга не будут понимать.
Мать с дочерью друг друга не будут понимать.
Старшего старшим не будут считать,
Младшего младшим не будут считать [6, с. 202].*

В алтайской культуре почитание и уважение старших является основой выстраивания социальных отношений в обществе. В данном эсхатологическом представлении наизнанку выворачиваются столпы культуры, по тексту выделяется четыре основных уровня деградации: 1) отношения внутри семьи, 2) отношения в роду, 3) социума, 4) родины. В первом уровне для усиления экспрессии говориться, что отец с сыном не будут понимать друг друга и последний поднимет на них руку, что по нормам морали, этики и обычного права недопустимо. Тоже отно-

сится к матери и дочери. Второй уровень говорит о том, что близкие родственники, снохи, дяди, племянники перестанут соблюдать обычаи, взаимопомощи, уважения, гостеприимства, сюда же отнесем обычаи связанные с запретами и ограничениями «*кайындаш*» (избегания невесткой и старшими родственниками мужа друг друга), «*баркы*» (взаимопомощь, подарки племяннику дядей по матери) и т.д. В тексте В.И. Вербицкого говорится, что «Птица имеющая гнездо, оставила его, зверь имеющий логово, оставит его, женщина, имеющая ребенка, оставит его» [3, с. 142]. Третий, о том, что исчезнет половозрастная вертикаль в обществе, где будет господствовать только сила и богатство. Четвертый, что люди начнут забывать о своей родине, боге, родном языке. Таким образом, эсхатологический миф рисует довольно печальную картину в жизни общества.

За падением нравов в обществе идет «падение» окультуренной земли, ухудшения экологии, жесткая взаимосвязь природа-человек скажутся во всей своей полноте. В экологической эсхатологии алтайцев интересно сопоставление человеческой судьбы с судьбой окружающих природных объектов:

*Сердцевина молодых деревьев гнилой будет,
Нутро малых детей будет больным.
Полноводные реки высохнут,
Горы леса иссякнут.
Снежные сопки гор осквернятся,
Корень можжевельника иссохнет.
Животных с детенышами истребят,
Птиц с гнездами разбросают [6, с. 203].*

Алтай, служивший во все времена домом многим народам, дававший пропитание, защиту, благословение, согласно представлениям иссякнет как окультуренное, сакральное место и как следствие отторгнет людей. Стихийные бедствия часто объясняются защитной реакцией матери-земли, страдающей от грехов и разрушительной деятельности людей [2, с. 9]. В алтайском мировоззрении человек имеет крепчайшую связь с природой своей землей и только его нерассудительность, алчность могут уничтожить ее, а с уничтожением природы она отвернется от него. В тексте В.И. Вербицкого видим, что человек поставлен на один уровень с природой он не различается как существо другого порядка, а перечисляется вместе с ней. Трагедия природы, трагедия человека.

Война как катастрофа реального мира также находит отражение в эсхатологии. Конец века, время «финальной» катастрофы, этого промежутка времени является одним из знамений и посвящен мотиву эсхатологической войны. В бытующих алтайских эсхатологических мифах говориться:

*В конце концов богатыри Эрлика
Караи и Керей
На поверхность земли поднимутся.
Когда они поднимутся,
Мады-Шуре и Майдере
С ними воевать
С неба спустятся.
От крови Майдере
Земля воспыхает огнем,
И тогда наступит кончина века [3, с. 142].*

Война нарушает мировой порядок, мало того она нарушает сущность мироздания.

После всех знамений наступает конец века. Подразумевается не кончина мироздания и всего бытия, а кончина этого века, века грешных людей. Как следствие борьбы добра и зла богатырей нижнего мира и богатырей верхнего мира, ведущих непримиримую борьбу за мир срединный — мир людей.

Основываясь на цикличности времени, традиционное мировоззрение вписывало скончание века и во временной цикл, относя его к пограничному времени. В представлениях алтайцев в ином, загробном мире время останавливается, «реки текут, не текут», «вечный мрак». В мире людей время привычное человеку, таким образом, налицо бинарная оппозиция, следствием которой является гармония, все предсказуемо и упорядоченно. Вовремя же скончания века начинается хаос, события следуют одно за другим меняясь, порой диаметрально противоположено, так вместо зимы лето, камень становится мягким, рассыпчатым. Скончание века традиционное алтайское мировоззрение соотносит с промежутком между полночью и рассветом, лунными и солнечными затмениями, по представлению одними из самых опасных времен, но которые по своему устройству всегда дают надежду на новое начало, новую жизнь, новый день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтай соојындар ла кеп-куучындар / сост. Ямаева Е. Е., Шинжин И. Б. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. — 416 с.
2. Ахметова М. В. Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX — начала XXI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — М., 2004. — 18 с.
3. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. — М. 1893. — 270 с.

4. Любимова Г. В. Эсхатологические представления старообрядцев Саяно-Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, часть II. — С. 117–120.
5. Муйтуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. — Горно-Алтайск. 2004. — 166 с.
6. Муйтуева В. А., М. П. Чочкина. Алтай Жан. — Горно-Алтайск. 1996. — 208 с.
7. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб. 1883. Вып. IV. — 1026 с.
8. Ямаева Е. Е. Алтайская духовная культура: Миф. Эпос. Ритуал. — Горно-Алтайск, 1998. — 170 с.

© Енчинов Эркин Валериевич (enchinov_e@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова

ОБРЯДОВЫЙ И РИТУАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР АЛТАЙЦЕВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

CEREMONIAL AND RITUAL FOLKLORE OF THE ALTAI IN THE ETHNOGRAPHIC ASPECT

E. Enchinov
E. Torushev

Summary. The article deals with the interaction of rites, rituals in folklore and Ethnography of the Altai people. A feature of modern Altai spiritual culture is the presence of syncretic ideas, which are essentially a common cultural basis for both genres of folklore and customs, rituals and rituals described in Ethnography. Regardless of the ritual action, as if it were the rites of a calendar, production or life cycle, there is a kind of «standard» on the correctness or correctness of the symbolic actions.

Keywords: Altaians, folklore, Ethnography, custom, rite, ritual, myths, fairy tales, legends, heroic epic.

Енчинов Эркин Валериевич

К.и.н., с.н.с., БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С. С. Суразакова»
enchinov_e@mail.ru

Торушев Эркем Геннадьевич

К.и.н., с.н.с., БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики
им. С. С. Суразакова»
erktor@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие обрядов, ритуалов в фольклоре и этнографии алтайцев. Особенностью современной алтайской духовной культуры является наличие синкретичных представлений, которые по сути являются общей культурной базой как для жанров фольклора, так и для обычаев, обрядов и ритуалов, описываемых в этнографии. Вне зависимости от производимого обрядового действия, будто это обряды календарного, производственного или жизненного цикла, существует своего рода «стандарт» о правильности или не правильности производимых символических действий.

Ключевые слова: Алтайцы, фольклор, этнография, обычай, обряд, ритуал, мифы, сказки, предания, героический эпос.

Богатая фольклорная традиция коренных народов Горного Алтая, сохранившаяся до наших дней, имеет под собой прочный фундамент народной культуры, который явился результатом длительного культурно-исторического развития, взаимодействия со средой обитания, межэтнических контактов приведшие к формированию устойчивых образцов поведения, получившие закрепление в обычаях и детализацию в конкретных обрядах и ритуалах.

Тема обрядового и ритуального фольклора алтайцев часто становится объектом этнографического изучения, где стараниями этнографов, фольклористов, культурологов фиксируются и анализируются обычаи, обряды и ритуалы как в отдельно взятых обрядовых действиях, так и в крупных обрядовых комплексах, связанных с календарной, свадебной, трудовой обрядностью, это работы Н. П. Дыренковой, С. С. Суразакова, З. С. Казагачевой, Н. И. Шатиновой, М. А. Демчиновой, К. Э. Укачиной, Н. А. Тадиной, С. П. Тюхтеневой, Н. Р. Ойноткиной и др.

В своей исследовательской работе этнографы и фольклористы часто имеют дело с одними и теми же обычаями, обрядами и ритуалами, производят полевые записи в одних и тех же населенных пунктах и у одних и тех же информантов, общность целей и методов работы позволяет таким исследованиям взаимно дополнять друг

друга и решать комплексные задачи. Для фольклорных исследований характерны те же комплексы вопросов, позволяющие видеть хронологическую глубину обрядового действия, цели, причины и следствия.

О роли и важности народного фольклора писал В. К. Чистов, фольклор не просто один из многих явлений народного быта, фольклором был пронизан, буквально весь народный быт во всех его проявлениях. В фольклорные формы отливается народный опыт и народные знания, народные представления о прошлом родов, племен и прошлом земли, на которой они обитали или обитают [16, с. 4].

В жизни народа традиции, обычаи, обряды и ритуалы кристаллизуются в культурные образцы, модельно-поведенческие установки по сути выступающие координатами исследуемой культуры, позволяющие говорить об этнической идентичности, производить сравнительно-сопоставительный анализ, видеть преемственность поколений. В фольклоре алтайцев также широкое отражение получили обычаи, обряды и ритуалы, связанные с повседневной жизнью народа и традиционным являющиеся темами исследований этнографов.

Важным пунктом в изложении и интерпретации фольклорного и этнографического материала является

терминологический аппарат, а именно такие краеугольные понятия как обычай, обряд и ритуал.

Обычай — укоренившееся с давних времен, многократно повторяемое действие, получивший общественную санкцию, норму, о которой знают все. Основными функциями обычая являются трансляция культуры от одного поколения другому, осуществление социального контроля, социализация членов общества и сакрализация объектов и социальных отношений внутри исследуемого этноса. В конце XX в. в алтайской культуре обычаи стали основой возрождения традиционной культуры и способом индигенизации. Так, например, в материальной культуре на основе фольклорного описаний этнографической триады одежда-пища-жилище содержащиеся в героических сказаниях, легендах, преданиях, загадках восстанавливаются традиционные жилища, костюмы и блюда.

Обряд — совокупность действий стереотипного характера, которой присуще символическое выражение какой-то идеи, чувства, действия, либо замена непосредственного воздействия на предмет символическим воздействием. При этом для различения понятий «обычай» и «обряд» вторя С. А. Токареву заметим, что понятие «обычай» есть логический «род», понятие же «обряд» есть логический «вид» [14, с. 156]. Обряд, например, в исследуемой культуре применялся при фиксации переходов в более старшую возрастную группу, обозначающий перемену статуса человека, появления новых прав и обязанностей и т.д.

Ритуал — форма знакового, символического, повторяемого действия совершаемых в определенных культурных ситуациях, согласно традиции.

Если говорить об основной функции ритуала, то это — контроль, точнее проверка соответствия различных аспектов социальной организации коллективу эталонам — сакральным образцам, поскольку в неизменности социальной структуры виделся залог благополучия и процветания коллектива. Другими словами, ритуал стоял на «страже» традиции, восполняя всевозможные потери и исправляя искажения, с одной стороны, и не допуская ничего нового в контролируемую сферу — с другой [1, с. 45].

Представленные термины в свою очередь входят в более обширную культурно-философскую категорию традицию, которая понимается как способ воспроизводства социокультурного наследия, от поколения к поколению с фиксацией устойчивых элементов культуры посредством обычаев, обрядов и ритуалов.

Мифы, сказки, предания, относясь к области социальной морфологии, предстают в качестве первичных

форм (по времени возникновения), в которых существует и транслируется социально ценная информация [10, с. 13] от одного поколения к другому. В повседневности, поведение индивидов моделируется в большей мере общественными отношениями, чем нормами и инструкциями. Фольклор же является проводником и выразителем отношения к общественным институтам его конкретным системам. В функциональном отношении по Б. Малиновскому фольклор выражает, упрочивает и кодифицирует веру; он обеспечивает и укрепляет нравственность; он подтверждает эффективность ритуала и заключает в себе практические правила, задающие человеку поведенческие ориентиры [9, с. 959]. М. Элиаде считает, что жанры фольклора сами по себе ни являются, ни хорошими, ни плохими, их, наверное, нельзя оценивать с точки зрения морали, хотя они во многом дают именно моральные установки. Их функции давать модели и таким образом, придавать значимость миру и человеческому существованию. Благодаря фольклору, понятия реальности, значимости трансцендентности, постепенно обнаруживают свою суть, и мир становится в совершенстве организованным, разумным и значимым Космосом [19, с. 147]. Р. Барт писал, что миф — это коммуникационная система, сообщения [3, с. 616]. В данном свете на первое место выходит образовательная, коммуникативная функция фольклора. Ранее в традиционных обществах фольклор, в богатстве и разнообразии своих жанров, исполнял роль «идеального» закона, из них рождались обычно-правовые нормы. Примеры, сюжеты из фольклорных текстов приобщали молодое поколение к знаниям норм, моделям поведенческих установок, присутствуя во всем — в повседневных разговорах, праздничных обрядах и церемониях, песнях и ритуалах, в рисунках, скульптурах [10, с. 29]. К тому же характерной чертой фольклора является сила его массового социального убеждения [5, с. 76]. Фольклор создавал некую новую фантастическую «высшую реальность» (идеальную), которая парадоксальным образом воспринимается носителями соответствующей мифологической традиции как первоисточник и идеальный прообраз [11, с. 171]. Основная задача фольклора не только показать необходимые правила для поведения, но и, что самое главное, показать сам процесс их появления, т.е. все действия, которые привели эти правила к легитимности [18, с. 136]. Мифологические символы функционируют таким образом, чтобы личное и социальное поведение человека и мировоззрение взаимно поддерживали друг друга в рамках единой системы [11, с. 169].

В обычаях, обрядах и ритуалах алтайцев прослеживается общий вектор, который предстает в виде синкретичных представлений относительно «правильности» и «верности» производимых символических действий вне зависимости от производимого обрядового действия, будто это обряды календарного, семей-

ного или же производственного цикла. Как например, испрашивание у высших сил, духа Алтая, духов горных массивов, вершин, благополучного проведения праздника *Чага байрам*, *Жылгайак*, перегона скота на летние высокогорные пастбища или при благословлении молодых сочетающихся брачным союзом. Синкретичность выражается в том, что при отправлении культов, по сути в разных сферах, существует общая традиция, представляющая определенный «набор» и последовательность адресатов и культовых действий.

Производимые сакральные действия всегда имеют своих адресатов, и при их отправлении на разных обрядовых действиях можно рассмотреть, общий набор адресатов как отмечает С.Н. Толстая модель адресата для обрядового текста/действия имеют по крайней мере трех адресатов: 1) непосредственный адресат обрядовой ситуации, т.е. один из участников обряда, к которому обращен текст (хозяин или вся семья, невеста и жених в свадебном обряде, больной в ритуале лечения и т.п.); 2) об адресате, обозначенном и названном в самом тексте (это может быть не только обрядовое лицо, но и Бог, святой, персонифицированный праздник, демонологический персонаж, предмет, объект или орудие действия); 3) некий абсолютный адресат, т.е. высшая сила, к которой апеллируют в конечном счете любой обрядовый текст/действие в том числе и заклинательного характера [15, с. 67].

Так во время благословления молодых благопожелания — *алкыиши* имеют адресную направленность непосредственно к жениху и невесте, где оговаривается их новый социальный статус «*тоомъылу кижги болып жургер*» / «уважаемыми людьми будьте», что можно истолковать как благословление стремиться жить, поступать в своих делах и поступках как уважаемые люди живущие в соответствии с нормами и моделями поведения, соответствующие старшему поколению, умудренному жизненным опытом.

Также важным адресатом выступают сверхъестественные силы, в благопожеланиях называются духи-хозяева местности, гор, дух Алтая. Согласно традиционному мировоззрению алтайцев, все совершаемые обряды и проговариваемые тексты должны в обязательном порядке содержать прошения благословления у духов Алтая, так как любое сакральное действие не может быть произведено без уведомления духов.

Абсолютным адресатом в алтайской культуре, который присутствует практически во всех обрядовых действиях является божество — *Кудай* или как его часто называют информанты *Алтай Кудай*. Обрядовые и ритуальные действия будь то на *Чага байрам*, *Жылгайак*, *Жажыл бюр*, *Сары бюр*, традиционной алтайской

свадьбе, промысловой/трудовой деятельности или же прошения выздоровления больного всегда содержат обращения к *Кудай* как к абсолютному началу, которому подвластны жизни и судьбы людей.

Важным в обрядовой практике алтайцев является «общая» последовательность сакральных действий. Ритуалы и обряды — это звенья одной системы, которые имеют свои нормативные, бытовые и религиозные особенности. Они определяют внутреннее устройство действия и их определенную четкую очередность [7]. Так Н. Р. Ойноткинова анализируя современный обрядовый фольклор алтайцев на примере обряда возвышения Алтая, описала такую «общую» / универсальную модель последовательностей, которая встречается во всех обрядах календарного цикла:

- ◆ подготовка жертвенных угощений и других ритуальных предметов возле юрты;
- ◆ направление участников к символическому входу к *тагылам* и подвешивание ритуальных ленточек с личными благопожеланиями;
- ◆ сжигание на огне жертвенных угощений духам Алтая у главного *тагыла* (в этом действии участвуют одни мужчины);
- ◆ окропление молоком остальных *тагылов* другими участниками;
- ◆ катание участников обряда по земле в целях очищения от скверны и недугов;
- ◆ круговой обряд освящения пищи (*аши-курсак куруйлаганы*);
- ◆ угощение участников обряда;
- ◆ проведение различных спортивных игр, состязаний;
- ◆ возвращение домой [12].

Календарные, свадебные, трудовые обряды все они начинаются с общего подготовительного этапа, заключающегося в подготовке ритуальной пищи, традиционного инвентаря, сакральных объектов и предметов, в подготовке пищи учитывают, что данные продукты и блюда готовятся специально для ритуального кормления духов, поэтому это преимущественно домашняя пища, приготовленная дома в очаге без добавлений соли, специй, без применения технических приспособлений, в случае с хлебом и алтайскими лепешками не используется даже нож, так как считается, что все это может навредить духу огня.

Ритуальные ленты *кыйра/жалама* также готовятся заранее и присутствуют на всех важных праздниках и обычно с их подвязывания начинается собственно сакральные действия. Сам акт подвязывания уже содержит подношение и просьбу духам, как отмечают информанты даже если человек не был в течение года ни на одном обряде, то он все равно должен подвязать ритуальную

ленту при преодолении перевала или посещении целебного/священного источника *аржаан суу*, что является подношением духам и просьбой о здоровье, достатке себе, семье, близким.

Сжигание на огне жертвенных угощений духам и кропление молоком по сути является актом диалога людей и духов, по количеству и качеству пищи можно судить о достатке народа, готовности в случае с осенними обрядами к зиме. Подношения содержат просьбу сохранения мира в народе, здоровья и счастья людям, плодородия скоту, удачной зимовки. Помимо ритуальной пищи и молока на огне сжигается можжевельник *арчын* считающийся даром бога людям, по традиционным представлениям его дым обладает очистительными свойствами и способен нейтрализовать скверну, которая по каким-либо причинам проникла в дом человека или прилипла к его одежде, волосам и наносит ему сакральный вред.

Вне обрядового времени также производится кормление духа огня, например, продуктами, привезенными из далека самими хозяевами дома или гостями.

Духом хозяином огня в очаге считается «огонь мать» со следующими функциями:

- ◆ передавать «души» детей, молодняка домашнего скота, посылаемые высшими духами, божествами;
- ◆ охранять семейное счастье-благополучие;
- ◆ очищать людей от прикосновения представителей мира «невидимых»;
- ◆ посредничество между людьми и небожителями, так как огонь имеет небесное происхождение. Мать огонь покровительствует членам «своей» семьи, переносит жертвы божествам и духам, передавая им просьбы людей [4, с. 72–78; 6, с. 172].

Катание участников обрядов по земле также наблюдается во всех календарных обрядах, считается, что таким образом человек впитывает в себя благодать земли, местности и снимает с себя скверну. Дословно ритуал называют перекачивание на земле *«јерге анданганы»* помимо календарных обрядов он еще встречается в праздновании дня/года рождения, преимущественно его совершают люди в возрасте 50–60 лет и именно в той местности где родился человек, объясняя суть ритуала подпитыванием жизненных сил, которые согласно представлениям, имеют тенденцию сокращаться с возрастом.

Фольклор впитывая нормы, обычаи народа обладает колоссальным образовательным и воспитательным потенциалом. В этом свете особую важность получают непосредственно исполнители народного фольклора, в алтайской культуре носителями, исполнителями и хра-

нителем фольклора являются сказители *кайчы*, исполнители ритуально-обрядовых песен *«Јанар» јанарчы*, знатоки традиционной культуры, которыми часто выступают работники культуры, фольклорно-методических центров, пожилые информанты знающие фольклорно-этнографическую традицию.

Исполнители обычно являются экспертами, в вопросах как в интерпретации материального, так и духовного наследия. Иногда можно наблюдать как при совершении какого-либо ритуала или исполнения благопожелания присутствующие люди совершают одинаковые действия, например, поглаживание кос замужними женщинами, проговаривание одинаковых формульных текстов *«Да будет так как [Вы] сказали!»/«Айтканар ла болзын!»*. Как отмечает С. Ю. Неклюдов изложение фольклорного текста вписано в синхронно сосуществующую с ним невербальную модель, неотделимо от нее и входит в определенный синкретический комплекс. Народная культура склонна многократно передавать свои сообщения в различных кодовых системах, как бы страхуя их от содержательных потерь [13, с. 13].

Уважаемыми экспертами в вопросе формирования модельно-поведенческих установок и передачи фольклорно-этнографической традиции являются сказители *кайчы*. Сказители в алтайском обществе пользуются заслуженным уважением и поддержкой, в народе хорошо знают своих уважаемых *кайчы* тех, кто исполняют сказания *кай* сегодня И. Б. Шинжин, А. Т. Курманов, Э. С. Теркишев, Н. Сегерткишев, Б. А. Турлунов и др. и тех, кого уже нет Н. У. Улагашева, М. Шалбаа, Т. А. Чачиякова, А. Г. Калкина и многих других.

Так в героическом эпосе «Маадай-Кара», которое в свое время исполнял А. Г. Калкин, прослеживается идеальная модельно-поведенческая установка для жизни воспитания подрастающего поколения. Текст, хоть и в гипертрофированном виде, но все же позволяет проследить разные ступени социализации юношей и девушек, объясняется важность детства, какие трудовые, промысловые, воинские навыки должен освоить мальчик к юношеству, как должно проходить сватовство, женитьба, как вести хозяйство, как вести себя в обществе, строить отношения с людьми. Так в уста главного героя богатыря война вложено почтенное отношение к старшим, когда *Кёгюдей-Мерген* обращаясь к старухе — хозяйке Алтая говорит:

*«Дорогая мать,
моего драгоценного коня вырастили.
И заседлали, оказываются,
Самого меня, мужа, вырастив,
Одели и снарядили теперь.
Конь не золото, чтобы не умереть,*

— *Отца своего поеду увидеть,
Муж не вечен, чтобы не умереть,
— С матерью своей поеду встретиться*
[8, с. 312].

Важным фактом в трансляции фольклорно-этнографической традиции в алтайской культуре является твердая установка передавать необходимые модели поведения и ценностные установки, вложенные в фольклорный текст в целостности и без искажений. И. Б. Шинжин отмечает, что носители мифологического жанра в фольклоре стремятся сохранить в целостности содержание мифов, героических сказаний. У них имеется твердая установка на устойчивость и достоверность, пытаются ничего не изменять, не добавлять от себя, чтобы передать все неизменно, так как у каждой легенды, тем более, у героического эпоса есть свой дух, который может наказать рассказчика за искажения или не верную передачу текста [17, с. 48].

Относительно передачи культурной традиции и ее роли в жизни народа А. К. Байбурун пишет, что единство традиции существует не только на каждом отдельном этапе, но и во времени. Сама по себе передача (традиция) осуществляется, видимо, в основном как передача

текстов (т.е. фактов, относящихся к плану выражения, фольклорных произведений, вещей, ритуалов, обычае и т.п.). Однако уже то обстоятельство, что передаются не столько сами вещи, сколько такие образцы и модели, которые позволяют каждый раз воспроизводить их заново (что и признается основной особенностью фольклорно-этнографической традиции), показывает, что в сущности смыслом этой передачи является передача единой основной парадигмы, которую можно назвать смыслом данного общества [1, с. 244–245].

Богатый и разнообразный алтайский фольклор, сопровождал человека на протяжении всей его жизни, объясняя причинно-следственные связи, устанавливая последовательность религиозно-обрядовой жизни, утверждая важность и необходимость ритуалов в отправлении культов, формируя модельно-поведенческие установки для подрастающего поколения, создавая идеальную матрицу жизни в обществе к которой необходимо стремиться. Единая фольклорно-этнографическая традиция по сути являлась основой мировосприятия народов Алтая, способом индигенизации, сохранения языка, истории и культурных ценностей способной ярко, красочно, доходчиво объяснить сложные вопросы бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурун А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. 1985. № 2. — С. 36–46.
2. Байбурун А. К., Левинтон Г. А. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / Под ред. Б. Н. Путилова. — Л.: Наука, 1984. — С. 229–245.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Наука, 1989. — 670 с.
4. Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сборник музея антропологии и этнографии. — Л., 1927. Т. 6. — С. 63–78.
5. Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 248 с.
6. Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о Вселенной // СЭ. — 1935. № 4–5. — С. 160–183.
7. Клопыжникова А. А. Ритуал как кодификация обряда [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritual-kak-kodifikatsiya-obryada-1> (дата обращения — 26 февраля 2018 года).
8. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. — 474 с.
9. Малиновский Б. Избранное. Динамика культуры. — М.: РОССПЭН, 2004. — 960 с.
10. Мальцев Г. В. Очерки теории обычая и обычного права // Обычное право в России. — Ростов-на-Дону: СКАГС, 1999. — С. 7–67.
11. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М.: Восточная литература, 2000. — 406 с.
12. Ойроткинова Н. Р. О некоторых результатах полевого исследования современного обрядового фольклора алтайцев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://net.knigi-x.ru/24kulturologiya/484612-1-vvedenie-obryadoviy-folklor-altaycev-bolshey-mere-izuchali-istoriko-etnograficheskom-as.php> (дата обращения — 26 февраля 2018 года).
13. Неклюдов С. Ю. К вопросу о фольклоре и обряде // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири / Сост. О. Б. Христофорова; Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. — М.: Рос. гос. гуманитар. Ун-т, 2008. — С. 11–22.
14. Токарев С. А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. В 2-х томах. Т. 2. — М., 1999. — 204 с.
15. Толстая С. Н. Образ мира в тексте и ритуале. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 528 с.
16. Чистов К. В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. — Л. 1970. — С. 3–15.
17. Шинжин И. Б. Алтайские мифы и их исполнители // Алтай и тюрко-монгольский мир. — Горно-Алтайск. 1995. — С. 40–48.
18. Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства. Миф и сказка. — М.: КомКнига, 2005. — 208 с.
19. Элиаде М. Аспекты мифа. — М.: Академический проект; Парадигма, 1994. — 221 с.

© Енчинов Эркин Валериевич (enchinov_e@mail.ru), Торушев Эркем Геннадьевич (erkor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ

FEATURES OF EMOTIONAL BURNOUT OF OFFICERS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

K. Vorobyeva

Summary. The article is devoted to the study of the peculiarities of emotional burnout in the employees of the operative-search activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Based on the analysis of the materials of the empirical study of the relationship between self-awareness and the level of emotional burnout, emotional, cognitive and behavioral components of self-consciousness that exert a significant influence on the development and level of emotional burnout of the ORD employees are revealed: self-relationship, self-image in the eyes of others, general level of self-regulation.

Keywords: emotional burnout, self-awareness, phase of resistance, expansion of saving of emotions, reduction of professional activity, depersonalization.

Воробьева Клариса Ивановна

*Д.псх.н., профессор, Тихоокеанский государственный университет, Дальневосточный юридический институт
МВД России
mail@pnu.edu.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей эмоционального выгорания у сотрудников оперативно-розыскной деятельности МВД России. На основе анализа материалов эмпирического исследования взаимосвязи самосознания и уровня эмоционального выгорания, выявлены эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты самосознания, оказывающие значительное влияние на развитие и уровень эмоционального выгорания сотрудников ОРД: самоотношение, представление о себе в глазах других, общий уровень саморегуляции.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, самосознание, фаза резистенции, расширение экономики эмоций, редукция профессиональной деятельности, деперсонализация.

Актуальность названной проблемы обусловлена насущной необходимостью изучения возможностей сохранения профессионального здоровья, в частности, предупреждения эмоционального выгорания, сотрудников ОРД в условиях стрессогенной деятельности. Настоящее исследование посвящено изучению взаимосвязи синдрома эмоционального выгорания и самосознания у оперативных работников МВД России. Как известно, наряду с социальными и организационными факторами (высокая социальная значимость профессии при ее низком общественном статусе, психологические и физические перегрузки, конфликтный характер взаимодействия с «трудным» контингентом, высокая степень ответственности за выполняемые функции, трудновыполнимый объем работы, нереальные сроки исполнений задания и т.д.), вызывающими состояние эмоционального выгорания, большую роль в сохранении эмоционального благополучия играют личностные свойства сотрудников, прежде всего, особенности самосознания. От развития самосознания зависит не только формирование психологического склада личности, но и успешность профессиональной деятельности, особенно в первые годы профессионального становления.

В качестве теоретической основы исследования нами выбрана трехкомпонентная модель структуры са-

мосознания, которая включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий (саморегулятивный) компонент (И. И. Чеснокова, А. М. Прихожан, И. С. Кон).

В исследовании приняли участие 50 оперативных работников МВД России в возрасте от 24 до 35 лет. Средний стаж работы испытуемых составляет 5 лет.

Диагностический этап исследования включает: определение уровня проявления эмоционального выгорания и особенностей развития выделенных нами компонентов самосознания испытуемых.

Для диагностики проявления синдрома эмоционального выгорания испытуемых использовались: «Методика диагностики уровня эмоционального выгорания» В. В. Бойко и тест «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой).

Особенности самосознания диагностировались соответственно выделенным компонентам: проявление эмоционального компонента самосознания определялось с помощью Теста-опросника самоотношения (Столин В. В., Пантелеев С. Р.); когнитивный компонент самосознания диагностировался Опросником В. Стефансона; поведенческий компонент изучался с помощью методи-

ки «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, Е.М. Коноза.

Для статистической проверки гипотезы исследования о наличии взаимосвязи синдрома эмоционального выгорания и самосознания у оперативных работников использован корреляционный анализ. Критические значения величины коэффициента корреляции Пирсона для выборки из 50 человек составляют $r_{0,05}=0,27$; $r_{0,01}=0,35$.

Результаты психодиагностики

1. По «Методике диагностики уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко у испытуемых выявлены:

- ◆ высокие показатели по следующим шкалам опросника: «расширение сферы экономики эмоций» (12,74); «редукция профессиональных обязанностей» (12,44); «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» (11,54) и «эмоционально-нравственная дезориентация» (11,48). Показатели по названным шкалам относятся к фазе эмоционального выгорания, которую принято называть «резистенция». Признаки фазы резистенции отсутствуют у 38% опрошенных, в стадии формирования — у 36%. 26% испытуемых характеризуются сложившейся фазой резистенции, т.е. активного сопротивления нарастающему стрессу.
- ◆ низкие показатели по шкалам «психосоматическое и вегетативное расстройство» (6,28 баллов) и «Личностная отстраненность» (7,56 балл). Данные симптомы относятся к фазе «истощение». Большинство испытуемых (66%) отличаются отсутствием сформированности фазы «истощения», у 30% названная фаза находится на стадии формирования, у 4% обследованных фаза «истощения» сформирована.

Таким образом, по данным методики В.В. Бойко, среди опрошенных 52% испытуемых не проявляют признаков эмоционального выгорания. У 34% испытуемых проявляется средний уровень эмоционального выгорания, и 14% характеризуются высоким уровнем сформированности СЭВ.

2. По шкале эмоционального истощения «Методики профессионального выгорания» Маслач, Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой низких показателей не зафиксировано. Средним уровнем эмоционального выгорания обладают 28% опрошенных, уровень «ниже среднего» характерен для 24%, уровень «выше среднего» — 34%. 14% испытуемых находятся на высоком уровне эмоционального выгорания.

3. По методике В.В. Столина и С.Р. Пантелеева получены: сравнительно высокий средний показатель по шка-

лам «глобальное самоотношение» «самоуверенность» и «самопринятия». Более половины испытуемых имеют ярко выраженное позитивное глобальное самоотношение (88%); самоуважение (68%); проявляют аутосимпатию (56%); интересны себе (58%); отличаются самоуверенностью (92%); характеризуются самопринятием (76%), склонны к саморуководству (50%); имеют ярко выраженные положительные оценки самоинтереса (60%) и самопонимания (50%). Сравнительно низкие оценки получены по шкалам «ожидаемое отношение от других» (59,92%); «отношение других» (54,43%) и «самообвинение» (50,48%).

4. По методике В. Стефансона зафиксирован высокий средний балл по шкале «Зависимость» (9,3). Меньшие оценки набраны по шкалам «общительности» и «принятия борьбы» (8,7 и 8,74 соответственно).

5. По методике «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, Е.М. Коноза наибольшее среднее значение определено по шкале «Гибкость» (5,78); по шкале «моделирование» средний балл составил 5,58; по шкале «программирование» — 5,4; по шкале «оценивание результатов» — 5,16, и по шкале «планирование» зафиксирован наименьший средний балл — 5,12. Общий уровень саморегуляции средний — у 58%, и высокий — у 4%.

Результаты корреляционного анализа

1. Обнаружены следующие взаимосвязи компонентов самосознания со шкалами методики В.В. Бойко:

- ◆ фаза «напряжение» синдрома эмоционального выгорания демонстрирует отрицательную корреляцию со шкалой «Глобальное самоотношение (S)» Теста Столина — Пантелеева ($p \leq 0,05$ при $r = -0,277$); со шкалой «общительность» теста В. Стефансона ($p \leq 0,01$ при $r = -0,388$); с показателем общего уровня поведенческой саморегуляции по методике В.И. Моросановой ($p \leq 0,05$ при $r = -0,288$).
- ◆ фаза «резистенция» СЭВ демонстрирует отрицательные взаимосвязи с показателями «зависимости» по тесту В. Стефансона ($p \leq 0,01$ при $r = -0,419$); «общительности» по тесту В. Стефансона ($p \leq 0,01$ при $r = -0,513$); с показателем общего уровня саморегуляции по опроснику В.И. Моросановой.
- ◆ фаза «истощение» синдрома эмоционального выгорания отрицательно коррелирует с «Глобальным самоотношением» по тесту Столина-Пантелеева ($p \leq 0,01$ при $r = -0,393$); а также общим уровнем саморегуляции по тесту В.И. Моросановой ($p \leq 0,01$ при $r = -0,393$).

2. Обнаружены следующие взаимосвязи компонентов самосознания со шкалами методики Маслач-Джексона в адаптации Н. Е. Водопьяновой.

- ◆ симптом «Эмоциональное истощение» обнаруживает обратную взаимосвязь с «Глобальным самоотношением» личности ($p \leq 0,05$ при $r = -0,301$); шкалой «Общительность» опросника Стефансона ($p \leq 0,01$ при $r = -0,320$), и общим уровнем саморегуляции поведения по методике Моросановой ($p \leq 0,01$ при $r = -0,466$).
- ◆ симптом «Редукции личных достижений» отрицательно коррелирует со шкалами «Зависимость» ($p \leq 0,05$ при $r = -0,346$) и «общительность» ($p \leq 0,05$ при $r = -0,275$) опросника В. Стефансона.

Заметим, что «общий показатель» уровня эмоционального выгорания по В. В. Бойко, и «общий балл» профессионального выгорания личности по методике Маслач и Джексона, демонстрируют одинаковые взаимосвязи с каждым из компонентов самосознания. С общим уровнем самоотношения выявлена отрицательная взаимосвязь: по тесту Бойко: $p \leq 0,05$ при $r = -0,277$; по тесту Маслач-Джексона: $p \leq 0,05$ при $r = -0,271$.

Обсуждение результатов

Следует подчеркнуть, что в обследовании принимали участие сотрудники ОРД со стажем профессиональной деятельности не более 5 лет, т.е. все испытуемые находятся на стадии профессиональной адаптации. Полученные результаты психодиагностического исследования позволяют утверждать, что значительное число сотрудников ОРД (около 50% респондентов) на стадии адаптации к профессиональной деятельности характеризуются средним уровнем эмоционального выгорания, а точнее находятся в фазе «резистенции». В профессиональной деятельности наблюдаются следующие проявления эмоционального выгорания:

- ◆ чувство опустошенности и усталости, вызванное работой, снижение эмоционального фона, равнодушие или эмоциональное пресыщение; испытуемые избегают чрезмерно насыщенного эмоционально-профессионального общения, ограничивают контакты вне профессиональной деятельности; обладают повышенной раздражительностью и вспыльчивостью; (шкала «расширение сферы экономики эмоций»);
- ◆ черствость, равнодушие в профессиональном общении, формализм в отношениях с людьми; потребность сократить профессиональные обязанности, отсутствие стремления к высоким результатам и профессиональному росту, разочарование в выбранной профессии, переживание чувства некомпетентности (шкала «редукция профессиональных обязанностей»);

- ◆ повышение зависимости от других или повышение негативизма, циничность установок и чувств по отношению к коллегам, подчиненным и т.д. (шкала «деперсонализация»).

Таким образом, результаты психодиагностического этапа исследования позволяют сделать следующие выводы, что чем более развито выгорание личности сотрудников ОРД,

- ◆ тем менее позитивным является его самоотношение. С развитием синдрома эмоционального выгорания «внутреннее недефиницированное чувство» приобретает характер «против» себя.
- ◆ тем менее развиты когнитивные представления о себе как о стремящемся принятию групповых стандартов и ценностей.
- ◆ тем менее развито представление о себе как о контактном, стремящимся образовывать эмоциональные связи как в своей группе, так и за ее пределами индивиде.
- ◆ тем менее развита система осознанной саморегуляции.

Зоной *риска* повышения уровня эмоционального выгорания являются высокие показатели по шкалам: «отношение других» и «самообвинение». Ожидаемое отношение от других — это шкала, характеризующая самооценку себя как интересного, притягательного, приятного для окружающих человека. Результаты тестирования показали, что испытуемые проявляют мнительность, подозрительность в оценке себя со стороны сослуживцев и руководства; склонность при самооценке видеть, прежде всего, собственные недостатки; вызывать у себя чувство раздражения; относиться к себе с укоризной.

Анализ взаимосвязи особенностей самосознания испытуемых с уровнем их эмоционального выгорания позволяют выявить психологические *резервы* совладания с трудностями профессиональной деятельности, предупреждения или преодоления эмоционального выгорания. В качестве такого резерва выступает продемонстрированный респондентами высокий уровень «глобального самоотношения» (эмоциональный компонент самосознания): позитивное отношение к себе, вера в собственные силы и способности, принятие себя «таким, какой и есть», способность контролировать свою жизнь. Обнаруженная в ходе корреляционного анализа отрицательная взаимосвязь между показателями эмоционального выгорания и компонентами самоотношения является доказательством того, что чем выше уровень самоотношения испытуемого, тем в меньшей степени у него проявляются симптомы эмоционального выгорания.

Важным резервом предупреждения или преодоления эмоционального выгорания в профессиональной

деятельности является выявленная отрицательная корреляция между симптомом «Редукции личных достижений» со шкалами «Зависимость» ($p \leq 0,05$ при $r = -0,346$) и «общительность» ($p \leq 0,05$ при $r = -0,275$) опросника В. Стефансона, что свидетельствует о наличии контактности, стремлении образовать эмоциональные связи, как в своей группе, так и за ее пределами, готовности к принятию социально-значимых групповых установок и ценностей (когнитивный компонент самосознания). Однако эта тенденция оказывается блокированной внешними обстоятельствами, прежде всего, неблагоприятными условиями профессионального взаимодействия.

Средний уровень саморегуляции (поведенческий компонент самосознания), выявленный у 58% респондентов и его высокая отрицательная корреляция с уровнем эмоционального выгорания доказывает, что названный компонент самосознания является опорным свойством самосознания в предупреждении эмоционального выгорания и сохранении профессионального здоровья. Чем выше общий уровень осознанной регуляции, тем легче человек овладевает новыми видами

активности, увереннее чувствует себя в незнакомых ситуациях, тем стабильнее его успехи в привычных видах деятельности, тем более сознательны, реалистичны, устойчивы цели и планы, т.к. инициатива планирования исходит от субъекта.

Рекомендации по психологическому сопровождению служебной деятельности сотрудников ОРД на этапе их профессиональной адаптации. Учитывая важную роль самосознания в предупреждении и преодолении эмоционального выгорания, вызванного особенностями профессионального труда в системе правоохранительной деятельности, работа по психологическому сопровождению должна быть направлена на:

- ◆ сохранение и поддержание позитивного самоотношения сотрудников ОРД, профессионального достоинства и чести;
- ◆ формирование и развитие благоприятного морально-психологического климата в службах и подразделениях органов внутренних дел;
- ◆ развитие и совершенствование навыков саморегуляции психических процессов и состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова, М. В. Социально-психологические аспекты эмоционального выгорания и самоактуализации личности / М. В. Агапова. — Ярославль, 2004. — 184 с.
2. Бойко, В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В. В. Бойко. — СПб.: Речь, 1999. — 139 с.
3. Водопьянова Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика [Текст] / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. — СПб.: Питер, 2005. — 410 с.
4. Гришина Н. В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы [Текст] / Н. В. Гришина // Психологические проблемы саморегуляции личности / под ред. А. А. Крылова и Л. А. Коростылевой. — СПб.: Питер, 2000. — С. 143–156.
5. Диагностика эмоционального выгорания личности (В. В. Бойко) // Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп [Текст] / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 129 с.
6. Маслач, К. Профессиональное выгорание: как люди справляются / К. Маслач. — М., 1978. — 60 с.
7. Пряжников Н. С. Психология труда и человеческого достоинства [Текст] / Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжникова. — М.: Академия, 2005. — 216 с.

© Воробьева Клариса Ивановна (mail@pnu.edu.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

СИНДРОМ УПУЩЕННОЙ ВЫГОДЫ — FEAR OF MISSING OUT: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

FEAR OF MISSING OUT: REVIEW OF CURRENT ISSUES

S. Devyatov

Summary. Fear of missing out, a concept formulated less than 20 years ago, has been actively researched since social networks appears in our lives and the spread of the Internet among us. At the moment, FOMO is one of the most important indicators of the impact of social networks on human, but the studies that investigates this phenomenon is rather small, especially Russian-speaking, in this connection it is necessary to conduct intermediate results and determine the current state of affairs in this area.

Keywords: fear of missing out, FoMO, social networks, overall life satisfaction, general mood.

Девятков Сергей Сергеевич

Аспирант, Российский государственный
гуманитарный университет
sergdevyatov@gmail.com

Аннотация. Синдром упущенной выгоды (Fear of missing out) — понятие, сформулированное менее 20 лет назад, стало активно исследоваться с момента появления социальных сетей и распространения интернета. На данный момент СУВ является одним из важнейших индикаторов влияния социальных сетей личность, однако работ, исследующих это явление, достаточно мало, особенно русскоязычных, в связи с чем необходимо провести промежуточные результаты и определиться с текущим положением дел в этой сфере.

Ключевые слова: fear of missing out, синдром упущенной выгоды, социальные сети, удовлетворенность жизнью, настроение.

Формулирование проблемы на первых этапах

Синдром упущенной выгоды (далее — СУВ) или в английском языке — fear of missing out (далее — FOMO) относительно новый феномен, впервые его упомянул в 1996 году доктор Дэн Херман, а в 2000 году опубликовал первую научную статью на эту тему. Её суть заключалась в достаточно простой мысли — «долгие» бренды (long-term brands) теряют свою аудиторию и со временем начинают приносить меньше прибыли, необходимо создавать «короткие» бренды (short-term brand), цель которых — извлечение максимальной выгоды за короткий период времени.

В качестве научной базы, приводилось исследование панелистов компаний Nielsen и Information Resources основанное на потребительском поведении 28000 домохозяйств. Как показало исследование, ряд продуктов, особенно в категории FMCG (fast moving consumers goods — товары повседневного спроса), при наличии должной маркетинговой поддержки, пользуется высоким спросом с самого старта продаж и хорошо закрепляется на рынке. Аналогичных результатов не могут добиться большие корпорации, давно присутствующие на рынке, или владельцы «зонтичных» брендов (вид стратегии расширения бренда, заключающийся в выпуске под одной маркой сразу нескольких групп товаров или товарных категорий), выпускающие товары в новой категории или расширяющие линейку

старых товаров, например — выводя на рынок новый вкус йогурта.

Причиной этому, по мнению автора статьи, является FOMO — боязнь оказаться в положении, когда все вокруг уже попробовали новый товар, а ты ещё нет. В целом можно сказать, что консьюмеризм в этот момент времени перестал отвечать задаче социальной самоидентификации по цене продукта или его классу, а превратился в настоящую гонку потребления, в которой помимо идеи владения чем-либо — дорогим автомобилем, последней моделью компьютера или сумкой от кутюр, появилась навязчивая идея «быть в курсе» через потребление повседневных, но таких популярных продуктов.

С течением времени и развитием информационного общества модель такого потребления с одной стороны укреплялась, а с другой стороны менялась. Люди все больше и больше подвержены страху что-то упустить, о чем-то не узнать или узнать позже, на этом строятся многие модели продажи вещей, в качестве самых ярких примеров подобных «повседневных товаров» последнего десятилетия можно назвать дезодорант Ахе, наушники Beast и спинеры. Все три примера достаточно интересны.

Дезодорант Ахе — бренд кампании Unilever, но его выход на каждый новый рынок сопровождается большими маркетинговыми вливаниями, при этом — отстройкой от других «зонтичных» брендов Unilever —

Clear и Rexona. Вся активность происходит в рамках определенной доктором Дэном Херманом логики создания и управления «коротким» брендом, сам по себе продукт присутствует на рынке достаточно давно, но остается всегда новым для своей целевой аудитории за счет новых маркетинговых активностей, т.к. те кто уже переросли бренд о нём забывают, а те кто только начинает пользоваться дезодорантами не слышали об этом продукте или слышали мало, и считают его новым, на фоне «зонтичных» конкурентов.

Наушники Beast представляют собой хрестоматийный пример short-term brand — они полностью соответствовали всем законам для «коротких» брендов, хоть и не относятся непосредственно к FMCG категории — агрессивный маркетинг, многократно завышенная цена при стандартных потребительских качествах [2] и получается идеальный продукт для быстрой генерации прибыли, а в дальнейшем, бренд продается компании Apple, и становится ещё одним проприетарным товаром на устоявшемся рынке, который продолжает борьбу за рынок уже как «long term brand». Последний пример — спинеры, скорее является крайней формой отражения консьюмеризма, нежели хорошо отработанной моделью — быстро произведенные, с низкой себестоимостью, активно заполнившие полки почти во всех магазинах, спинеры показывают истинное лицо современного потребителя, абсолютно ненужный предмет со средней ценой в 3 доллара покупается ради интереса и для избегания СУВ, и в течение месяца превращается в бесполезную со всех точек зрения игрушку.

Синдром упущенной выгоды как важный психологический механизм и его трансформация в современном обществе

Описанное выше, относится скорее к теории маркетинга и потребления, однако, у СУВ есть и второе направление развитие — информационное. Оно выражается в постоянном желании узнавать важную информацию о своих родственниках и друзьях в режиме онлайн, отслеживать активность звезд — «держать руку на пульсе». Некоторые психологи считают, что СУВ само по себе не продукт XXI века, просто в наше время этот синдром начал сильнее проявляться за счет ряда триггеров, в том числе — неограниченного выбора и социальных сетей.

Например, Анита Санц, доктор психологических наук, утверждает, что СУВ как таковой появился вместе с началом становления общества [3] — потребность быть в курсе новой информации являлась ключом к физическому выживанию на ранних этапах развития человека и общества — это могло уберечь человека от диких зверей или от отравления неизвестной едой.

Фактически, доктор Санц приравнивает СУВ к одному из важнейших мотивов для накопления и обмена информацией, т.к. именно такое поведение позволяло получить больше благ и избежать потерь.

Таким образом мы приходим к выводу, что СУВ сам по себе является благом и достаточно важным механизмом для выживания человека в целом. Однако, с приходом в нашу жизнь интернета, формированием общества потребления и практически неограниченном выборе что и когда потреблять, СУВ превратился практически в заболевание, поражающее общество.

Крайне интересное исследование было проведено группой ученых из университетов Эссекса, Калифорнии и Рочестера — Эндрю К. Пшибылски, Коу Мураяма, Коди Р. ДеХаан и Валери Гладуэлл опубликовали в 2013 году в журнале «Computers in Human Behavior» [4] большое исследование СУВ, разделенное на три части — определение источников СУВ у человека через опросник из 32 пунктов, определение «группы риска», для которой СУВ наиболее характерен, и выявление влияния СУВ на повседневную жизнь людей.

В первой части исследования, авторы выдвинули гипотезу о 32 источниках СУВ, список формировался на основе ряда популярных научных статей по теме СУВ. В опроснике респондентам предлагалось отнести то или иное утверждение о каждом из источников к одному из пяти вариантов ответов по классической шкале — 1 — «Совсем не согласен», 2 — «Скорее не согласен», 3 — «Затрудняюсь ответить», 4 — «Скорее согласен» и 5 — «Полностью согласен». После обработки результатов от 32 источников осталось только 10, которые были проверены на дополнительной группе испытуемых. В результате, при сопоставлении полученных данных по двум группам было получено высокое значение корреляции, что свидетельствует о высокой достоверности данных. При этом стоит отметить, что эти 10 источников не являются исчерпывающими, а скорее указывают общую тенденцию появления СУВ.

Вторая часть исследования ставила своей целью выявить как возраст или пол связаны с СУВ, а так же выяснить как индивидуальные различия в потребностях чувства удовлетворенности и хорошей жизни влияют на вовлеченность человека в социальные сети.

В рамках исследования авторы не нашли связи между СУВ и возрастом, при этом выявлена достоверная зависимость уровня СУВ от пола респондента — мужчины подвержены этому синдрому чаще, однако, и тут есть оговорка — это справедливо только для молодых респондентов. Проще говоря, более высокую подверженность СУВ демонстрирует молодые мужчины,

остальные группы испытуемых показывают примерно одинаковый уровень СУВ.

Касательно зависимости СУВ от потребности чувства удовлетворенности и хорошей жизни, были выявлены две общие закономерности — чем больше человек подвержен СУВ, тем хуже его общее настроение, а так же ниже общая удовлетворенность от жизни.

В третьей части исследования авторы изучали вопрос того, как уровень СУВ влияет на уровень вовлечения человека в социальные сети, на примере Facebook. Люди, испытывающие СУВ, намного чаще пользуются Facebook, что подтвердило первую гипотезу исследователей — СУВ вызывает желание «выключиться» из реального мира и постоянно следить за происходящим в социальных сетях, даже если в этот момент вокруг человека происходит что-то важное, например, идет лекция по одному из основных предметов. Аналогично, исследователи замерили и отвлечение на мобильный телефон во время вождения, оказалось, что чем сильнее СУВ проявлялся у человека, тем чаще этот человек за рулем отвлекался на электронную почту, SMS и социальные сети.

Второй гипотезой в третьей части исследования стало предположение, что люди с ярко выраженным СУВ в процессе использования социальных сетей испытывают амбивалентный спектр эмоций, в то время как для остальных людей использование социальных сетей проходит относительно безэмоционально, и скорее связано с их текущим настроением, нежели с контентом социальной сети, и эта гипотеза подтвердилась.

Если подвести краткие итоги всего вышесказанного, СУВ свидетельствует о низкой удовлетворенности жизнью и плохом настроении у человека, а так же ведет к неустойчивости эмоциональных реакций по достаточно незначительным поводам — например, из-за информации полученной из социальных сетей, и становится причиной потребности всегда быть на связи через Интернет, для поддержания информационного потока, а как следствия — корректировки своей собственной жизни и адаптации к новой информации.

В декабре 2017 года социальная сеть Facebook провела собственное исследование [5] относительно того, как использование социальной сети влияет на настроение пользователей. Само исследование строилось на двух группах испытуемых — первую группу просили просто листать ленту социальной сети и просматривать посты других людей, вторую группу попросили общаться с друзьями и самим создавать посты в рамках Facebook.

Первая группа своим поведением имитирует СУВ — человек становится рецепиентом без обратной связи — потребляя все больше информации, которая на его взгляд является интересной или важной — путешествия друзей, происшествия из жизни знакомых, и.т.д. Этот информационный поток вызывает фрустрацию в отсутствии дополнительных деталей или конкретики.

Вторая группа же воспроизводит сценарий активных социальных связей — в рамках общения испытуемые строили диалог и получали информацию близкую к той, которая отражена в ленте новостей, но при этом добавлялся фактор человеческого общения, который придает информации более житейский вид, нежели подготовленные посты в ленте новостей.

В итоге, участники из второй группы оценивали свое субъективное настроение большее позитивно, не демонстрировали ощущения одиночества и депрессии. Первая же группа, помимо более низкой субъективной оценки настроения, так же демонстрировала и ряд негативных эмоций, таких как например зависть и злость, что является свидетельством более высокого уровня фрустрации по сравнению с первой группой.

Заключение

СУВ как психологический конструкт существует с давних времен и по своему предназначению должен был повышать шансы на выживание человека, а так же — на улучшение качества жизни, более простой доступ к благам и ресурсам. Однако, вместе с информационными революциями модернизировался и механизм работы СУВ, сначала став источником неуемного консьюмеризма, а в дальнейшем, с появлением Интернета и смартфонов — источником фрустрации и зависти по отношению к окружающим.

На текущем этапе исследователям удалось установить достаточно достоверные связи между наличием СУВ и низким настроением, негативными эмоциями и болезненной зависимостью от социальных сетей. Нынешние лонгитюдные исследования направлены на выяснение причин и процессов формирования СУВ, а так же на то, как СУВ может повлиять на повседневную жизнь человека — его мотивационную, эмоциональную, социальную и другие сферы. Прикладные исследования, которые ставят своей задачей поиск механизмов избавления от СУВ пока продолжают, но некоторые исследователи говорят, что проблема может решиться сама собой по мере усвоения новым поколением «правил игры» или «гигиены» в социальных сетях и выработки критичности мышления при восприятии информации из социальных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. <https://gizmodo.com/5865253/the-6-absolute-worst-tech-gifts-to-give-this-holiday>
2. http://www.slate.com/blogs/quora/2015/09/30/fomo_what_s_the_psychology_behind_the_fear_of_missing_out.html
3. «Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out» A. K. Przybylski et al. / Computers in Human Behavior 29 (2013) 1841–1848
5. Verduyn, P., Lee, D. S., Park, J., Shablack, H., Orvell, A., Bayer, J., . . . Kross, E. (2015). Passive Facebook usage undermines affective well-being: Experimental and longitudinal evidence. *Journal of Experimental Psychology: General*, 144(2), 480–488.
7. Herman, Dan (2000–05–01). «Introducing short-term brands: A new branding tool for a new consumer reality». *Journal of Brand Management*. 7 (5): 330–340. doi:10.1057/bm.2000.23. ISSN1350–231X.
8. Moira Burke, Cameron Marlow, Thomas Lento Social Network Activity and Social Well-being // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. — New York, NY, USA: ACM, 2010–01–01. — С. 1909–1912. — ISBN9781605589299. — DOI:10.1145/1753326.1753613.
9. Park, N.; Kee, K. F. & Valenzuela, S. (2009), «Being immersed in social networking environment: Facebook groups, uses and gratifications, and social outcomes», *CyberPsychology & Behavior*, 12 (6): 729–733, doi:10.1089/cpb.2009.0003.
10. «Fear of missing out, need for touch, anxiety and depression are related to problematic smartphone use». *Computers in Human Behavior*. 63: 509–516. 2016–10–01. doi:10.1016/j.chb.2016.05.079. ISSN0747–5632.
11. Burke, M., Marlow, C., & Lento, T. (2010). Social network activity and social wellbeing. *Postgraduate Medical Journal*, 85, 455–459.
12. Przybylski, A. K., Weinstein, N., Ryan, R. M., & Rigby, C. S. (2009). Having to versus wanting to play: Background and consequences of harmonious versus obsessive engagement in video games. *CyberPsychology & Behavior*, 12, 485–492.

© Девятков Сергей Сергеевич (sergdevyatov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный гуманитарный университет

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ, ИНТЕНСИВНОСТНАЯ, ВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ И РАБОТАЮЩИХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ЗАДАННЫХ СИТУАЦИЯХ ФРУСТРАЦИИ ИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Иванова Александра Викторовна

Аспирант, Академия Психологии и Педагогике Южного
Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)
sasha-vano@rambler.ru

**SPATIAL, INTENSITY, TIME
CHARACTERISTICS OF VOLUNTARY
IMAGINATION OF YOUNG PEOPLE
STUDYING AND WORKING IN A GIVEN
SITUATIONS OF FRUSTRATION
OF THEIR NEEDS**

A. Ivanova

Summary. The article presents the results of a study aimed at studying the spatial, intensity and temporal characteristics of voluntary imagination in verbal given situations of frustration of the biological and social needs of working and studying men and women. The spatial characteristic of an arbitrary imagination is considered as the involvement of a particular sphere of life in the content of the imagination of the Respondent, actualized under the influence of frustration needs of the subject. The intensity characteristic of imagination is interpreted as the degree of distinctness, detail, subjective significance of the content of imagination. The time characteristic of imagination reflects the speed of actualization of the content of imagination. According to the results of the study, the social status and gender of young people have different effects on the spatial and intensity characteristics of arbitrary imagination, depending on the nature of frustrated needs. When frustrating biological needs on the specifics of the spatial and intensity characteristics of the imagination of respondents affect their social status and gender. When frustrating the social needs of respondents, their gender and social status affect the specifics of each of the characteristics of an arbitrary imagination.

Keywords: voluntary imagination, imagination content, characteristics of imagination, needs, working people, students, men and women.

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования, нацеленного на изучение пространственной, интенсивностной и временной характеристик произвольного воображения в вербально заданных ситуациях фрустрации биологических и социальных потребностей работающих и обучающихся мужчин и женщин. Пространственная характеристика произвольного воображения рассмотрена как вовлеченность той или иной сферы жизнедеятельности в содержание воображения респондента, актуализируемое под влиянием фрустрации потребностей субъекта. Интенсивностная характеристика воображения трактуется как степень отчетливости, детализированности, субъективной значимости содержания воображения. Временная характеристика воображения отражает скорость актуализации содержания воображения. Согласно результатам исследования социальный статус и пол молодых людей по-разному сказываются на особенностях пространственной и интенсивностной характеристиках произвольного воображения в зависимости от характера фрустрируемой потребности. При фрустрации биологических потребностей на специфике пространственной и интенсивностной характеристик воображения респондентов сказываются их социальный статус и пол. При фрустрации социальных потребностей респондентов их пол и социальный статус сказываются на специфике каждой из характеристик произвольного воображения.

Ключевые слова: произвольное воображение, содержание воображения, характеристики воображения, потребности, работающие молодые люди, студенты, мужчины и женщины.

Воображение — высшая психическая функция, психологическая система [6], познавательный [21], близкий к мышлению [3], сквозной [5] психический процесс, направленный на создание нового. Произвольное воображение характеризуется преднамеренным, осознанным воспроизведением (репродуктивное воображение) и преобразованием (творческое воображение и мечта) полученных ранее впечатлений [16], и в силу своей многофункциональности обеспечивает обучение, программирование и планирование действий, комму-

никацию, мотивацию, эмоциональную регуляцию субъекта, включено во все виды деятельности и жизненные сферы человека. В качестве активаторов произвольного воображения авторы чаще всего указывают неопределенные фрустрирующие ситуации [18, 21, 24], в которых личность сталкивается, с одной стороны, с невозможностью удовлетворить свои потребности, реализовать ценности [4, 31], а с другой стороны, — с недостаточностью или избыточностью информации, неизвестностью исходов фрустрирующей ситуации, ее непрогнозируемостью

и неконтролируемостью [14]. В подобных ситуациях субъект может прибегать к актуализации воображения для осуществления ряда имажинитивных действий: преодоления дефицита информации, проектирования возможных исходов ситуации, снижения внутреннего напряжения и тревоги, мотивирования себя на достижение цели, внутренней работе над собой. Значимость воображения для всех видов деятельности человека, его роль в совладании со сложными ситуациями в разных жизненных сферах побуждали исследователей изучать отдельные характеристики воображения или его содержание в ситуациях фрустрации какой-либо потребности субъекта.

Некоторые исследовательские работы посвящены изучению воображения, актуализированного при фрустрации биологических потребностей субъекта без учета жизненной сферы [24], другие — при фрустрации социальных и личностных потребностей субъекта в ситуациях социального взаимодействия в сфере «Я» [12, 28, 29, 30]. Особенности содержания и характеристик воображения в случае его актуализации при одновременной фрустрации разных по характеру потребностей в разных жизненных сферах нуждаются в комплексном изучении. По вопросу своеобразия содержания и характеристик воображения мужчин и женщин в психологической литературе обнаруживается крайне мало упоминаний, и они преимущественно связаны с констатацией менее высокого уровня развития пространственного воображения у женщин, их большего фантазирования о деньгах в случаях неудовлетворения материальным благополучием [13].

Содержание произвольного вида воображения, на наш взгляд, может рассматриваться как представляемые (в понятийно-образной форме — имажинитивный ответ) личностью любые явления действительности в разных сферах жизнедеятельности, осознанно актуализируемые в ответ на неопределенную фрустрирующую ситуацию.

К изучению характеристик воображения исследователи подходили традиционным для описания познавательных процессов способом: фиксировали объективные (временная длительность, произвольность, объем, продуктивность) [21, 25] и субъективные (интенсивность, эмоциональная окрашенность) характеристики разных видов воображения [15], что привело к созданию их многочисленного ряда. Проблема множественности и неоднозначности характеристик воображения может быть решена в случае изучения воображения как целостного системного объекта, обладающего пространственной, интенсивностной, временной характеристиками [7]. Воображение как системный объект исследовалось в работе М.Г. Пирожковой, в которой

изучались пространственная, информационная, энергетическая, временная характеристики воображения студентов при решении специальных задач [22]. Вместе с тем, рассматривая воображение как сквозной процесс, включенный во все виды деятельности человека, участвующий в решении личностью сложных ситуаций, мы полагаем, что особенности характеристик произвольного воображения могут специфически проявиться в условиях его актуализации при фрустрации различных по характеру потребностей субъекта в разных жизненных сферах.

В настоящей работе рассматриваются пространственная, интенсивностная и временная характеристики произвольного воображения. Информационная характеристика воображения, отражающая включенность субъекта деятельности в решение заданных ситуаций, его субъектность или объектность [10], не рассматривалась в настоящем исследовании, что было обусловлено методическими условиями исследования: субъектом актуализируемого воображения выступала личность в целом, продуцирующая ответы на задания в соответствии со своим опытом. Пространственная характеристика воображения отражает сферы жизнедеятельности, в которых под влиянием вербально заданных неопределенных фрустрирующих ситуаций актуализируются действия, чувства, особенности ситуации в представлении субъекта. Опираясь на трактовку пространственной характеристики системного объекта в форме ее концентрированности или генерализованности [10], будем рассматривать генерализованность содержания воображения как актуализацию разных сфер жизнедеятельности в имажинитивном ответе субъекта, а его концентрированность — как преимущественную актуализацию одной из жизненных сфер. Интенсивностная характеристика произвольного воображения отражает степень отчетливости, детализированности, субъективной значимости содержания имажинитивного ответа. Временная характеристика произвольного воображения отражает скорость его актуализации.

И хотя в психологии декларируется включенность воображения во все сферы деятельности человека и его важность для каждого жизненного этапа субъекта, большинство современных исследований воображения нацелены на его изучение у дошкольников и школьников [2, 8, 9, 19]. Имажинитивные процессы данной возрастной группы напрямую включены в их учебную деятельность, специально актуализируются, организуются в процессе обучения, не всегда связаны с блокированием удовлетворения разных по характеру потребностей обучающихся. Установленный ряд закономерностей функционирования воображения у дошкольников и школьников предполагает необходимость продолжения этого ряда посредством раскрытия специфики

характеристик воображения субъектов, возрастные особенности которых приближаются к верхней границе юридически определенного в России молодежного возрастного интервала от 14 до 30 лет [17, 20, 23]. Молодые люди — студенты и работающие субъекты — характеризуются как «ключевой фактор социального развития» и важнейший ресурс общества [23]. Студенты и работающие молодые люди могут испытывать трудности и фрустрацию самых различных потребностей в сферах карьеры, семьи, финансов и т.п. [11, 23], а потому могут прибегать к актуализации воображения спонтанно для совладания с трудными ситуациями, самоутешения, защиты своего образа «Я», личностного развития и становления. Поскольку воображение работающих молодых людей не подвержено специальной целенаправленной и регулярной актуализации, особенности его содержания и характеристик могут быть в большей степени связаны с психологическими особенностями молодых людей, их социальным статусом и полом. Знания об особенностях характеристик произвольного воображения молодых людей, востребованы в практике их самоменеджмента, расширения их представлений о своих индивидуальных особенностях в случае фрустрации их потребностей; в обучении, информировании преподавателей об особенностях воображения молодых людей; в психологическом сопровождении молодых людей, находящихся в неопределенных фрустрирующих ситуациях.

В связи с этим было проведено исследование, **нацеленное** на изучение особенностей пространственной, интенсивностной и временно характеристик произвольного воображения в заданных неопределенных фрустрирующих ситуациях у молодых людей — мужчин и женщин.

Методы исследования

Психологическое тестирование (тест фрустрационных реакций (С. Розенцвейг), субтест «Последовательные картинки» (теста Д. Векслера)); проективный метод незаконченных предложений; контент-анализ результатов вербального достраивания респондентами незаконченных предложений; процедура квартилирования; биномиальное распределение; метод экспертных оценок референтов категорий; методы непараметрической статистики (критерии Т-Вилкоксона, Фридмана, r -Спирмена).

Гипотеза исследования

Специфика характеристик произвольного воображения молодых людей в заданных неопределенных фрустрирующих ситуациях может быть обусловлена их социальным статусом и полом.

Выборку нашего исследования составили работающие и обучающиеся молодые люди — мужчины и женщины — в возрасте от 18 до 35 лет. Совокупный объем выборки составляет 109 человек (68 работающих молодых людей, 41 студент ВУЗов). В зависимости от социального статуса и пола были выделены четыре группы респондентов: 1) работающие женщины; 2) студентки-девушки; 3) работающие мужчины; 4) студенты-юноши.

Для изучения содержания и характеристик воображения в ситуациях фрустрации мы разработали методику, опираясь на положения Б.Г. Ананьева [1], В.В. Столина [27] о единстве и взаимосвязи свойств человека как биологического индивида, социального индивида, личности. В современных исследованиях содержание и особенности воображения изучаются с помощью проективных рисуночных или вербальных тестов, при этом последние наиболее удобны и информативны для изучения воображения взрослых людей.

В нашей методике задавались незаконченные предложения, содержащие описания фрустрирующих ситуаций, каждая из которых включала преграды к удовлетворению потребностей субъекта как биологического (потребности в здоровье, безопасности, сне, еде) или социального (потребности в принадлежности, признании, карьерном росте) индивида. Описания заданных фрустрирующих ситуаций предъявлялись респонденту в четырех сферах жизнедеятельности: досуг, семья, профессия, «Я». Данные сферы были выбраны как наиболее важные для молодых людей и традиционно используемые для изучения психических явлений и личностных особенностей [26]. Каждая из заданных фрустрирующих ситуаций характеризуется для респондентов новизной, сложностью, неконтролируемостью, множественностью выборов и решений, т.е. отвечает характеристикам неопределенной ситуации. На каждую сферу приводилось по 3 предложения, таким образом, для актуализации произвольного воображения было сформулировано 24 незаконченных предложения, в каждом из которых респондентам предъявлялись неопределенные фрустрирующие ситуации, а результаты вербального достраивания незаконченных предложений респондентами (далее: имажинитивный ответ на фрустрирующую ситуацию) были подвергнуты контент-аналитической обработке.

В качестве категорий контент-анализа были выделены и обозначены следующие: категория «Д» обозначает описания респондентами воображаемой сознательной поведенческой активности, собственных действий, направленных на сохранение стабильности ситуации (подкатегория «ДС» — действия стабилизации) или на ее трансформацию (подкатегория «ДИ» — действия трансформации). Категория «С» обозначает

описание респондентами собственных эмоциональных состояний, переживаний и чувств; категория «Ч» — собственных личностных черт и психологических особенностей; категория «СФ» — особенностей ситуации как благоприятных или сложных и непреодолимых и пр.; категория «СОЦ» — социального окружения. Отметим, что упоминание респондентами представителей социального окружения носило единичный характер. Адекватность выбора референтов категорий проверялась по десятибалльной шкале на основе экспертной оценки (в качестве экспертов выступили три преподавателя психологии со стажем преподавательской деятельности от 5 до 7 лет). После пилотажного исследования оставались те референты категорий, которые имели средние экспертные оценки адекватности не ниже значений 6 баллов и между которыми были определены значимые положительные коэффициенты корреляции.

За количественную единицу контент-анализа в ответах респондентов была принята относительная частота встречаемости категорий, отражающих содержание имажинитивного ответа. Ведущее содержание воображения (имажинитивного ответа) определялось с помощью критериев Фридмана и Вилкоксона.

В качестве эмпирического показателя пространственной характеристики произвольного воображения выступило количество сфер жизнедеятельности, в которых актуализировался имажинитивный ответ респондентов. Генерализованным считалось содержание воображения, если оно актуализировалось как минимум в трех сферах жизнедеятельности. Концентрированным считалось содержание воображения, если было установлено его доминирование или актуализация не более чем в двух жизненных сферах. В качестве эмпирического показателя интенсивности характеристики произвольного воображения выступила относительная частота употребленных респондентами слов в описании ответов на заданную неопределенную фрустрирующую ситуацию в конкретной жизненной сфере. В результате процедуры квартилирования относительной частоты употребления слов были установлены очень высокие, высокие, низкие и очень низкие значения показателей интенсивности характеристики. С помощью биномиального распределения полученных показателей удалось установить индивидуальную выраженность интенсивности характеристики с учетом социального статуса и пола респондентов для каждой из их групп. В настоящей работе рассматривалось и анализировалось, в первую очередь, содержание воображения с высокими и очень высокими показателями интенсивности, поскольку наиболее выраженное содержание имажинитивного ответа может косвенно указывать на предпочитаемую стратегию совладания, к которой

могут прибегать молодые люди в ситуации фрустрации. Временная характеристика произвольного воображения исследовалась в ситуациях социальной фрустрации по тесту С. Розенцвейга. Эмпирическим показателем временной характеристики выступило время (в секундах) воспроизведения респондентами имажинитивного ответа на задания теста фрустрационных реакций (серия 24 картинок). В результате процедуры квартилирования показателей временной характеристики воображения были установлены ее очень высокие, высокие, низкие и очень низкие значения, соответствующие сверх медленной, медленной, быстрой и сверх быстрой актуализации имажинитивного ответа.

Результаты исследования

Содержание имажинитивного ответа молодых людей

По результатам исследования установлено, что содержание воображения в каждой из групп респондентов обусловлено характером фрустрируемой потребности в той или иной сфере жизнедеятельности. Однако конкретное содержание имажинитивного ответа различается в зависимости от социального статуса и пола молодых людей.

Содержание воображения работающих женщин при фрустрации их биологических потребностей в сфере «Я» представлено действиями стабилизации фрустрирующей ситуации. Имажинитивный ответ респонденток при фрустрации их социальных потребностей в сферах «Я» и профессии содержательно включает действия трансформации фрустрирующей ситуации, а в сфере семьи — эмоциональные состояния.

Содержание имажинитивного ответа студенток-девушек при фрустрации их биологических потребностей в сферах досуга и профессии включает действия трансформации фрустрирующей ситуации, в сфере «Я» — действия стабилизации, в сфере семьи — действия трансформации ситуации наряду с эмоциональными состояниями. При фрустрации социальных потребностей девушек в сферах профессии и «Я» содержание их имажинитивного ответа представлено действиями трансформации фрустрирующей ситуации, а в сфере семьи — эмоциональными состояниями.

Имажинитивный ответ работающих мужчин при фрустрации их биологических потребностей в сфере «Я» содержательно представлен действиями стабилизации фрустрирующей ситуации, в сфере досуга — действиями трансформации, в сфере семьи — действиями трансформации наряду с эмоциональными состояниями. Содержание имажинитивного ответа мужчин при фрустрации

Таблица 1. Пространственная характеристика произвольного воображения у молодых людей в вербально заданных неопределенных фрустрирующих ситуациях.

Группы респондентов	Ситуации фрустрации биологических потребностей	Ситуации фрустрации социальных потребностей
Работающие женщины	Концентрированность	Генерализованность
Студентки-девушки	Генерализованность	Генерализованность
Работающие мужчины	Генерализованность	Концентрированность
Студенты-юноши	Генерализованность	Генерализованность

Таблица 2. Интенсивностная характеристика произвольного воображения в вербально заданных неопределенных фрустрирующих ситуациях у молодых людей.

Группы респондентов	Ситуации фрустрации биологических потребностей	Ситуации фрустрации социальных потребностей
Работающие женщины	—	Эмоциональные состояния. Показатели высокие и очень высокие ($p \leq 0,01$)
Студентки-девушки	Действия трансформации. Показатели высокие и очень высокие ($p \leq 0,05$)	Любые показатели, кроме низких
Работающие мужчины	Действия трансформации. Тенденция к высоким и очень высоким показателям ($p \leq 0,05$)	—
Студенты-юноши	Действия стабилизации. Показатели высокие и очень высокие ($p \leq 0,05$)	—

Примечание: «—» — показатели интенсивностной характеристики принимают любые значения.

Таблица 3. Результаты биномиального распределения показателей временной характеристики по тесту фрустрационных реакций С. Розенцвейга, полученных с помощью процедуры квантирования.

Респонденты	Специфика временной характеристики
Работающие женщины	Медленная актуализация имажинитивного ответа ($p \leq 0,05$)
Студентки-девушки	Быстрая актуализация имажинитивного ответа ($p \leq 0,05$)
Работающие мужчины	Тенденция к быстрой актуализации имажинитивного ответа
Студенты-юноши	—

Примечание: «—» — показатели временной характеристики принимают любые значения.

их социальных потребностей в сферах профессии и «Я» представлено действиями трансформации фрустрирующей ситуации.

При фрустрации биологических потребностей студентов-юношей в сфере семьи содержание их има-

жинитивного ответа включает действия трансформации ситуации, в сферах профессии и «Я» — действия по стабилизации ситуации. Содержание воображения юношей при фрустрации их социальных потребностей в сферах досуга, профессии и «Я» представлено действиями трансформации фрустрирующей ситуа-

ции, а в сфере семьи — эмоциональными состояниями.

Соотнесенность установленного содержания имажинитивного ответа респондентов с разными сферами жизнедеятельности позволяет судить о специфике пространственной характеристики воображения молодых людей при фрустрации их биологических и социальных потребностей.

Пространственная характеристика произвольного воображения молодых людей

В случае фрустрации биологических потребностей на своеобразии пространственной характеристики воображения сказываются социальный статус женщин и пол работающих респондентов: у студенток-девушек в отличие от работающих женщин воображение характеризуется генерализованностью его содержания; у работающих женщин в отличие от работающих мужчин установлена его концентрированность (Таблица 1).

При фрустрации социальных потребностей социальный статус мужчин и пол работающих респондентов сказываются на специфике пространственной характеристики их воображения: у студентов-юношей в отличие от работающих мужчин воображение характеризуется генерализованностью его содержания; у работающих мужчин в отличие от работающих женщин отмечается его концентрированность (Таблица 1).

Интенсивностная характеристика произвольного воображения молодых людей

Содержание имажинитивного ответа респондентов различается по показателям его выраженности в зависимости от характера фрустрируемой потребности. Обратимся к анализу содержания имажинитивного ответа, обладающего высокой и очень высокой интенсивностью.

При фрустрации биологических потребностей у работающих женщин не выявлено наиболее выраженного содержания воображения, в то время как у студенток-девушек при фрустрации той же потребности высокой и очень высокой интенсивностью отличаются действия трансформации ($p \leq 0,05$). При фрустрации биологических потребностей у работающих мужчин отмечается тенденция к высокой и очень высокой интенсивности действий трансформации в содержании имажинитивного ответа ($p \leq 0,05$), а у студентов-юношей — действий стабилизации ситуации ($p \leq 0,05$). При фрустрации биоло-

гических потребностей социальный статус и пол респондентов сказываются на особенностях интенсивной характеристики воображения (Таблица 2).

У работающих женщин при фрустрации социальных потребностей высокой и очень высокой интенсивностью отличаются эмоциональные состояния в содержании имажинитивного ответа, в то время как у студенток-девушек отмечается высокая и умеренная интенсивность эмоциональных состояний. У работающих мужчин и студентов-юношей при фрустрации социальных потребностей не выявлено наиболее интенсифицированного содержания имажинитивного ответа. При фрустрации социальных потребностей пол респондентов в целом сказывается на особенностях интенсивной характеристики их воображения (Таблица 2).

Временная характеристика произвольного воображения молодых людей

Установлены различия в своеобразии временной характеристики воображения респондентов. В целом для работающих женщин характерна медленная актуализация имажинитивного ответа, а для студенток-девушек — быстрая. У работающих мужчин отмечается тенденция к быстрой актуализации имажинитивного ответа, а у студентов-юношей показатели временной характеристики индивидуально вариативны (Таблица 3). При фрустрации социальных потребностей социальный статус и пол респондентов сказываются на своеобразии временной характеристики произвольного воображения.

Обсуждение результатов

В результате исследования установлено, что при фрустрации биологических потребностей на своеобразии пространственной и интенсивностной характеристик произвольного воображения респондентов сказываются их социальный статус и пол. Социальный статус женщин обуславливает специфику пространственной и интенсивностной характеристик воображения, социальный статус мужчин — особенности интенсивностной характеристики их воображения. Пол респондентов сказывается на своеобразии интенсивностной характеристики воображения, пол работающих молодых — на специфике пространственной характеристики.

При фрустрации социальных потребностей респондентов на особенностях пространственной, интенсивностной и временной характеристик воображения сказываются социальный статус и пол респондентов. Социальный статус женщин сказывается на своеобразии интенсивностной и временной характеристик вооб-

ражения, социальный статус мужчин — на особенностях пространственной и временной характеристик воображения. Пол работающих молодых людей сказывается на особенностях пространственной и временной характеристик воображения, пол обучающихся молодых людей — на своеобразии интенсивностной и временной характеристик произвольного воображения.

Вывод

Таким образом, социальный статус и пол молодых людей сказывается на особенностях пространственной, интенсивностной и временной характеристик произвольного воображения в заданных неопределенных фрустрирующих ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Ахадуллин В. Ф. Формирование творческого воображения студентов художественно-графического факультета на занятиях композицией: дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 216 с.
3. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. Москва, Воронеж, 1996.
4. Василук Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
5. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
6. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
7. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.
8. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика, 1986. 240 с.
9. Давыдова О. В. Развитие творческого воображения учащихся на основе межпредметных связей: дис. ... канд. психол. наук. Магнитогорск, 2006. 190 с.
10. Джанерьян С. Т. Психология профессионального самосознания. Учебник. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. 239 с.
11. Джанерьян С. Т. Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский психологический журнал. 2005. Т. 2. № 3. С. 78–92.
12. Додонов Б. Г. Эмоция как ценность. М.: Педагогика, 1978. 272 с.
13. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 544 с.
14. Корнилова Т. В. Риск и принятие решений: психология неопределенности. Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. 286 с.
15. Красноперов О. В., Панченко А. Л. Субъективные характеристики сна и свойства личности. Вопросы психологии. 1991, № 6: 139–141.
16. Мищеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с.
17. Моргун В. Ф., Такчева, Н. Ю. Проблема периодизации развития личности в психологии. Учебное пособие. М.: МГУ, 1981. 84 с.
18. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
19. Ненашева М. А. Развитие продуктивного воображения младших школьников (Сравнительное исследование при традиционном и экспериментальном режимах учебной работы): дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 174 с.
20. Основные направления государственной молодежной политики в РФ (Доклад). М.: Министерство образования РФ, Департамент по молодежной политике, 2002.
21. Петровский А. В. Введение в психологию. Москва: Академия, 1996. 496 с.
22. Пирожкова М. Г. Психологические особенности структуры воображения. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 240 с.
23. Пфетцер С. А., Зеленин А. А., Яницкий М. С. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2014. 143 с.
24. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
25. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 720 с.
26. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», Фонд гражданской инициативы «Содействие», 1991. 19 с.
27. Столин В. В. Самосознание личности. Москва: Издательство МГУ, 1983. 284 с.
28. Тест Розенцвейга. Методика рисуночной фрустрации (модификация Н. В. Тарабриной) // Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. Дерманова И. Б. СПб., 2002. С. 150–172.
29. Chipea F., Negru D., Trip S. Intercultural differences in frustration intolerance // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 33. P. 583–587.
30. Trip S., Bora C. Psychometric properties of low frustration tolerance scale for students // Procedia— Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 33. P. 578–582.
31. Yu R., Mobbs D., Seymour B., Rowe J. B., Calder A. J. The neural signature of escalating frustration in humans // Cortex. 2014. Vol. 54, P. 165–178.

© Иванова Александра Викторовна (sasha-vano@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИАГНОСТИКО-РАЗВИВАЮЩИЕ УЧЕБНЫЕ ТЕКСТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

DIAGNOSTIC-DEVELOPING TRAINING TEXTS BY RUSSIAN LANGUAGE FOR TEENAGERS

**I. Kibal'chenko
G. Andrianova
K. Chegodaeva**

Summary. The article is devoted to the description of the technique «Continue» on the material of the Russian language in grades 5–6. The methodology is aimed at assessing the level of the individual conceptual system and the level of understanding of the text by adolescents. The methodology is based on the principle of formulating teenagers questions to the text (task), which assume the formation of a low, medium or high level of the conceptual system. The external criterial validity was confirmed (criterion — academic achievement).

Keywords: conceptual thinking, teenagers, educational text (task), individual conceptual system, school performance.

Кибальченко Ирина Александровна

*Д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет
(Таганрог)*

kibal-irina@mail.ru

Андреанова Галина Николаевна

МОБУ СОШ № 26 (г. Таганрог)

galina_andrianova@bk.ru

Чегодаева Клавдия Константиновна

Южный федеральный университет (Таганрог)

k.bobinskaya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме разработки методики «Продолжи задачу» на материале русского языка в 5–6 классах. Методика нацелена на оценку уровня индивидуальной понятийной системы и уровня понимания текста подростками. Методика построена по принципу формулирования подростками вопросов к учебному тексту (задаче), которые предполагают сформированность у них низкого, среднего или высокого уровней понятийной системы. Была подтверждена внешняя критериальная валидность (критерий — успеваемость).

Ключевые слова: понятийное мышление, подростки, учебный текст (задача), индивидуальная понятийная система, школьная успеваемость.

Известно, что текст — это связная последовательность знаков или образов, выражающая определённое содержание, которое может быть проинтерпретировано (осмыслено) читателем [6]. Холодная М. А. подчеркивает, что на любом уровне понимания работа с текстом предполагает перевод содержания текста на язык ментального опыта читателя.

Анализ учебного текста (задачи) как системы, нацеливающей на достижение интеллектуального результата и обогащение учебно-познавательного опыта, определяет необходимость и целесообразность конструирования таких систем с позиций дифференционно-интеграционного подхода, который состоит в том, что всякое развитие есть развитие некоторой исходной «примитивной» целостности, оно идет в направлении от общего к частному, от целого к частям, от состояний и форм глобально-целостных к состояниям и формам все более внутренне дифференцированным и иерархически упорядоченным [5].

В исследовании Е. В. Волковой на предметном содержании школьного курса химии было показано: если детализированный уровень концепта не сформирован, то показатели способности к усвоению химии уменьшаются, т.е. поверхностное изучение дисциплины ведет к потере способностей, к уменьшению продуктив-

ности ментальных ресурсов. Обучение в соответствии с дифференционно-интеграционным законом позволяет целенаправленно формировать детализированный уровень концептов, релевантных предметной деятельности, следовательно, важнейшим условием роста продуктивности ментальных ресурсов в образовательном процессе является построение образования в соответствии с дифференционно-интеграционным принципом развития [1].

Разработка методики, нацеленной на оценку уровня индивидуальной понятийной системы и уровня понимания текста подростками обусловлена тем, что она организуется в соответствии с необходимостью субъективной перестройки предлагаемого содержания задачи, преобразование этого содержания в индивидуализированный и согласованный с понятийным опытом подростка способ учебной деятельности.

Специфика смыслового поля понятий у учащихся находит свое отражение в способах понятийных представлений учебных задач (Методика «Завершение задачи» Савина Е. Ю.) [3], что стало основанием для разработки методики «Продолжи задачу» для подростков на материале русского языка. Содержание задачи представляет собой информацию, выстроенную учеником в виде поставленных вопросов под воздействием средств

Таблица 1. Критерии оценки решения задач по уровням организации индивидуальной понятийной системы

Уровень	Содержание
1	Признаки объекта, одно правило комбинации
2	Признаки объекта, два правила комбинации (правил меньше, чем признаков)
3	Признаки объекта, три правила комбинации (правил столько же, как и признаков), правила сравнения (их меньше, чем правил комбинации)
4	Признаки объекта, четыре правила комбинации (правил больше, как и признаков), правила сравнения (их меньше, чем правил комбинации), но есть правила интерпретации.

учебного текста, собственного опыта, актуальными для него на начало работы с этим текстом. В этой методике предлагаемое подростками решение задачи в виде ее продолжения может являться средством как развития, так и диагностики их понятийной системы.

Для развития и диагностики понятийной системы у подростков был разработан тип заданий, референтных содержанию русского языка. По такой же схеме разрабатывались задания на материале русского языка для младших школьников [2], поэтому инструкция идентична: «Вам необходимо составить как можно больше вопросов к предлагаемому тексту на основе изученных вами разделов русского языка».

В качестве критериев оценки решения задач мы предлагаем уровни организации индивидуальной понятийной системы [4] (таблица 1).

Подросткам был предложен текст из учебника русского языка 6 класса, например, авторов Л. М. Рыбченко, О. М. Александровой и др. [3, с. 127].

Текст. «К ночи становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломы и мякины, бодро идёшь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студёной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот ещё запах: в саду — костёр, и крепко тянет душистым дымом вишнёвых сучьев. В темноте, в глубине сада — сказочная картина: точно в уголке ада пылают около шалаша багровое пламя, окружённое мраком, и чьи-то чёрные, точно вырезанные из чёрного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет чёрная рука в несколько аршин, то чётко нарисуются две ноги — два чёрных столба. И вдруг всё это скользнёт с яблони — и тень упадёт по всей аллее, от шалаша до самой калитки...» (И. Бунин).

Задания первого уровня оцениваются 1 баллом.

Характерным для этой категории заданий является то, что они, как правило, направлены на выделение ро-

довых признаков понятий по их принадлежности к самостоятельным и служебным частям речи. Они являются основным корневым общенаучным основанием для построения предложений и составляют базис структуры знаний по русскому языку. Таким образом, учащиеся демонстрируют знания о корневых (родовых) признаках этих понятий и начальный уровень понятийной системы в изучении данных частей речи.

Учащиеся работают с признаками частей речи и используют одно правило комбинации.

Примеры задач, сформулированных учащимися:

- ◆ выпиши из текста все глаголы;
- ◆ выпиши третье предложение из текста и определи, к какой части речи относится каждое слово;
- ◆ найди в тексте предлоги и союзы; др.

То есть, в задачах 1-го уровня учащимися указывается общий родовой признак, но не указывается их общий видовой признак.

В задачах 2-го уровня, оцениваемых 2-мя баллами, содержатся и родовые, и видовые признаки сравниваемых понятий:

- ◆ выясни значение слова *мякина*, по толковому словарю;
- ◆ выпиши из текста безличные глаголы;
- ◆ найди в тексте простое односоставное предложение;
- ◆ найди и выпиши слова с формообразующими морфемами; др.

Задачи 3 уровня оцениваются 3 баллами и направлены на выделение частей, деталей и свойств объектов (понятий). Учащиеся работают с признаками частей речи и используют три правила комбинации (правил столько же, сколько и признаков):

- ◆ найди и подчеркни орфограммы в словах, объясните написание этих слов;
- ◆ разбери по составу слова *гигантские*, *нарисуются*;
- ◆ определи постоянные и непостоянные признаки двух-трёх глаголов;

Таблица 2. Соотношение уровней понимания текста, мыслительных процедур и продуктов

Уровень понимания текста	Базовая мыслительная процедура	Продукт
Восприятие	Анализ	Пересказ
Преобразование	Объяснение	Модель
Конструирование	Интерпретация	Авторский текст

- ♦ укажи, в какой форме употреблены безличные предложения в тексте; др.

Задачи 4 уровня оцениваются 4 баллами и характеризуются максимально высокими показателями дифференциации и интеграции: способностью к соотносению и связыванию самой разнообразной информации, относительностью суждений и др. Наряду с правилами комбинации, правилами сравнения, учащийся использует ещё и правила интерпретации:

- ♦ составь словарную статью со словом «аршин»;
- ♦ с какой целью автор использует безличные глаголы в тексте?;
- ♦ преобразуй односоставные предложения текста в двухсоставные;
- ♦ составь алгоритм распознавания безличных глаголов.

На втором этапе методики учащиеся формулировали вопросы к разделу «Текст». Эта часть методики позволяет увидеть, насколько учащиеся способны использовать различные приёмы работы с учебным текстом для активного взаимодействия с информацией. Каждая задача, предложенная учащимися к разделу «Текст», оценивалась в соответствии с выделенными М. А. Холодной, Э. Г. Гельфман 3 уровнями понимания учебного текста [5] (Таблица 2).

Задачи, относящиеся к 1-му уровню понимания текста, оцениваются 1 баллом. Примеры задач:

- ♦ сформулируй основную мысль текста;
- ♦ как соотносится описание картины ночного сада с общей идеей текста?;
- ♦ какие выразительные средства языка использовал автор? Назови их, приведи примеры;
- ♦ к какой функциональной разновидности языка принадлежит текст?;

Задачи, относящиеся ко 2 уровню понимания текста, оцениваются 2 баллами. Примеры задач:

- ♦ подбери эпиграф к тексту;
- ♦ напиши изложение по тексту И. А. Бунина
- ♦ выполни мини-исследование на тему «Художественные приёмы создания картины-описания на примере текста И. А. Бунина»;

- ♦ составь тематический словарь на тему «Эпитеты языка ранних рассказов И. А. Бунина».

Задачи, относящиеся к 3 уровню понимания текста, оцениваются 3 баллами. Примеры задач:

- ♦ передай в рисунке своё восприятие текста;
- ♦ используя дополнительную литературу о художественном своеобразии творчества И. А. Бунина, придумай и запиши продолжение текста;
- ♦ на основе дополнительного материала напиши лирическую миниатюру о красоте природы;
- ♦ подготовь сообщение на тему «Край ты мой, родимый край!». Стихотворения И. А. Бунина о родной природе».

Таким образом, обработка результатов складывается из подсчетов следующих показателей:

1 — общее количество вопросов (N) (что с одной стороны может быть показателем импульсивности, а с другой, показателем скорости и точности в работе с текстом);

2 — количество вопросов, относящихся к одному из уровней или к разным уровням индивидуальной понятийной системы (обозначим N УИПС) (на примере разделов русского языка «Лексикология», «Грамматика», «Орфография»);

3 — количество вопросов, относящихся к одному из уровней понимания текста или к разным его уровням (N УПТ);

4 — результат, полученный при умножении составляющих N_i УИПС на соответствующие баллы из таблицы 2 и разделенный на количество N УИПС (то есть среднее значение), будет соответствовать уровню индивидуальной понятийной системы (УИПС).

Бальные границы уровней индивидуальной понятийной системы (УИПС) и уровней понимания текста (УПТ) показаны в таблице 3.

Выборку исследования составили подростки в количестве 170 человек (девочек — 95, мальчиков — 75,

Таблица 3. Бальные границы примерных уровней индивидуальной понятийной системы (УИПС) и уровней понимания текста (УПТ)

Баллы	Примерные уровни УИПС и УПТ
0–0,4	Уровень не сформирован
0,5–1,4	1 уровень
1,5–2,4	2 уровень
2,5–3,4	3 уровень
>3,5-	4 уровень

Таблица 4. Факторная структура характеристик понятийного мышления подростков с низкой успеваемостью при завершении уровневых задач (на уроках русского языка)

Переменные	Компонент			
	1	2	3	4
УИПС				
Количество задач	.860	-.229	-.040	.313
Количество задач 1 уровня	.350	-.412	-.091	.724
Количество задач 2 уровня	.826	-.083	.236	-.161
Количество задач 3 уровня	.638	-.147	-.157	-.066
Количество задач 4 уровня	-.057	-.037	-.030	.926
Количество баллов за 1 уровень	.350	-.412	-.091	.724
Количество баллов за 2 уровень	.826	-.083	.236	-.161
Количество баллов за 3 уровень	.766	.053	-.057	.268
Количество баллов за 4 уровень	-.057	-.037	-.030	.926
Сумма баллов	.829	-.085	.000	.459
УПТ				
Количество задач	-.110	.951	.134	-.120
Количество задач 1 уровня	-.183	.943	-.143	-.146
Количество задач 2 уровня	.383	.432	.722	-.014
Количество задач 3 уровня	-.053	.007	.946	-.038
Количество баллов за 1 уровень	-.183	.943	-.143	-.146
Количество баллов за 2 уровень	.383	.432	.722	-.014
Количество баллов за 3 уровень	-.053	.007	.946	-.038
Сумма баллов	-.017	.857	.490	-.127
Суммарный процент дисперсии	23.253	45.663	65.545	82.823

средний возраст — 12 лет), обучающиеся в общеобразовательных школах. При разделении подростков по успеваемости выделилось 3 группы: с низкой успеваемостью (42 человека), со средней успеваемостью (90 человек) и с высокой успеваемостью (38 человек). В результате факторизации и ротации в группе с низкой успеваемостью получена факторная структура из 4 факторов (Таблица 4).

Структура — полная, устойчивая.

Рассмотрим содержание факторов в плане уровня индивидуальной понятийной системы (УИПС) и уровня понимания текста (УПТ):

1 фактор (кристаллизующий) включает напрямую связанные переменные УИПС: количество задач (0.860), количество задач 2 уровня (0.826), количество задач 3 уровня (0.638), количество баллов за 2 уровень (0.826), количество баллов за 3 уровень (0.766), сумма баллов за УИПС (0.829);

2 фактор включает переменные уровня понимания текста: общее количество задач (0.951), количество задач 1 уровня (0.943), количество баллов за 1 уровень (0.943), сумма баллов за УПТ (0.857);

3 фактор так же включает переменные уровня понимания текста: количество задач 2 уровня (0.722),

Таблица 5. Факторная структура характеристик понятийного мышления подростков со средней успеваемостью при завершении уровневых задач (на уроках русского языка)

Переменные	Компонент					
	1	2	3	4	5	6
ИУПС						
Количество задач	.887	.045	.056	.072	-.073	-.022
Количество задач 1 уровня	.682	-.174	.273	.373	-.260	-.241
Количество задач 2 уровня	.658	-.223	.214	-.168	.254	.401
Количество задач 3 уровня	.830	-.110	-.314	-.147	.068	.025
Количество задач 4 уровня	.001	-.104	-.083	.952	-.006	.003
Количество баллов за 1 уровень	.674	-.118	.260	.385	-.288	-.198
Количество баллов за 2 уровень	.658	-.223	.214	-.168	.254	.401
Количество баллов за 3 уровень	.830	-.110	-.314	-.147	.068	.025
Количество баллов за 4 уровень	-.025	-.112	-.019	.962	.091	.018
Сумма баллов	.939	-.205	-.036	.100	.127	.118
УПТ						
Количество задач	-.134	.939	.195	-.111	.113	-.037
Количество задач 1 уровня	-.170	.967	-.085	-.074	-.058	-.004
Количество задач 2 уровня	.026	-.006	.181	.052	.927	.029
Количество задач 3 уровня	-.027	-.011	.928	-.011	.157	.033
Количество баллов за 1 уровень	-.153	.974	-.092	-.080	-.027	.013
Количество баллов за 2 уровень	.076	.075	.171	.018	.939	-.087
Количество баллов за 3 уровень	.001	-.038	.944	-.047	.128	.075
Сумма баллов	-.082	.625	.687	-.083	.295	.045
Суммарный процент дисперсии	30.347	49.178	62.985	74.169	82.789	88.109

Таблица 6. Факторная структура характеристик понятийного мышления подростков с высокой успеваемостью при завершении уровневых задач (на уроках русского языка)

Переменные	Компонент				
	1	2	3	4	5
ИУПС					
Количество задач	.871	.107	.398	.028	.038
Количество задач 1 уровня	.430	.216	.713	-.185	.238
Количество задач 2 уровня	-.077	.019	.963	.098	-.095
Количество задач 3 уровня	.951	-.084	-.212	.128	-.029
Количество задач 4 уровня	-.034	-.234	-.151	-.095	.754
Количество баллов за 1 уровень	.416	.274	.705	-.223	.281
Количество баллов за 2 уровень	-.111	-.023	.946	.107	-.156
Количество баллов за 3 уровень	.965	-.037	-.167	.119	.034
Количество баллов за 4 уровень	-.119	-.280	-.327	.119	-.474
Сумма баллов	.914	.054	.350	.069	.091
УПТ					
Количество задач	.041	.971	.081	.105	.025
Количество задач 1 уровня	-.013	.978	.085	-.159	-.002
Количество задач 2 уровня	-.179	.417	-.175	-.022	.455
Количество задач 3 уровня	.108	.008	.022	.956	-.027
Количество баллов за 1 уровень	.028	.959	.126	-.143	-.023
Количество баллов за 2 уровень	.168	-.052	.049	.594	.600
Количество баллов за 3 уровень	.057	-.057	-.038	.961	-.117
Сумма баллов	.097	.783	.098	.583	.050
Суммарный процент дисперсии	29.823	49.171	64.226	76.697	85.465

количество задач 3 уровня (0.946), количество баллов за 2 уровень (0.722), количество баллов за 3 уровень (0.946);

4 фактор включает переменные индивидуального уровня понятийной системы: количество задач 1 уровня (0.724), количество задач 4 уровня (0.926), количество баллов за 1 уровень (0.724), количество баллов за 4 уровень (0.926).

В группе подростков с низкой успеваемостью при проведении факторного анализа суммарный процент дисперсии равен 82.823.

В результате факторизации и ротации в группе со средней успеваемостью факторная структура из 6 факторов (Таблица 5).

Получено 6 факторов. Структура — полная, неустойчивая, отличается от предыдущей.

1 фактор (кристаллизующий) включает индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач (0.887), количество задач 1 уровня (0.682), количество задач 2 уровня (0.658), количество задач 3 уровня (0.830), количество баллов за 1 уровень (0.674), количество баллов за 2 уровень (0.658), количество баллов за 3 уровень (0.830), сумма баллов (0.939);

2 фактор — уровень понимания текста/ количество задач (0.939) количество задач 1 уровня (0.967), количество баллов за 1 уровень (0.974), сумма баллов (0.625);

3 фактор — уровень понимания текста / количество задач 3 уровня (0.928), количество баллов за 3 уровень (0.944), сумма баллов (0.687);

4 фактор — индивидуальный уровень понятийной системы / количество задач 4 уровня (0.952), количество баллов за 4 уровень (0.962);

5 фактор — уровень понимания текста / количество задач 2 уровня (0.927), количество баллов за 2 уровень (0.939);

6 фактор — неустойчивый и влияет негативно на данную структуру.

В группе подростков со средней успеваемостью при проведении факторного анализа суммарный процент дисперсии равен 88.109.

В результате факторизации и ротации в группе с высокой успеваемостью получена факторная структура из 5 факторов (Таблица 6).

Получено 5 факторов.

Структура — полная, устойчивая, отличается от двух предыдущих.

1 фактор (кристаллизующий) включает переменные индивидуального уровня понятийной системы: количество задач (0,871); количество задач 3 уровня (0.951); количество баллов за 3 уровень (0.965); сумма баллов (0.914);

2 фактор — переменные уровня понимания текста: количество задач (0.971); количество задач 1 уровня (0.978); количество баллов за 1 уровень (0.959); сумма баллов (0.783);

3 фактор — включает переменные индивидуального уровня понятийной системы: количество задач 1 уровня (0.713); количество задач 2 уровня (0.963); количество баллов за 1 уровень (0.705); количество баллов за 2 уровень (0.946);

4 фактор — включает переменные уровня понимания текста: количество задач 3 уровня (0.956); количество баллов за 3 уровень (0.961);

5 фактор — включает переменные индивидуального уровня понятийной системы (количество задач 4 уровня) (0.754) и уровня понимания текста (количество баллов за 2 уровень) (0.600).

В группе подростков с высокой успеваемостью при проведении факторного анализа суммарный процент дисперсии равен 85.465.

Анализ факторных структур в группах подростков с разной успеваемостью показал, что все структуры получены с достаточно высокой суммарной дисперсией (82.823, 88.109, 85.465). Все полученные структуры — полные, что свидетельствует о взаимосвязанности всех переменных, рассматриваемых в процессе разработки методики «Продолжи задачу» на стимульном материале русского языка для подростков.

Необходимо отметить, что факторные структуры в группах подростков с разной успеваемостью отличаются по количеству факторов и их содержанию. Выявлено, что тенденции в сравнении с содержанием факторов в структурах у младших школьников другие [2]. На смену тенденции к интеграции задействованных переменных в группе младших школьников с высокой успеваемостью, приходит обратная тенденция: меньше всего факторов (4) наблюдается у подростков с низкой успеваемостью. Однако, в данном случае речь об интеграции переменных у подростков данной группы не идет,

здесь можно говорить лишь о взаимосвязанности переменных, имеющих более низкое значение в сравнении с подростками с высокой успеваемостью. Данный факт можно объяснить сменой ведущего вида деятельности у подростков в сравнении с младшими школьниками.

В ходе анализа кристаллизирующих факторов во всех группах подростков с разной успеваемостью определены отличия в их содержании.

В группе обучающихся с низкой успеваемостью кристаллизирующий фактор включает взаимосвязь уровня индивидуальной понятийной системы с количеством задач второго и третьего уровня, а так же с суммой баллов за решение этих задач. То есть, наличие низкого уровня понимания текста обуславливает решение задач второго и третьего уровня с достаточно низкими баллами.

В группе обучающихся со средней успеваемостью кристаллизирующий фактор включает взаимосвязь уровня индивидуальной понятийной системы с количеством задач первого, второго и третьего уровней, а так же с суммой баллов за решение этих задач. То есть, учащиеся этой группы более уверены в решении задач первого, второго и третьего уровней.

В группе обучающихся с высокой успеваемостью кристаллизирующий фактор включает взаимосвязь уровня индивидуальной понятийной системы с количеством задач третьего уровня, а так же с суммой баллов за решение этих задач. То есть, более высокий уровень поня-

тийной системы в этой группе обеспечивает уверенное решение трудных задач.

Заключение

Анализ характеристик индивидуальной понятийной системы и понимания текста подростками с разной успеваемостью при завершении уровневых задач выявил особенности факторных структур их понятийного мышления. Полученные результаты свидетельствуют о прямой взаимосвязи уровня успеваемости с уровнем индивидуальной понятийной системы, с уровнем понимания текста и со способностью решения учебных заданий первого, второго и третьего уровня.

Апробация методики «Продолжи задачу» на уроках русского языка в основной школе показала, что анализ учебного текста (задачи) как системы в направлении от общего к частному, от целого к частям, от состояний и форм глобально-целостных к все более внутренне дифференцированным и иерархически упорядоченным более характерен для подростков с высоким уровнем индивидуальной понятийной системы. Данный факт подтверждает критериальную валидность разработанной методики, предназначенной для использования в учебном процессе, однако перспективой достижений подростков в изучении русского языка остаётся четвертый уровень организации индивидуальных понятийных систем, который характеризуется способностью к соотношению и связыванию самой разнородной учебно-научной информации в учебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Е. В. Технологии развития ментальных ресурсов. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. — 256 с. (Методы психологии).
2. Кибальченко И. А., Андрианова Г. Н. Конструирование методики «Продолжи задачу» на материале русского языка в начальной школе. Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Познание № 6 июнь 2018 г. — М.: изд-ль ООО «Научные технологии». — С. 58–64.
3. Рыбченкова Л. М. Русский язык. 6 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч. 2 / [Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, О. В. Загоровская, А. Г. Нарушевич]. — 5-е изд. — М.: Просвещение, 2015. — 159 с.
4. Савин Е. Ю. Понятийный и метакогнитивный опыт как основа интеллектуальной компетентности [Текст]. Автореферат дисс. ... канд. псих. наук. — М., 2002. — 24 с.
5. Холодная М. А. Проблема дифференциации и интеграции понятийного опыта и теории понятийных систем О. Дж. Харви, Д. И. Ханта, Г. М. Шродера / М. А. Холодная // Дифференционно-интеграционная теория развития. — Кн. 2 / сост. и ред. Н. И. Чуприкова, Е. В. Волкова. — М., 2014. — С. 201–215.
6. Холодная М. А., Гельфман Э. Г. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 200 с.

© Кибальченко Ирина Александровна (kibal-irina@mail.ru),

Андрианова Галина Николаевна (galina_andrianova@bk.ru), Чегодаева Клавдия Константиновна (k.bobinskaya@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМИ ЖИЗНЕННЫМИ СТРАТЕГИЯМИ

THE CHARACTERISTICS OF PERSONAL ASPIRATIONS OF YOUNG INDIVIDUALS WITH DIFFERENT LIFE STRATEGIES

A. Kim

Summary. This article is devoted to the analysis of the characteristics of personal aspirations of young individuals with different life strategies. A life strategy is recognised as a multi-component personality formation, a method of personality existence aimed at the integration of one's individuality with living conditions that can be attributed to a specific type depending on the contents of a specific dominant life motive and the intensity of internality-externality. Personal aspirations are viewed as a motivational and goal-related personality formation manifested as a strive for achieving subjectively acceptable results in relevant spheres of reality and life in general. Within the scope of the current study, the author analysed the characteristics of the leading types of personal aspirations of young individuals with life strategies based on the criterion of externality. The stability of specificity and detailed elements of aspirations (the informational characteristic), the intensity of the readiness of young individuals to take efforts (the intensity characteristic) and time expenditures (the time characteristic) for achieving subjectively acceptable results have their specific features depending on the life strategy realised by the subjects.

Keywords: life strategy, types of life strategies, personal aspiration, kinds of personal aspirations, characteristics of personal aspirations, employed young individuals.

Ким Алина Эдуардовна

Аспирант, Академия Психологии и Педагогики Южного
Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)
kim.alina.ed@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению характеристик личностных притязаний молодых людей с разными жизненными стратегиями. Жизненная стратегия рассматривается как многокомпонентное личностное образование, способ существования личности, направленный на соединение своей индивидуальности с условиями жизни и типологизирующаяся по содержанию того или иного доминирующего жизненного мотива, выраженности интернальности-экстернальности. Личностное притязание рассмотрено как мотивационно-целевое личностное образование, которое проявляется в стремлении к достижению субъективно приемлемого результата в значимых сферах реальности и жизни в целом. В рамках настоящего исследования рассмотрены характеристики ведущих видов личностных притязаний молодых людей с жизненными стратегиями, выделенными по критерию экстернальности. Устойчивость детализированности и конкретности притязаний (информационная характеристика), выраженность готовности молодых людей прилагать усилия (интенсивностная характеристика) и временные затраты (временная характеристика) для достижения субъективно приемлемых результатов имеют свою специфику в зависимости от реализуемой субъектами жизненной стратегии.

Ключевые слова: жизненная стратегия, типы жизненных стратегий, личностное притязание, виды личностных притязаний, характеристики личностных притязаний, работающие молодые люди.

Стремление человека к успешной деятельности, осуществление целеполагания и целедостижения субъектом с учетом его индивидуальности, условий жизни с помощью имеющихся ресурсов в ограниченные сроки обуславливают важность изучения жизненной стратегии личности, ее притязаний и характеристик этих притязаний.

Жизненная стратегия, рассматриваемая авторами [1, 5, 14] как способ существования личности, выступающей субъектом своей жизни (К. А. Абульханова-Славская), устойчивая система обобщенных способов преобразования жизненных ситуаций (В. Н. Кормакова), способ бытия (О. С. Васильева, Е. А. Демченко), направлена на соединение своей индивидуальности с условиями жизни, максимизацию эффективности жизни субъекта, то есть на достижение субъективно приемлемых результатов. Учитывая указанную направленность, можно полагать взаимообуславливание жизненных стратегий и лич-

ностных притязаний. Последние рассматриваются нами как мотивационно-целевые личностные образования, которые проявляются в стремлении к достижению субъективно приемлемого результата в значимых сферах реальности, жизни в целом [11, 22], обладают специфическими характеристиками.

В литературе при изучении притязаний предметом выступает по большей части уровень притязаний, традиционно характеризующийся через его основные свойства или параметры: высоту, устойчивость и адекватность [4, 12, 17 и др.]. Указанные характеристики используются для описания и измерения уровня притязаний как ситуативного целевого образования, в то время как личностное притязание, будучи личностным образованием, должно обладать устойчивыми характеристиками.

Для упорядочения характеристик В. А. Ганзен предлагает использовать метод систематизации на основе

базисов. Основными характеристиками любого объекта являются пространственные, временные, информационные и энергетические характеристики. Этими характеристиками обладает субстрат — объект, который выполняет и функцию интегратора перечисленных характеристик [7], в случае исследования притязаний им будут являться виды притязаний, представленные некоторым содержанием, обобщенным на основе их отнесенности к той или иной сфере реальности

С.Т. Джанерьян и А.В. Шумихина, опираясь на содержание характеристик для системного объекта [9], на материале изучения самоописаний студентов впервые обозначила пространственную, временную, интенсивную и информационную характеристики притязания личности, отличающиеся от характеристик уровня притязаний [11]. Пространственная характеристика рассматривается авторами как отражающая содержание притязаний, которое, с нашей точки зрения, не является рядоположным с иными характеристиками. Именно содержание притязаний разных видов, соотносимых со сферами жизни и жизнью в целом, выступает субстратом, обладающим характеристиками.

Информационная характеристика притязаний рассматривается нами как степень осознанности субъективно приемлемого результата, проявляющаяся как устойчивость детализированности и конкретности притязаний. Интенсивностная характеристика личностных притязаний отражает выраженность готовности субъекта прилагать усилия для достижения результата. Временная характеристика рассматривалась как временные затраты в единицу времени, которые молодые люди готовы уделять достижению результатов.

Противоречие между подчеркиванием исследователями необходимости рассматривать личностные притязания как ценностно-мотивационно-целевое личностное образование, обладающее устойчивыми характеристиками, и приоритетом эмпирических исследований, посвященных уровню притязаний как ситуативному целевому образованию с его количественными характеристиками, а также необходимость учета взаимообуславливания личностных притязаний и жизненной стратегии определяют актуальность настоящего исследования.

Эмпирическим объектом изучения личностных притязаний в большинстве работ являются подростки и студенты [6, 18, 23, 24]. Не менее важным является изучение личностных притязаний и их характеристик у работающих молодых людей, реализующих разные жизненные стратегии, осуществляющих широкий спектр реальных жизненных отношений и относительно самостоятельно определяющих количество времени и сил, которые они

готовы уделять достижению субъективно приемлемых результатов в разных сферах жизни.

Информация о готовности молодых людей с разными жизненными стратегиями прилагать усилия и уделять время достижению личностных притязаний той или иной степени осознанности будет полезна для самопознания и саморегуляции молодых людей, а также для их психологического сопровождения и консультирования специалистами. Исходя из этих теоретических предположений, мы предприняли исследование, **нацеленное** на изучение характеристик личностных притязаний молодых людей с разными типами жизненных стратегий.

Объектом данного исследования выступает личность молодых людей с различными жизненными стратегиями.

Предметом являются личностные притязания молодых людей.

Гипотеза: своеобразие характеристик личностных притязаний молодых людей будет обусловлено реализуемой субъектами жизненной стратегией.

Методами исследования выступили тестирование, анкетирование, метод незаконченных предложений, контент-анализ описаний, достраивающих незаконченные предложения; методы математической статистики: процедура квартилирования, биномиальное распределение; непараметрические методы математической статистики: критерии Фридмана, Вилкоксона.

Методики исследования:

1. Опросник «Локус контроля» (Д. Роттер), модифицированный Е.Г. Ксенофонтовой.

2. Авторская анкета для изучения жизненной стратегии и ее мотивов (С.Т. Джанерьян, А.Э. Ким), включающая в себя 15 утверждений, касающихся физиологических мотивов, мотивов безопасности, принадлежности, уважения, самореализации [16], которые предлагалось оценить по 10-балльной шкале. Опираясь на положения авторов об уровнях активности человека [2, 19, 20], мы рассматривали 3 группы мотивов: витальные (организменный уровень активности, включая физиологический мотив и мотив безопасности), социолитарные (уровень социального индивида, включая мотивы принадлежности и уважения) и эгометарные (от лат. «egomet» — я сам; уровень личности, включая мотив самореализации).

3. Авторская анкета для изучения личностных притязаний (С.Т. Джанерьян, А.Э. Ким), включающая обобщенные на основе результатов соответствующих эмпи-

рических исследований формулировки [3, 6, 8, 13, 15, 18, 21, 22, 23, 25 и др.] содержания профессиональных, образовательных и иных видов личностных притязаний, значимость которых предлагалось оценить по 10-балльной шкале.

4. Проективная методика для изучения личностных притязаний, включающая незаконченные предложения («Если я смогу достичь..., то я смогу достичь...»; «Чтобы достичь..., надо...») (С.Т. Джанерьян, А.Э. Ким).

Характеристика выборки: в исследовании приняли участие 63 работающих человека в возрасте от 20 до 32 лет (42 женщины и 21 мужчина).

В ранее проведенном исследовании нами были определены типы жизненных стратегий по содержанию того или иного доминирующего жизненного мотива, выраженности интернальности-экстернальности: интернально-витальная, экстернально-витальная, интернально-социолитарная, экстернально-социолитарная, интернально-эгометарная, экстернально-эгометарная [10].

В зависимости от обобщенности субъективно приемлемого результата и его отнесенности к той или иной сфере реальности нами были выделены различающиеся по обобщенности результата типы (глобальный и парциальный) и виды притязаний, имеющих разное содержание (глобальные общецелевые, эмоционально-жизненные, инструментальные и парциальные профессиональные, материально-экономические, семейно-ориентированные, образовательные, досуговые, социально-ориентированные, личностно-диспозиционные). Было установлено наличие глобальных притязаний у молодых людей вне зависимости от типа их жизненных стратегий и дифференциация их парциальных притязаний [10].

Устанавливались ведущие виды притязаний (по результатам анкеты и проективной методики), максимальная выраженность которых достоверно (критерии Фридмана, Вилкоксона) подтверждалась у тех или иных респондентов [10].

Для измерения характеристик личностных притязаний разработаны эмпирические показатели каждой из них.

Информационная характеристика притязаний понимается нами как степень осознанности субъективно приемлемого результата, то есть степень устойчивости детализованности и конкретности притязаний. Оценка осознанности ведущих видов притязаний осуществлялась с учетом совпадения их содержания и рангов, полу-

ченных по результатам анкеты (с заданным инструкцией списком притязаний) и проективной методики (свободного описания субъектом собственных притязаний). К высоко осознанным ведущим видам притязаний отнесены те из них, содержание и ранги которых совпадали по результатам указанных методик. К умеренно осознанным отнесены те ведущие виды притязаний, которые совпадали только по содержанию. Иные притязания не оценивались как осознанные.

Интенсивностная характеристика личностных притязаний отражает побудительную силу притязания, готовность молодых людей прилагать усилия для достижения субъективно приемлемого результата и конкретизируется в степени выраженности этой готовности.

Временная характеристика рассматривается нами как временной ежедневный индикатор актуализации усилий по достижению субъективно приемлемых результатов и конкретизируется в степени выраженности указанного индикатора.

Нами была изучена специфика характеристик личностных притязаний у выделенных групп респондентов с разными жизненными стратегиями. Здесь рассмотрим особенности характеристик личностных притязаний на материале исследования респондентов с жизненными стратегиями, выделенными по критерию **экстернальности** как показателя управляемости жизни.

Субъекты с **экстернально-витальной жизненной стратегией** имеют индивидуально-вариативную представленность личностных притязаний в описаниях, при этом семейно-ориентированные, личностно-диспозиционные, досуговые, профессиональные и социально-ориентированные притязания являются ведущими по результатам анкетирования, что является основанием для более подробного их изучения как умеренно осознанных притязаний. Субъекты с **экстернально-социолитарной жизненной стратегией** имеют в качестве ведущего притязания в описаниях и одновременно высоко оценивают значимость только одного вида парциальных притязаний — профессиональных притязаний, что свидетельствует об их высокой осознанности. У субъектов с **экстернально-эгометарной жизненной стратегией** обнаруживается в качестве ведущего притязания в описаниях и по результатам анкетирования только личностно-диспозиционный вид притязаний, что говорит о его высокой осознанности.

Высоко и умеренно осознанные притязания как связанные с устойчивостью, четкостью и конкретностью представлений о значимых субъективно приемлемых результатах и с реализацией жизненной стратегии, с нашей точки зрения, являются наиболее важными для ана-

Таблица 1. Распределение количества респондентов с экстернально-витальной, экстернально-социолитарной, экстернально-эгометарной жизненными стратегиями по уровням выраженности их интенсивностной/временной характеристик притязаний

Тип жизненной стратегии (количество респондентов в группе)	Вид притязаний	Распределение количества респондентов по уровням выраженности интенсивностной/временной характеристик			
		Очень низкий	Низкий	Высокий	Очень высокий
Экстернально-витальная (17 человек)	Семейно-ориентированные	6/8	3/6	8/3	0/0
	Личностно-диспозициональные	5/8	5/6	4/1	3/2
	Досуговые	6/6	1/7	8/3	2/1
	Профессиональные	5/7	5/4	4/4	3/2
	Социально-ориентированные	7/8	6/6	4/2	0/1
Экстернально-социолитарная (22 человека)	Профессиональные	5/8	4/4	6/5	7/5
Экстернально-эгометарная (24 человека)	Личностно-диспозициональные	6/4	1/5	11/5	6/10

лиза притязаний, в частности, специфики их интенсивностной и временной характеристик.

По результатам квартилирования соответствующих показателей и биномиального критерия выявлены очень высокие, высокие, низкие и очень низкие показатели интенсивностной и временной характеристик у молодых людей с той или иной жизненной стратегией для их высоко и умеренно осознанных видов притязаний (Таблица 1).

У молодых людей с **экстернально-витальной жизненной стратегией** их семейно-ориентированные, личностно-диспозициональные и досуговые виды притязаний обладают индивидуально-вариативной выраженностью интенсивностной характеристики и низкими и очень низкими показателями временной характеристики.

Оценки как интенсивностной, так и временной характеристик профессиональных притязаний молодых людей имеют индивидуально-вариативные показатели выраженности, а социально-ориентированных притязаний — низкие и очень низкие показатели выраженности.

Таким образом, индивидуально-вариативные показатели декларируемой готовности прилагать усилия в данной группе молодых людей в некоторых случаях может сопровождаться низкими временными затратами на достижение результатов, что может препятствовать их достижению.

Молодыми людьми с **экстернально-социолитарной жизненной стратегией** интенсивностная и временная характеристики их профессиональных притязаний индивидуально-вариативно оцениваются.

У молодых людей с **экстернально-эгометарной жизненной стратегией** оценка интенсивностной характеристики их личностно-диспозициональных притязаний имеет тенденцию к высоким и очень высоким показателям, в то время как оценка временной характеристики имеет индивидуально-вариативные показатели выраженности. То есть молодые люди с рассматриваемой жизненной стратегией выказывают готовность прикладывать значимые усилия для достижения целей, что сопровождается индивидуально-вариативными оценками готовности уделять этому свое время.

Вывод: У молодых людей установлены и соотнесены с типом их жизненной стратегии особенности информационной (устойчивость детализированности и конкретности притязаний), интенсивностной (самооценка выраженности усилий субъекта), временной (ежедневный временной индикатор) характеристик личностных притязаний.

Низкими и очень низкими показателями интенсивностной характеристики умеренно осознанных социально-ориентированных притязаний отличаются молодые люди с экстернально-витальной жизненной стратегией. Высокие и очень высокие показатели высоко осознанных личностно-диспозициональных притязаний характерны для молодых людей с экстернально-эгометарной жизненной стратегией.

Низкие и очень низкие показатели временной характеристики умеренно осознанных семейно-ориентированных, личностно-диспозициональных, досуговых, социально-ориентированных притязаний присущи молодым людям с экстернально-витальной жизненной стратегией.

Таким образом, несмотря на декларируемую молодыми людьми с экстернально-витальной жизненной стратегией значимость для них отдельных видов притязаний и умеренную осознанность, готовность прилагать усилия и время для достижения субъективно приемлемых

результатов оказывается низкой. Молодые люди с этой жизненной стратегией нуждаются в психологическом сопровождении для повышения степени осознанности их притязаний и активизации усилий по достижению субъективно приемлемых результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 289 с.
2. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. I. 232 с.
3. Багдасарьян Н. Г., Немцов А. А., Кансузян Л. В. Послевузовские ожидания студенческой молодежи // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 113–119.
4. Бороздина Л. В. Исследование уровня притязаний. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Московского университета, 2000. 142 с.
5. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 74–84.
6. Вергазов И. Р. Особенности притязаний на признание подростков и юношей, входящих в общественно-политические объединения современной России: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 172 с.
7. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.
8. Дёмин А. Н. Карьерные притязания молодежи, высшее образование и рынок труда в условиях финансово-экономического кризиса // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 3. С. 18–27.
9. Джанерьян С. Т. Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский психологический журнал. 2005. Т. 2. № 3. С. 78–92.
10. Джанерьян С. Т., Ким А. Э. Содержание личностных притязаний в связи с жизненными стратегиями молодых людей // Психология и Психотехника. 2018. № 3. С. 1–12.
11. Джанерьян С. Т., Шумихина А. В. Взаимосвязь притязаний и Я-концепции: теоретико-психологический аспект // Северо-Кавказский психологический вестник. 2007. № 3. С. 75–79.
12. Зинько Е. В. Соотношение самооценки и уровня притязаний по параметрам устойчивости и адекватности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 193 с.
13. Казиева Н. Н. Личностно-профессиональные притязания клиентов кадровых агентств: дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2007. 213 с.
14. Кормакова В. Н. Проектирование жизненных стратегий как условие профессионально-личностного самоопределения старшеклассников // Образование и общество. 2009. № 1 (54). С. 55–58.
15. Ляхова М. А. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывающихся вне родительской семьи: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2011. 268 с.
16. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
17. Мельниченко О. Г. Изучение уровня притязаний в комплексном психологическом психофизиологическом исследовании // Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1971. Вып. 3. 23 с.
18. Резанова Н. В. Уровень притязаний в системе личных стремлений в контексте интегративно-целевого подхода к личности: дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2007. 257 с.
19. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. II. 328 с.
20. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.
21. Фещенко Е. М. Ролевые ожидания и притязания супругов на разных этапах развития семьи // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 1(2). С. 172–175.
22. Шумихина А. В. Притязания студентов-психологов в связи с особенностями их Я-концепций: дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 201 с.
23. Niemiec C. P., Ryan R. M., Deci E. L. Consequences of attaining intrinsic and extrinsic aspirations in post-college life // Journal of Research in Personality. 2009. № 43. P. 291–306.
24. Quaglia R. J., Cobb C. D. Toward a Theory of Student Aspirations // Journal of Research in Rural Education, Winter, 1996. Vol. 12. № 3. P. 127–132.
25. Rauduvaite A., Ramanauskiene D., Lasauskiene J. Designing Personal Career for Future Music Educators: Aspirations, Opportunities, Determination // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 159. P. 401–405.

© Ким Алина Эдуардовна (kim.alina.ed@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ОСНОВА ДЕЙСТВИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ БАЗИСНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ СОЛЬФЕДЖИО

Кузнецова Ольга Николаевна

Аспирант, ГБОУ ВО Московской области

«Университет «Дубна»

emelia37@yandex.ru

APPROXIMATE BASIS OF ACTIONS FOR FORMATION OF BASIC MUSICAL SKILLS AT SOLFEGGIO LESSONS

O. Kuznetsova

Summary. Results of further development (the beginning see [5]) the technique of training in basic musical concepts based on the psychological theory of formation of intellectual actions (P. Ya. Galperin [1;2]) are stated. The logic of introduction of new concepts at the initial stages of classes in a subject of solfeggio has been presented in the form of the following sequence: sources and properties of musical sounds → sound row → octave → half tone → chromatic sound row → visual model of a chromatic sound row → steps of a chromatic sound row. The principles of construction and results of approbation of approximate bases of the actions used in the course of formation at pupils of DShI of the concepts italicized are considered. Training was provided with application of the visual model of a conditional octava sound row serving as an analog of strings and a signature stamp of an acoustic guitar. The scheme of the notonosets consisting of 7 lines is for the first time applied to transition to the beginnings of musical notation. He was used as an intermediate link for the subsequent transition to classical 5-linear notonosets. Pupils with interest performed all offered tasks, having shown high quality of assimilation of concepts, new to them, in the subject «solfeggio».

Keywords: sound row, octave, chromatic row, steps, musical notation, approximate basis of educational actions.

Аннотация. Изложены результаты дальнейшей разработки (начало см. [5]) методики обучения базовым музыкальным понятиям, основанной на психологической теории формирования умственных действий (П. Я. Гальперин [1;2]). Логика введения новых понятий на начальных этапах занятий по предмету сольфеджио была представлена в виде следующей последовательности: источники и свойства музыкальных звуков → звукоряд → октава → полутон → хроматический звукоряд → визуальная модель хроматического звукоряда → ступени хроматического звукоряда. Рассмотрены принципы построения и результаты апробации ориентировочных основ действий, используемых в процессе формирования у учащихся ДШИ новых понятий. Обучение проводилось с применением визуальной модели условного октавного звукоряда, служившей аналогом струн и грифа акустической гитары. Для перехода к началам нотной грамоты впервые применена схема нотнооса, состоящего из 7 линий. Он использовался как промежуточное звено для последующего перехода к классическому 5-линейному нотноосцу. Учащиеся с интересом выполняли все предложенные задания, продемонстрировав высокое качество усвоения новых для них понятий по предмету «сольфеджио».

Ключевые слова: звукоряд, октава, хроматический ряд, ступени, нотная запись, ориентировочная основа учебных действий.

Введение

В предыдущей статье [5] была представлена методика формирования знаний об основных физических свойствах звука у учащихся начальных классов детской школы искусств. В основе этой методики лежит психологическая теория формирования умственных действий, разработанная известным отечественным психологом П. Я. Гальпериным [1; 2] для обучения детей различным предметам в общеобразовательных школах. Ранее она не применялась в музыкальной педагогике. Одним из главных положений этой теории является необходимость объективного контроля всех этапов процесса управляемого формирования нового для ученика знания, что обеспечивается сенсомоторным взаимодействием ученика с ориентировочной основой действий [2].

В данной статье представлены некоторые результаты применения теории П. Я. Гальперина к другим разделам музыкальной грамоты, в которых учащиеся встречаются со многими ранее неизвестными им понятиями. При этом, основная задача заключалась в том, чтобы 1) создать полную ориентировочную основу действий, необходимую для полноценного усвоения учеником этих понятий, и 2) обеспечить педагогическое сопровождение действий ученика с элементами ориентировочной основы.

При ознакомлении учащихся с новыми понятиями важно представить их не как бессвязный набор терминов, а как систему осмысленных содержательных переходов от одного понятия к другому. В основании этой системы лежат отдельные звуки с их уже известными физическими и психо-физическими свойствами, на ее

вершине — мелодия со специфическими только для нее свойствами. Восхождение по ступеням пирамиды от звука к мелодии — сложный процесс, который, с одной стороны, долгое время складывался в филогенезе музыки, с другой стороны, он должен в гораздо более сжатый срок реализоваться в онтогенезе музыканта. Искусство педагога как раз и заключается в такой организации процесса обучения, чтобы в продуктах онтогенеза в максимальной степени нашли своё отражение достижения филогенеза.

От звука к звукоряду

Когда люди начали создавать мелодии из ряда отдельных звуков, возникла потребность в сохранении этих мелодий, так чтобы любой исполнитель мог повторно воспроизвести их в другое время на том или ином музыкальном инструменте. Для этого необходимо было прежде всего упорядочить набор музыкальных звуков, чтобы за каждым из них были закреплены строго фиксированная частота и название. В решении этой задачи не обошлось без помощи математиков [7], благодаря которым был создан **звукоряд** — система определенных частотных (высотных) соотношений между звуками, в которой они располагаются в восходящем (от самого низкого до самого высокого в пределах заданного частотного диапазона) или нисходящем (от самого высокого до самого низкого) порядке. Следует отметить, что в современных учебных пособиях при определении понятия звукоряда нет упоминаний о частотном диапазоне. Например, А. Должанский рассматривает звукоряд как простейшую первичную систематизацию для осмысления и изучения звуков, устанавливающая их высоту и количество независимо от связи между собой [3]; И. Способин — как совокупность звуков музыкальной системы, расположенных в восходящем или нисходящем порядке [6].

Современный равномерно-темперированный строй закрепился в европейской музыкальной практике в XVIII веке. Жизнеспособность его была практически подтверждена И. С. Бахом, написавшим 48 прелюдий и фуг для клавирина во всех тональностях под общим названием «Хорошо темперированный клавир».

При создании звукоряда использовалось одно примечательное свойство звуковых ощущений, которое имеет место при прослушивании звуков, отличающихся по частоте ровно в 2 раза. Если такие звуки исполняются последовательно с большим временным интервалом, то они воспринимаются как разные — один низкий, другой более высокий (или наоборот). Если же они исполняются сравнительно быстро друг за другом или одновременно, то субъективно они воспринимаются как одинаковые и как бы сливающиеся в один

звук. В этом заключается амбивалентность октавных звуков: они воспринимаются одновременно как разные и тождественные. Частотный интервал между этими звуками получил название **октава**. Для любого звука существует его октавная пара. В результате получается множество таких пар. Но если выстроить их в цепочку так, чтобы, начиная с самого нижнего звука, подобрать к нему октавную пару, а к ней — следующую октавную пару, то в пределах частотного диапазона музыкальных звуков число октав уменьшится до 7–8. Октавная система — это первый важнейший признак звукоряда [6, с. 8].

В свою очередь, октава разделяется на 12 приблизительно одинаковых интервалов. Чем старше интервал, тем выше его центральная частота. Разница между частотами соседних интервалов называется **полутон**. Полутон — это наименьшее стандартное различие в частоте двух звуков, при котором они воспринимаются как разные по высоте. В психологии органов чувств есть близкое понятие — дифференциальный порог, который является мерой чувствительности анализатора (в данном случае — слухового). Величина этого порога может быть у разных людей меньше или больше полутона, или равна ему. В отличие от дифференциального порога, полутона имеют фиксированные разницы частот для соседних звуков звукоряда. Полутоновая организация октавы — второй важнейший признак звукоряда. Последовательное движение полутонов в сторону от наиболее низкого к наиболее высокому звуку образуют **хроматический звукоряд**.

Далее мы остановимся на процедуре формировании каждого из выделенных курсивом понятий более подробно.

Октава

При первом знакомстве с октавой преподаватель предлагает учащимся послушать звуки и охарактеризовать те слуховые ощущения, которые возникают у него в момент одновременной или последовательной активации разных октавных звуков. Если ученик испытывает при этом затруднения (паузы молчания), ему задаются наводящие вопросы: похожи ли эти звуки? нравятся ли они тебе? Для сравнения следует давать ученику прослушивать также разные пары не октавных звуков. Такая процедура стимулирует активное прослушивание («вслушивание») путем концентрации внимания ученика. Он приобретает новый перцептивный опыт, который в последующем будет служить «чувственной тканью» для абстрактных понятий.

Интервал октавы в сравнительно короткое время успешно выделяется учащимися без особых усилий.

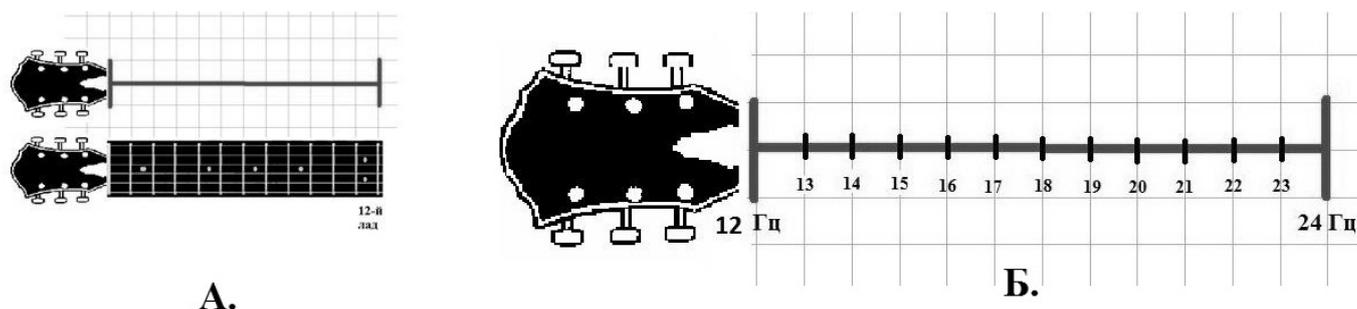

Рис. 1. Базовая учебная модель 12-ступенной хроматической октавы (слева, вверху), спроецированная на гриф гитары (А). Музыкальные звуки определяются в точках пересечения вертикальных штрихов со шкалой (Б).

Следующий шаг состоит в том, чтобы сформировать у ученика внутреннюю модель, устойчивый умственный образ звукоряда со всеми его существенными свойствами, о которых говорилось выше. Но для этого недостаточно одной слуховой модальности, потому что эти свойства представлены в виде абстрактных понятий, то есть в речевой форме. Переход от конкретных слуховых ощущений к таким понятиям можно осуществить с помощью визуально-речевой модели, в которой содержатся уже знакомые ученику свойства, аналогичные понятийным признакам звукоряда. Ведь любое новое знание приобретается через развернутую репрезентацию его в знакомых, ранее усвоенных формах.

В качестве предметного содержания визуальных компонентов описываемой ниже модели были выбраны струны гитары. Это был не случайный выбор. Дело в том, что представление звукоряда на клавишном инструменте (в частности, фортепиано, традиционно используемого на всех стадиях обучения музыкальной грамоте в школах), скрывает от ученика как раз то, что позволяет связать словесное обозначение понятия с его предметным содержанием. В отличие от этого, активируя натянутую на гриф струну (скрипки, гитары, домры, балалайки) в соответствии с указаниями педагога и с опорой на ориентировочную основу, ученик собственным действием создает у себя внутреннюю модель, в которой понятие представлено в виде полимодального (слухового, визуального и речевого) комплекса.

Практически это обеспечивается следующими действиями: 1) ученику предлагается слегка оттянуть струну, отпустить ее, услышать и запомнить звук; 2) затем он должен найти середину струны (если нужно — с помощью педагога), в этом месте прижать ее пальцем к грифу и активировать струну; 3) далее педагог задает вопрос: что изменилось в поведении струны, по сравнению с предыдущим случаем, когда она звучала вся без нажа-

тия на нее в середине? Ответ ученика закрепляется правильным ответом педагога. Ученик повторяет предыдущие два действия на всех струнах, внимательно слушая и сравнивая оба звука.

Далее педагог просит ученика вспомнить (из предыдущих занятий), от чего зависит частота колебания струны (то есть высота звука), и объясняет, что *прикосновение* пальцем на середину струны означает, что при ее активации будет колебаться только ее активированная половина, а частота колебаний поэтому будет в два раза меньше, по сравнению с частотой колебания целой струны. Только в этом случае два звука будут ощущаться субъективно похожими. В заключение формулируется первое понятие: *интервал между частотами, которые отличаются друг от друга в 2 раза, называется октавой*.

Итак, первое знакомство с октавой учащиеся получают в практическом воздействии на струны музыкального инструмента, прослушивании и сравнении производимых звуков, а приобретенный перцептивно-моторный опыт закрепляется в речевой формулировке понятия октавы.

Как показало учебное занятие в экспериментальной группе, эта процедура была очень интересна учащимся, и они охотно выполняли все указания педагога.

Базовая модель октавного звукоряда

Звукоряд состоит из нескольких октав, а каждая октава состоит из нескольких отличающихся по частоте звуков. Как упорядочены звуки внутри октавы? Чтобы сформировать у ученика представление об этом порядке, октава была представлена в виде горизонтального отрезка на фоне листа клетчатой бумаги. Сам отрезок

имитировал струну гитары, а количество охватываемых им клеток было равно 12, по количеству ладов, выделенных на грифе ладовыми порожками. В действительности ширина ладовых участков на грифе не одинакова, но в данном случае это не имело принципиального значения, и многие ученики даже не замечали такого расхождения. Эта базовая модель октавного фрагмента звукоряда (рис. 1А) использовалась в дальнейшем для формирования понятий хроматического ряда, полутона, тона.

Соблюдая правило октавы, учащимся предлагалось придумать частоту колебания для границ подготовленного отрезка (основного и октавного тона) в числовом выражении. При этом, основной тон произвольной частоты мог располагаться либо на левой, либо на правой границе отрезка. В первом случае октавный тон был выше, во втором — ниже основного.

Как показывает практика, учащимся 7–8 лет удобны небольшие значения предложенной октавной шкалы и дальнейшее её деление на равные 12 частей в числах натурального ряда, без дробных значений. Поэтому, для удобства дальнейшей работы со шкалой-отрезком были условно выбраны значения с частотными октавными границами 12 и 24 Гц.

Частотная шкала октавы

В связи с делением октавы на несколько разновысоких звуков возникают новые понятия, лежащие в основе такого деления. Усвоение этих понятий происходило с использованием базовой модели, изображенной на рис. 1А и дополненной разбиением ее на 12 равных частей (рис. 1Б).

Вертикальные штрихи соответствуют ладовым порожкам на грифе гитары. Если октава начинается, например, с 12 Гц («свободная», обозначаемая в практике как «не прижатая», струна), то при движении по шкале слева направо каждый штрих дает приращение частоты на 1 Гц. Далее учащимся предлагалось выполнить следующие действия: прослушать в исполнении преподавателя последовательное чередование всех звуков, входящих в октаву, наблюдая при этом за перемещением пальца левой руки вдоль грифа гитары. То же самое исполнить самостоятельно сначала на одной струне, затем — на других струнах, поочередно переходя к соседним ладам сначала в восходящем, затем в нисходящем направлениях. Показать, какие звуки отличаются друг от друга как очень разные, а какие — как очень близкие.

Подытоживая, педагог дает определение двум понятиям: 1) минимальная разница между частотами двух соседних звуков называется **полутон**; 2) мы слышим

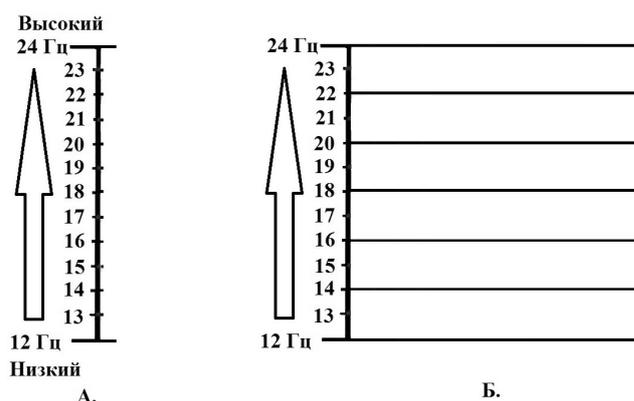

Рис. 2. Шаблон для выполнения заданий с определением относительной высоты звуков (А) и модификация учебной модели звукоряда в виде горизонтальных линий (Б).

полутон, когда активируем струну, последовательно нажимая на соседние лады грифа гитары; 3) последовательность всех полутонов, построенная в порядке возрастания или убывания их частот называется **хроматическим звукорядом**.

В исполнительных действиях ученика, направляемых указаниями педагога, образуются связи возникающих при этом слуховых ощущений со зрительной локализацией источников их происхождения. Эти связи, сопровождаемые речевой формулировкой соответствующих понятий, лежат в основе субъективного образа звукоряда, на основе которого ученик будет овладевать новыми уровнями музыкальной грамоты.

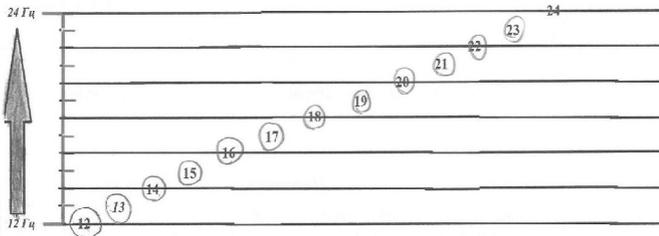
Звуко-высотная структура октавы

На предыдущих занятиях учащиеся усвоили связь между частотой, как объективной характеристикой звука, и его высотой как свойством слухового ощущения. При переходе от отдельного звука к октаве и звукоряду в целом возникают новые свойства слухового восприятия, обусловленные различными соотношениями звуковых частот. Эти соотношения, образующиеся как при одновременной (гармонической), так и последовательной (мелодической) активации нескольких звуков подчиняются определенным правилам, сложившимся на протяжении долгой истории формирования музыкальной культуры.

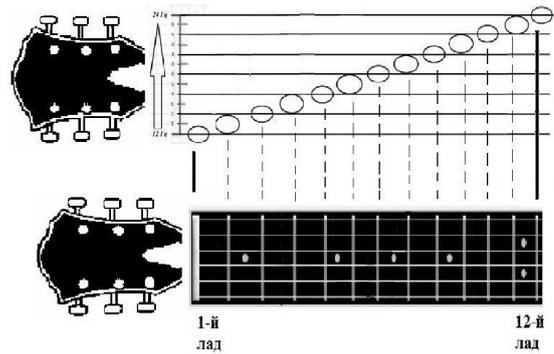
Представление о *высоте* возникает еще в раннем возрасте при восприятии соотношений в пространственных расположениях предметов. Оно легко синестезируется со звуко-высотными соотношениями, что

Чистотисание.

1. Нарисуй нотки на линейке и между линейками, таким образом, чтобы цифра с номером частоты, которая им соответствует, оказалась в середине нотки. Ответ на вопрос какое направление (вверх или вниз) обозначает предложенный ряд звуков?
2. Выпиши частоту тех нот, которые изображены МЕЖДУ линейками
3. Выпиши частоту тех нот, которые изображены НА линейках

А.

Б.

Рис. 3. Протокол выполнения задания с изображением хроматической последовательности звуков (А). Карточка для выполнения задания с извлечением звуков, частота которых указывается преподавателем (Б). Пунктиром указан ладовый порожек, соответствующий данной ноте. Первая нота (слева) соответствует свободной струне (Б).

отражено в понятии *ступени* (см. далее), которое почти во всех учебниках сравнивается с лестничными ступеньками. На наш взгляд, более адекватной аналогией может служить вертикальная ориентация дополненной базовой модели октавы (рис. 2А). Здесь наглядно представлена связь между пространственной высотой звука, отмеченного штрихом, и соответствующей ему частотой, выраженной в герцах. И то, и другое уже знакомо ученику, и он может непосредственно видеть, как с увеличением частоты меняется высота звука. Легко сделать электронный вариант этой модели, позволяющий не только видеть, но и слышать звуки при нажатии вертикально расположенных кнопок (как, например, на клавиатуре баяна или аккордеона).

Для формирования понятия звуко-высотного различия учащимся было предложено сравнить звуки по высоте в различных позициях частотной шкалы. Заметим, что различие звуков по высоте может иметь место и при отсутствии понятия об определяющем факторе звуко-различения; в этом случае чувственный и теоретический опыт остаются оторванными друг от друга. При этом, ориентируясь на карточку с изображением частотной шкалы, им нужно было выполнять следующие действия: 1) отметить точками на шкале два звука заданной частоты (задается устно преподавателем); 2) записать числовые значения частот в соответствующие клеточки таблицы (больше и меньше); 3) определить, какой из звуков выше (или ниже) и записать ответ.

Как показала практика, при выполнении таких тренировочных упражнений учащиеся без труда ориентиру-

ются на больший показатель частоты при выборе более высокого звука, и наоборот.

Визуальная модель
высоты музыкального звука

Ознакомление ученика с начальными понятиями о звуке и звукоряде является подготовительным этапом для его перехода к усвоению понятий, относящихся к классической письменной записи музыки. Кодирование музыкальных звуков в виде визуальных знаков происходит во время ее сочинения композитором; обратный процесс — декодирование визуальных знаков в звуки — происходит при чтении нотного текста. Только через такой текст возможно музыкальное общение, сохранение музыки «для себя», чтобы она стала доступной «для других».

Музыкальный текст позволяет кодировать как свойства отдельного звука, так и свойства, присущие только мелодии. Здесь существуют правила и нормы, специфичные для данной знаковой системы, но в то же время отражающие существенные свойства того, что в ней закодировано. Эту семантическую связь важно сохранить при переходе от обозначаемого содержания к обозначающему знаку, потому что только в этом случае возможна быстрая, ассоциативная их обратимость — знаменитое «вижу-слышу» и «слышу-вижу». В музыкальных школах знакомство с нотной записью традиционно начинается уже на первых занятиях, без описанных выше предварительных знаний, то есть формально, в результате чего формирование ассоци-

аций между нотным знаком и звуком происходит медленно и стихийно по мере накопления музыкального опыта.

Из предыдущих занятий учащиеся знают, что каждый музыкальный звук отличается от другого своей уникальной высотой и строго определенным местом в хроматическом звукоряде. Месторасположение звуков в хроматическом ряду октавы можно представить на ее визуальной модели, показанной на рис. 3Б. Здесь каждая горизонтальная линия соответствует определенному порожку на грифе гитары.

В системе современного нотного письма графическим знаком звука является изображение овала, которое называется *нотой*. В октаве 12 таких нот. Если расположить их на соответствующих линиях и между ними, получим нотную запись хроматической октавы, как показано на рис. 2Б. Систему линий на рис. 2Б будем условно называть *условным нотоносцем*. В современной системе нотации, к которой мы перейдем в дальнейших занятиях, нотоносец состоит из 5 линий.

Для усвоения принципа записи звуков на *условном нотоносце* учащимся были предложены следующие задания: 1) нарисовать ноту на линии; 2) нарисовать ноту между линиями; 3) нарисовать хроматическую последовательность нот.

При выполнении этих заданий учащийся внимательно контролирует частотные показатели нот в той последовательности, в которой расположены звуки, называет и записывает их числовые значения внутри овала или обводит соответствующие числовые значения, координируя линии овалов с линиями нотоносца. Пример протокола выполнения третьего задания приведен на рис. 3А.

Предложенный учащимся семилинейный нотоносец используется в данной методике впервые. Его использование вполне обосновано, поскольку наиболее ярко для детей демонстрирует принцип поступенного движения хроматического звукоряда в пределах октавы, соблюдая нормы и правила нотирования подобной последовательности. Как показывают практические занятия с учащимися первого класса на данном этапе, задания не вызвали затруднений, напротив, стимулировали интерес к познавательной деятельности.

Условный нотоносец — это один из элементов ориентировочной основы действий, при выполнении которых учащиеся овладевали более сложным языком музыкальной грамоты, в которую входят понятия ступеней и поступенного движения, хроматического (12-ступенного) и диатонического (семиступенного) звукорядов, мажор-

ного и минорного лада и его структуры, названия основных звуков.

Современная учебная литература по теории музыки (сольфеджио), следует обратной логике. На первых уроках озвучиваются названия диатонических ступеней, затем выделяются их одинаковые названия (например, все «до») и вводится понятие октавы: «группа звуков от звука До до каждого следующего До» [7]. Для понимания ступени на начальном этапе, звук традиционно привязывается к названию — «звук с самостоятельным названием» [8] или «звук музыкальной системы, семи основным ступеням которой даны соответствующие названия» [6]. При этом, расстояние между звуками октавы скорее всего понимается учеником как физическое расстояние между одноименными звуками на фортепианной клавиатуре или как уже сформированное правильное слуховое ощущение: «расстояние между ближайшими *сливающимися звуками*» [8] (Курсив — О.К.).

Заключение

Логику введения новых понятий на начальных этапах занятий по предмету сольфеджио можно представить в виде следующей последовательности: *источники и свойства музыкальных звуков* → *звукоряд* → *октава* → *полутон* → *хроматический звукоряд* → *визуальная модель (хроматического) звукоряда* → *ступени хроматического звукоряда*. Далее на основе логики строения хроматического звукоряда следует знакомство ученика с системой нотации *диатонического звукоряда* путем разделения двенадцати хроматических ступеней на семь основных и пять вспомогательных; производится переход к классическому 5-линейному нотоносцу; вводится понятие музыкальных ключей, и т.д. Об этом будет рассказано в следующей статье, которая готовится к печати. Методика рассчитана на учащихся подготовительного и первого классов и обеспечивает полноценную подготовку к усвоению начальных норм традиционной европейской нотации, включая ориентацию в отправной (вводной) музыкальной терминологии. Приведенная последовательность не совпадает с традиционной, в которой отсутствует содержательная логика переходов от одного понятия к другому. В результате теряется системность учебного предмета, который выступает для ученика в виде бессвязного набора понятий. Другая отличительная черта предложенной методики — это такая организация процесса усвоения понятий, при которой последние представлены для ученика как предметы активного взаимодействия с ними при одновременном участии разных модальностей — зрительной, слуховой, кинестетической. Их координация осуществляется под контролем как речевых указаний педагога, так и собственного речевого сопровождения учеником выполняемых им действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин П.Я. К проблеме внимания / П. Я. Гальперин // Доклады АПН РСФСР. — 1958. — № 3.
2. Гальперин, П. Я. Ориентировочная деятельность как предмет психологии [Текст] / П. Я. Гальперин // П. Я. Гальперин. Введение в психологию: учеб. пособие для вузов. — М.: Книжный дом «Университет», 1999. — С. 93–150.
3. Должанский, А. Краткий музыкальный словарь / А. Должанский. — 5-е изд. — СПб.: Лань, 2000. — С. 96.
4. Красинская, Л. Элементарная теория музыки / Л. Красинская, В. Уткин. — М.: Музыка, 1965. — С. 16.
5. Кузнецова, О. Н. Педагогическая интерпретация теории формирования умственных действий применительно к освоению начинающими гитаристами основных свойств звука / О. Н. Кузнецова // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». — 2017. — № 2. — С. 39–53.
6. Способин, И. В. Элементарная теория музыки / И. В. Способин. — М.: Государственное музыкальное издательство, 1963.
7. Фрейндлинг, Г. Р. Музыкальный строй / Г. Р. Фрейндлинг // Курс теории музыки; общ. ред. А. Л. Островского. — М.: Музыка, 1978. — С. 10–13.
8. Фридкин, Г. Практическое руководство по музыкальной грамоте / Г. Фридкин. — М.: Государственное музыкальное издательство, 1962. — С. 6.

© Кузнецова Ольга Николаевна (emelia37@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖИЗНЕННОГО ВЫБОРА ЧЕЛОВЕКА

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE DETERMINATION OF LIFE SELECTION OF PERSONS

E. Lopatchenko

Summary. In this article the author based on the literary analysis conducted a study of theoretical and methodological approaches to the definitions, structure and fundamentals of life choices of man. It is noted that the category under study is one of the fundamental in modern psychology. The author has studied and described in the work the basic complex interrelations between the life choice of the individual and his life situation, orientation, position, as well as the factors influencing the life choice on the life strategy of the person.

Keywords: life choice, person, personality, life strategy, position, orientation, life path, psychology, category.

Лопатченко Екатерина Николаевна

*Клинический психолог, психоаналитик, Тихоокеанский
государственный университет, г. Хабаровск
dal_ur_com@bk.ru*

Аннотация. В данной статье автором на основании литературного анализа проведено исследование теоретико-методологических подходов к дефинициям, структуре и основам жизненного выбора человека. Отмечено, что исследуемая категория является одной из фундаментальных в современной психологии. Автором изучены и описаны в работе базовые комплексные взаимосвязи между жизненным выбором личности и его жизненной ситуацией, ориентацией, позицией, а также обозначены факторы влияния жизненного выбора на жизненную стратегию человека.

Ключевые слова: жизненный выбор, человек, личность, жизненная стратегия, позиция, ориентация, жизненный путь, психология, категория.

Человек всегда выбирает. Выбирает свой жизненный маршрут, выбирает спутников, дело, которому себя посвящает. Выбор — это проявление свободы и средоточие, эпицентр внутренней активности. Делая выборы, личность строит свою жизнь, свой мир, свою судьбу. Выбор является орудием, овладевая которым, человек становится все гармоничнее и счастливее. Способность к жизненному выбору присуща сугубо человеческой натуре. Животное не может осуществить жизненный выбор, который определял бы качество его будущей жизни, был бы содержанием направленной активности. Точнее, это способность личностная. Маленький ребенок (или тяжело психически больной человек) не способен путем последовательных выборов конструировать будущее, строить свой жизненный мир.

Теоретико-методологические основы и уровень эмпирически-практических задач научных подходов к дефинициям жизненного выбора человека, их суть, осмысление и решение бесспорно актуальны в системе диалектики научного психологического познания и в условиях развития общества в целом.

Среди исследователей, посвятивших свои труды данной теме, в рамках статьи стоит выделить таких, как: Рубинштейн С.Л., Коржова Е.Ю., Абульханова-Славская К.А., Рыбаков Р.П., Ананьев Б.Г., Резник Ю.М., Низовских Н.А., Григорьев Г.И., Легеев М.В. и пр. Несмотря на то, что определение сути понятия жизненного выбора человека занимает важное место в теоретико-методоло-

гических и экспериментальных исследованиях психологов, педагогов, социологов, философов и других ученых, работающих в смежных с психологией науках, обращение к данной теме обусловлено многозначностью психологических аспектов жизнедеятельности личности.

Учитывая указанный аспект изучения жизненного выбора личности, цель статьи — на основе теоретического анализа работ отечественных и зарубежных исследователей определить структурные составляющие жизненного выбора личности и их место в структуре родственных категорий.

Изначально стоит отметить, что жизненный выбор являет элементом такой фундаментальной в психологии жизнедеятельности человека дефиниции как «жизненный путь личности». Так, понятие «жизненный путь личности» в последние годы широко используется во многих гуманитарных науках и его теоретическое и эмпирическое изучение нельзя назвать однозначным, завершенным и постоянным. Существует значительное количество концепций жизненного пути личности и это имеет объяснение, ведь, категория жизненного пути личности во многих психологических концепциях является содержательным интегрирующим понятием, с помощью которого можно согласовать и систематизировать целый ряд явлений индивидуального развития человека.

В современной психологии уделяется большое внимание отдельным составляющим жизненного пути,

среди которых — жизненный выбор, психологические ситуации, проблемы и кризисы, психологическое время личности, проектирование жизненного пути, поступок, стратегия, притязание, событие, и другие, которые составляют определенную понятийную систему и должны согласовываться между собой.

В исследованиях отмечено, что структура жизненного пути — это его определенные качественные характеристики, выражающие способ функционирования личности в жизни и жизненный путь иногда рассматривается как совокупность жизненных циклов. Жизненный цикл предусматривает, что течение жизни имеет определенные ритмы, этапы или вехи, которые закономерно повторяются в поколениях и в судьбе отдельной личности.

В психологических исследованиях является дискуссионным разделение жизненного пути на отдельные «пункты» жизни, «события», при котором теряется их связь с личностью. В результате таких исследований жизненный путь изображается через перечень значимых жизненных событий, четко регламентированных обществом (рождение, обучение, свадьба, профессиональная реализация и т.д.), не раскрывает личностного содержания и смысла жизни.

Категория жизненного пути личности является одной из важнейших категорий практической психологии. Наиболее близкими к ней по содержанию такие понятия, как «жизненный выбор» и «психологическая ситуация», «жизненная ситуация», «жизненный кризис», «жизненная перспектива», «жизненная стратегия» и др., которые входят в категориальную систему практической психологии.

Понятие жизненного выбора как одно из понятий жизненного пути используется поведенческий подход, который уделяет основное внимание не прошлому, а настоящему, предлагая определенный анализ текущих ситуаций и способов решения проблем человека в процессе психокоррекции. В свою очередь, гуманистическая и когнитивная психология ориентируются на структуру ценностей человека, на его жизненные планы и перспективы [9, с. 78].

Рассмотрение категории жизненного выбора, с учетом того факта, что последовательность жизненных событий складывается не случайно, а в соответствии с необходимостью решения определенных жизненных ситуаций и проблем, приводит к необходимости включения в состав системы понятий практической психологии — понятие жизненной стратегии [5, с. 64]. Важное значение рассмотрения обозначенной проблематики в своих исследованиях оказывают представители пси-

хологического анализа. Они делают основной акцент на различных аспектах формирования жизненных стратегий личности, рассматривая процесс жизненного выбора:

1. как проблему жизненного пути (Б. Ананьев, С. Рубинштейн);
2. как построение временной перспективы (Р. Рыбаков);
3. как построение жизненной перспективы (Н. Низовских);
4. как выстраивание определенного жизненного сценария или стиля жизни (А. Адлер, Э. Фромм);
5. как формирование жизненной стратегии (К. Абульханова-Славская, Ю. Резник).

Понятие «выбор» ученые рассматривают как избрание одного из многочисленных альтернатив. Анализ мотивации межличностных выборов позволяет определить психологические причины, по которым индивид готов осуществить эмоциональный и деловой контакт с определенным человеком, что связано в межличностном общении с ориентацией преимущественно на определенные психологические качества партнера.

Выбор является необходимым психологическим условием принятия стратегически важного решения, поскольку именно этот психологический механизм позволяет перейти от неопределенности к начертанию жизненной цели. Исследуя жизненные выборы в социальной плоскости, исследователи связывают их с человеческими нормами, ценностями. Важна, хотя и неисчерпаема, роль актов выбора в процессе принятия и реализации лицом его решений, в частности стратегических жизненных решений. Данный факт во многом обусловлено тем, что социальные нормы, регулирующие человеческое поведение, привязаны, как правило, к решению дискретных альтернатив, между которыми надо делать выбор [4, с. 128].

Р. Рыбаков неоднократно подчеркивает уникальность и неповторимость каждого жизненного выбора и последствий принятия решения. В пространстве реальной жизни каждый акт выбора является более ответственным — ведь изменить его здесь, строго говоря, невозможно; в лучшем случае человеку удастся, потратив дополнительные ресурсы, исправить в большей или меньшей степени негативные последствия указанного акта [10, с. 55].

Таким образом, психологическое содержание актов выбора, осуществляемых человеком, может быть очень разным, и поэтому принять решение об избрании одного из путей и реализовать это решение представляется чрезвычайно нелегким делом. Важным для нашего исследования является то, что соотношение выделенных

вариантов в осуществляемых личностью стратегических и тактических выборах оказывается разным в зависимости от степени сформированности и устойчивости принятых им ценностных ориентиров.

В многочисленных теоретико-методологических трудах указывается на тенденцию усиления внимания ученых к стратегическим жизненным выборам. Безусловно, оказанное исследователями внимание к стратегическим личностным выборам вполне оправдано и из мировоззренческих соображений, и в связи с проблемами оказания психологической помощи людям, находящимся в кризисном состоянии, выход из которого невозможен без осуществления адекватного жизненного выбора [3, с. 21].

Основой построения жизненной стратегии на базисе комплекса жизненных выборов К.А. Абульханова-Славская считала способность человека к гармоничному сочетанию процессов собственного личностного развития с требованиями общества и окружения. Исследовательница предложила такое определение выбора в жизни как базовой категории жизненного пути.

Жизненная стратегия личности характеризует не только выбор вектора действий, но и измерение глубины переживаний личностью того, что с ней происходит. Личность выступает в роли главного регулятора реализации стратегии, обеспечивая ее качественное своеобразие и определяя ее динамические особенности [1, с. 56]. Жизненная стратегия как индивидуальный способ творческого конструирования, реализации человеком жизненных целей определяет отношение человека к себе, к деятельности, к другим людям, а также сознательный способ переживания проявлений жизни и отображения обратной связи в чувствах и поступках.

Жизненный выбор в общем виде — это постоянное согласование своей личности и характера и способа своей жизни, построение жизни с учетом своих индивидуальных возможностей и данных, а затем тех, которые приобретаются в жизни [1, с. 67].

Одним из самых популярных является определение жизненного выбора, которое принадлежит российским исследователям Т.Е. Резник и Ю.М. Резник. По их мнению, также стоит выделять жизненный выбор как подкатегорию стратегии жизни — это символически опосредованные и вышедшие по своему воздействию за пределы сознания, идеальные образования, ее ориентиры и приоритеты, реализуемые в поведении. Таким образом, стратегия жизни в ее социологическом понимании — это динамическая, саморегулирующаяся система социокультурных представлений личности о собственной жизни, что ориентирует и направляет его

поведение в течение длительного времени [8, с. 72]. Авторы делают упор на социальную обусловленность жизненного выбора и функций ориентирования, которую они выполняют в жизни личности, и отмечают при этом долгосрочность такого ориентира.

Существенной составляющей и в определенной степени результатом формирования жизненного выбора является выработка жизненных ориентаций человека. Обстоятельный анализ жизненных ориентаций личности предложен в исследованиях российской исследовательницы Е.Ю. Коржовой, которая понимает их общие субъект — объектные ориентации, как те, что человек проявляет по отношению к своей жизнедеятельности [6, с. 61].

Исследованию жизненных ориентаций значительное внимание уделяла Н.А. Низовская, которая считает их неотъемлемым атрибутом существования человека и определяет как совокупность ценностей, интегрированных личностью относительно своей жизни, что во многом определяет особенности индивидуального жизненного выбора, поскольку человек не только воспринимает окружающий мир и себя через призму жизненных ориентаций, но и действует в соответствии с ними [7, с. 119].

Базовым элементом жизненного выбора и жизненной стратегии является жизненная позиция личности. Б. Ананьев под позицией человека понимал сложную систему отношений личности (к обществу в целом, к общностям, которым она принадлежит, к труду, людям, к самому себе), установок и мотивов, которыми она руководствуется в своей деятельности. Вступая в сложные многосторонние отношения с окружающим миром, человек сталкивается с объективной необходимостью самостоятельно распоряжаться собственной жизнью, выбирать жизненный путь [2, с. 178]. Автор указывает на интеграционную характеристику жизненной позиции человека в его самореализацию.

Обстоятельный анализ дефиниции «жизненная позиция личности» находим в работах К.А. Абульхановой-Славской. Автор рассматривает жизненную позицию личности как совокупность ее жизненных отношений, а также способ их реализации, который соответствует (или не соответствует) потребностям, ценностям личности [1, с. 131]. Она представляет собой выработанный личностью при данных условиях способ своей общественной жизни, место в профессии, средство самовыражения.

В жизненной позиции выделяют ее исходную объективную характеристику — те социальные условия, в которых существует человек. Они могут быть благоприят-

ными, либо не благоприятными для развития личности. Определяющим в характеристике жизненной позиции, а в последствии также ее выбора, является то, насколько сама личность добивается тех условий, в которых ее потенциал получает наибольшие возможности для развития.

Вывод. Рассмотренные структурные характеристики жизненного выбора личности, как фундаментальной категории психологии личности, конкретизируются и раскрываются в таких психологических феноменах, как: жизненные цели, жизненные события, жизненные стратегии, жизненные ситуации, жизненные позиции, жизненные программы и жизненные притязания.

Одним из базовых понятий психологии жизненно-го выбора является категория «стратегия жизни» — это постоянное согласование своей личности и характера и способа своей жизни, построение жизни сначала с учетом своих индивидуальных возможностей и данных, а затем тех, которые приобретаются в жизни. Стратегия жизни состоит в способах изменения, преобразования условий ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности, в стремлении к определению главной жизненной цели и нахождения смысла жизни.

В процессе анализа категории жизненного выбора человека установлено, что жизненные ориентации яв-

ляются его составной частью и в определенной степени результатом формирования жизненной стратегии. Жизненные ориентации характеризуют степень зависимости внутреннего мира человека от мира внешнего, которая заключается в построении собственного бытия, то есть субъектной вовлеченности в субъектную ситуацию.

Одним из базовых элементов жизненного выбора является жизненная позиция личности — сложная система отношений личности, установок и мотивов, которыми она руководствуется в своей деятельности, целей и ценностей, на которые ею направлены на деятельность, совокупность способностей к организации жизни, решению противоречий.

Жизненный выбор в совокупности и взаимодействии с жизненными ситуациями, событиями и кризисами являются точками ориентира жизненного пути человека. В работах многих авторов ситуация, требующая жизненного выбора, рассматривается как важный эпизод на жизненном пути человека, который может определить дальнейшее направление жизни. Таким образом, жизненный выбор личности необходимо рассматривать как сложную, системно-понятийную, многомерную категорию, которая предполагает раскрытие индивидуальности человека в структурных характеристиках жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. М.: «Мысль», 1991. 299 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер. 2010. 288 с.
3. Ананьина И. И. Выбор жизненной стратегии: между обществом и личностью // В сборнике научных трудов: Человек и мир: психология риска, инноваций, конфликта. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 20–23.
4. Григорьев Г. И., Легеев М. В. Аддиктивное поведение и свобода как путь жизненного выбора человека // Вестник психотерапии. 2014. № 51 (56). С. 125–139.
5. Козина Ю., Смирнов И. Проблема принятия решений человеком в современном обществе // Ямальский вестник. 2014. № 1 (1). С. 62–67.
6. Коржова Е. Ю. Психология жизненных ориентаций человека / Е. Ю. Коржова. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 384 с.
7. Низовских Н. А. Человек как автор самого себя: психосемантическое исследование жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности / Н. А. Низовских. М.: Директ-Медиа, 2014. 405 с.
8. Резник Ю. М. Человек перед выбором пути: различия как основания жизненной политики // Управление мегаполисом. 2011. № 3. С. 62–75.
9. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб: Питер, 2012. 224 с.
10. Рыбаков Р. П. Особенности влияния ценностных ориентаций на выбор жизненных позиций людей // Научные исследования и образование. 2016. № 21. С. 54–58.

© Лопатченко Екатерина Николаевна (dal_ur_com@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ВЫБОРА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

THE THEORETICAL ASPECT OF THE DEFINITION OF MAN'S LIFE CHOICE IN THE CONTEXT OF LIFE'S PATH

E. Lopatchenko

Summary. The article is devoted to the problem of person's life choice in the context of life's path. The various approaches of the authors, studying the complex nature of life choice, both in Russian and foreign psychological science, were analyzed there. The author's own conclusion, that made possible to represent person's life choice structurally, was defined in the process of writing the article.

Keywords: life choice, life's path, individual growth, making decision, implementation, vital activity, the way of formation and development, vital value, harmonization.

Лопатченко Екатерина Николаевна

*Клинический психолог, психоаналитик, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
dal_ur_com@bk.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению проблемы жизненного выбора личности в контексте жизненного пути. Рассмотрены различные подходы авторов, занимающихся изучением сложной природы жизненного выбора, как в отечественной, так и в зарубежной психологической науке. В процессе написания статьи был сформулирован собственный вывод, который позволил автору представить жизненный выбор структурно.

Ключевые слова: жизненный выбор, жизненный путь, индивидуальное развитие, принятие решения, реализация, жизненная активность, путь становления и развития, жизненные ценности, гармонизация.

В настоящее время не возникает необходимости доказывать актуальность проблемы жизненного выбора личности. Данное обстоятельство обусловлено существенными изменениями в мировом сообществе, которые, в свою очередь, повлияли на востребованность осуществления выбора в жизненных практиках современного человека, а также на динамические процессы исследовательской деятельности специалистов в рассматриваемой сфере. Приоритетное направление в исследовании категории «выбор» прослеживается, в основном, в ориентировании личности на способность к свободному принятию адекватных и ответственных решений в различных проблемных ситуациях. Особенность данного положения заключается в том, что в изменяющихся условиях социума жизнь индивида стала зависеть в высокой степени от его свободного выбора и от его личной ответственности за этот выбор. Однако наряду с этим приходится отмечать отсутствие конкретно заданного поля исследований и общепринятой терминологии. Существует много дискуссий и противоречивых мнений авторов относительно теории выбора.

Выбор представляет собой сложный многоаспектный феномен психологической природы личности. Если рассматривать человеческую жизнь поэтапно и последовательно, в целом она представляет результат жизненных выборов, которые личность постоянно осуществляет в процессе жизнедеятельности. Таким образом, человеку приходится совершать великое множество актов выбора различного характера, в различных сфе-

рах. В нынешней социально-экономической ситуации наблюдается увеличение числа актов выбора, которые в обязательном порядке человек должен осуществить. Это связано с нестабильностью экономической жизни, тревожностью относительно потери работы и заработка, отсутствием гармоничных отношений в семье, которые, в свою очередь, обусловлены неоднозначным пониманием жизненной ситуации. Также сюда следует отнести осознание личностью собственной некомпетентности при решении задач смысловитого содержания. Все это делает актуальным и востребованным вопросы изучения природы, специфических особенностей, функций и видов категории выбора.

Изучение проблемы выбора представлено в отечественной психологии в разных аспектах. Выбор рассматривается в качестве составляющей жизненного пути личности, согласно теориям Рубинштейна С.Л., Мухина В.С., Асмолова А.Г., Абульхановой-Славской К.А. Леонтьев Д.А. позиционирует выбор как внутреннюю деятельность личности. Кроме того, появились работы по проблеме изучения категории выбора, в которых акцент делается на значимость изучения ценностных оснований выбора (Знаков В.В.). Согласно теории Мухина В.С., выбор связан с осознанием, реализацией собственного потенциала и определяется внутренней позицией личности, ее ценностными ориентациями.

Для полноценного понимания жизненного выбора в целом и его структуры в отдельности важно рассматривать данный феномен в плоскости различных подходов

авторов при его исследовании. Это даст возможность более качественного детализированного определения категории жизненного выбора и позволит сформулировать индивидуальный авторский взгляд на проблему жизненного выбора.

В психологической науке проблема жизненного выбора рассматривается в контексте жизненного пути личности. Если определять жизнь человека, то это, с одной стороны, биологическое явление, динамический процесс от момента рождения до смерти, с другой — социально-исторический факт. Согласно теории Рубинштейна С.Л., «социально-историческое, специфичное для человека качество индивидуального бытия фиксируется в понимании жизненного пути» [1]. В основу этого положена мысль, что всякое живое существо проходит этап своего развития, но свою историю имеет только человек. Таким образом, жизненный путь — это история индивидуального развития, жизнь человека как личности.

С точки зрения Ананьева Б.Г., жизненный путь личности представляет собой историю ее формирования и развития в определенном обществе. Личность рассматривается им в качестве «современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения» [5]. В соответствии с этим жизненный путь позиционируется как своеобразный портрет личности, посредством которого отражается ее мировоззрение и жизненная позиция, притязания, достижения, отношения к жизненным трудностям и способы их преодоления.

Наряду с отсутствием единого определения жизненного выбора и многочисленными дискуссиями авторов на данную тему понимание жизненного пути личности также относится к слабоизученным проблемам в психологической науке. Среди исследователей существуют разные подходы в определении семантической природы жизненного пути.

Первые попытки описания жизненного пути базировались не только на структурном определении личности, но и на построении теории личности во временной плоскости. Французский ученый П. Жане известен как первый исследователь эволюционных процессов личности, происходящих в реальном времени, который предпринял попытку связать биологический, психологический и исторический аспекты в единой плоскости жизненного пути личности.

Согласно концепции Бюллер Ш., жизненный путь личности рассматривается с позиции жизненных циклов и генетических связей между их фазами. Ш. Бюллер установила, что в зависимости от возраста личности происходят смены жизненных фаз, объем ее жизненной

активности. Врожденное стремление человека к самоосуществлению или самоисполнению, выступающие в качестве базовых критериев в процессе всесторонней реализации себя, являются главной движущей силой, толчком в развитии личности. В соответствии с концепцией Бюллер Ш., самоосуществление — это итог жизненного пути личности, когда «ценности и цели, к которым стремился человек осознанно или неосознанно, получили адекватную реализацию» [1]. Самоосуществление при этом может быть достигнуто при условии целеустремленности, творчества личности в процессе своей жизнедеятельности. Согласно ее теории, степень самоосуществления зависит от способности человека ставить такие цели, которые наиболее адекватны его внутреннему стержню, что, в свою очередь, выражается в самоопределении личности. На наш взгляд, понятия самоосуществления и самоопределения взаимосвязаны, поскольку понимание человеком своего призвания приводит к вероятности его самоосуществления.

Интересной представляется идея Ш. Бюллер о многофазности жизненного пути личности, которая получила свое развитие на основе изучения многочисленных биографий людей самых разных профессий, представителей различных социальных классов. Изучение проводилось по трем аспектам: внешний ход событий жизни личности; история творческой деятельности личности; возрастные перемены во внутреннем мире, особенно в отношении личности к собственной жизни. Согласно идее автора, существует 5 жизненных фаз [1].

Первая фаза, которая приходится на возраст от рождения до 16–20 лет, является периодом, предшествующим самоопределению, поскольку человек еще не проявил себя ни в профессиональной сфере, ни в сфере планирования и создания семьи, другими словами, в тех сферах, в которых проявляются способности и возможности для самоопределения личности. Соответственно, данная фаза находится за пределами жизненного пути личности.

Вторая фаза жизни затрагивает возраст от 16–20 лет до 25–30 лет и характеризуется попытками личности в установлении контактов с представителями противоположного пола с целью создания семьи. Несмотря на то, что данные попытки носят пробный, неустойчивый характер, это и есть начало периода самоопределения личности, время построения и планирования возможных путей решения задач и сценария своей жизни в будущем. Наряду с этим необходимо отметить одновременную неуверенность личности, растерянность перед принятием решений и реализацией выборов и потребность в рисках, желании скорого свершения задуманного.

Третья жизненная фаза наступает в возрасте от 25–30 до 45–50 лет позиционируется со стабильным положением (реализация себя по призванию или постоянная профессиональная деятельность, наличие собственной семьи). Данный период жизни возможно охарактеризовать как зрелый, наполненный реалистичными ожиданиями от жизни, дающий возможность личности трезво оценить свои возможности и достижения. Наряду с этим отмечается и субъективное переживание приближения к финалу жизни, свойственного для данной возрастной категории личности. Человек ставит определенные жизненные цели и имеет результаты продвижения к ним. Благодаря этому устанавливается самооценка личности, в которой находят отражение результаты жизненного пути и жизни в качестве решаемой задачи.

Четвертая фаза (от 45–50 до 65–70) характеризуется подведением итогов прошлой деятельности, достижений и реализованных планов. Данная фаза представляет собой сложный период для личности, поскольку происходит естественное биологическое увядание, потеря репродуктивной способности, наступает осознание сокращения будущего времени жизни. По наблюдениям Бюллер Ш., у стареющих людей усиливается склонность к мечтам, воспоминаниям, одиночеству. Личность, анализируя свое возможное будущее, вынуждена пересматривать свои цели с учетом имеющегося профессионального статуса, физического состояния и положения дел в семье.

В пятой фазе, на которую приходится возраст от 65–70 лет до смерти, отмечается прекращение постановки целей, которые были установлены в предыдущих фазах жизни. В данном периоде жизни происходит ослабевание социальных связей. Из-за предчувствия приближения к финалу жизни будущее воспринимается с тревогой, внутренний мир обращен к прошлому. Наряду с этим отмечается преобладание желания покоя. Личность пытается придать смысл своему существованию, обозревая прошлую жизнь как нечто целое. Одни, вспоминая события собственной жизни, понимают, что поставленные перед собой задачи они выполнили. Другим, наоборот, подобный экзамен может принести разочарование, так как поставленные цели достигнуты не были.

В отечественной психологии постановка проблемы жизненного пути личности и ее дальнейшая разработка принадлежит Рубинштейну С.Л. и Ананьеву Б.Г. Согласно мнению последнего, личность определена как «современник эпохи и сверстник поколения», что, в свою очередь, указывает на зависимость жизненного пути личности от исторического времени, в котором она живет. По словам Ананьева Б.Г., история занимает важное место в жизненной драме человека, а события, происходящие в общественной жизни в определенный отрезок

времени, выступают важными пунктами в его биографии. Придерживаясь данной позиции, для раскрытия понятия жизненного пути личности, Ананьев Б.Г. пользуется термином «события». И не случайно, поскольку каждое событие, на наш взгляд, выступает своеобразной единицей измерения любого исторического явления, то же самое можно сказать и о биографии личности. Все изменения, направленные на личностное развитие человека, перестройку системы ценностей, формирование характера и динамику его отношения к базовым нематериальным вещам в процессе своей жизни, связаны с событиями.

Наряду с Ананьевым Рубинштейн определил события в рамках жизненного пути личности как «узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека» [2]. Для Рубинштейна жизненный путь видится не только как логичное движение вперед, от рождения к смерти, как это понимается многими исследователями, но и как движение вверх, к лучшему проявлению себя. Данная позиция позволяет прийти к пониманию жизненного пути как к процессу движения к совершенству. Несомненно, любой жизненный путь — это отрезок времени от рождения до смерти, но согласно рубинштейновскому взгляду, в конце данного отрезка, на завершающем этапе жизни видится не столько достижение старости, упадка и смерти, сколько достижение личностного совершенства. Безусловно, для подобного завершения жизненного пути личности крайне важным и продуктивным является понятие жизненного выбора личности, выступающего именно той категорией, от которой зависит достижение или недостижение личностного совершенства.

Выбор представляет собой действие, поступок, которому предшествуют сомнения, размышления личности, поиск возможных альтернатив. Жизненный выбор принято рассматривать как поступок в масштабе жизни, переломный и крайне сложный момент для личности на ее жизненном пути. Структура жизненного выбора и его внутренние тенденции, которые позволяют формировать определенное представление о данной категории, свидетельствуют о направленности личности, способах ее взаимодействия с миром и уровне развития. По мнению Абульхановой-Славской К.А., «жизненный выбор вписывает человека в определенный социальный контекст, способствуя освоению конкретных отношений и видов деятельности, возникновению новых функций и форм активности, повышению инициативы и социальной ответственности» [1]. Другими словами, жизненный выбор дает возможность рассмотреть смысл жизни личности, ее цели и устремления и то, какими способами ей удастся их реализовать.

Находясь в процессе выбора места жительства, учебы, работы, спутника жизни, а также принимая решение относительно рождения ребенка, прекращения брачных отношений, личность подобным образом отстаивает свои жизненные убеждения, приоритеты и ценности. В соответствии с этим жизненные ценности отвечают за содержательно-смысловую направленность жизненного выбора.

Как известно, процессу совершения выбора предшествует процесс принятия решения и его реализации. Таким образом, и специфика принятия жизненно важного решения, и его реализация, способов которой множество, являются обязательными элементами жизненного выбора, его «инструментальными характеристиками» [6].

Рассматривая понятие жизненного выбора и опираясь на определение личности, принадлежащее Ж.-П. Сартру, можно предположить, что на основании жизненных выборов формируется представление о личности в процессе своего жизненного пути, подтвердив тем самым концепцию Рубинштейна о личностном совершенстве.

Ранее упоминалось, что жизнь человека представляет собой путь становления и развития личности, которое происходит в процессе усвоения социального опыта через определенную активность, деятельность. Данный процесс крайне сложный и многоэтапный, однако путь своего развития, результаты и качество достижения целей и задач всегда зависят только от самой личности. На основании этого в начале своего пути, от рождения до юности, личность сталкивается с определенными проблемами в удовлетворении потребностей и реализации возможностей.

На данном этапе происходит формирование самосознания и собственного мышления, приобретает навык

принятия ответственных решений, приходит понимание важности человеческой близости, когда ценности дружбы, любви и интимной близости становятся первостепенными. Максимализм суждений, своеобразный эгоцентризм мышления заставляют личность смотреть на окружающий мир через подчинение собственным теориям, а не теориям действительности. Несмотря на это, именно юношеский период является периодом принятия ответственных решений, определяющих всю дальнейшую жизнь человека: выбор профессии и своего места в жизни, выбор смысла жизни, выбор спутника жизни, создание своей семьи. Человек свободен в своем выборе и обязан нести полную ответственность за то, что выбрал.

Выбирая за основу подходы различных авторов-классиков, занимающихся исследованием проблемы жизненного выбора личности, были сформулированы собственные выводы. Так, жизненный выбор личности рассматривается в плоскости ее жизненного пути. Жизненный выбор — это определенный акт личности в процессе жизнедеятельности, несущий важную смысловую нагрузку на развитие жизненной ситуации в целом и на становление личности в частности. Структурно жизненный выбор возможно представить как многокомпонентный конструкт, элементами которого являются: осознание существования проблемы или задачи; поиск альтернатив для ее преодоления; принятие решения; совершение действия, направленного на осуществление выбора. Крайне важным для личности, на наш взгляд, является осознание всей важности и ответственности за совершаемый выбор в процессе жизненного пути, поскольку за счет этого происходит формирование зрелой, ответственной личности, способной на достижение личностного совершенства, в итоге ведущего к ее внутренней гармонизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М.: «Мысль», 1991. — 158 с.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. — М.: «Смысл», 2007. — 269 с.
3. Леонтьев Д. А. Выбор // Большая Российская Энциклопедия. Т. 6. — М.: «Большая Российская Энциклопедия», 2006. — С. 103–104.
4. Леонтьев Д. А. Психология выбора. За пределами рациональности // Психологический журнал. 2014. № 5. С. 5–18.
5. Леонтьев Д. А. Психология выбора. Личностные предпосылки и личностные последствия выбора // Психологический журнал. 2014. № 6. С. 56–68.
6. Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. — М.: «Смысл», 2015. — 464 с.
7. Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва). В 3-х т., Т. 1. / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. М. С. Киселевой. — М.: «Научная мысль», 2015. — 288 с.

© Лопатченко Екатерина Николаевна (dal_ur_com@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛЮДЕЙ С ОВЗ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОМУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИЛОТНОЙ ПРОГРАММЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА НА БАЗЕ ЦЗН И ПРЕДПРИЯТИЙ Г. УФЫ)

**STUDY OF DISABLED PEOPLE'S
PERSONAL TRAITS THAT CONTRIBUTE
TO EFFECTIVE WORK PERFORMANCE
(BASED ON EMPLOYMENT PILOT
PROGRAM AT UFA EMPLOYMENT
CENTERS AND ENTERPRISES)**

**A. Nikolskaya
A. Kostrigin**

Summary. The article describes the provisions of a pilot employment program for disabled people on the basis of employment centers and enterprises of Ufa. The results of the study of personality traits and the implementation of professional activities of disabled people are presented. To identify the personal traits of disabled people and their work performance indicators, as well as the effectiveness of the employment program for disabled people, the following methods were used: The Sixteen Personality Factor Questionnaire by R. Cattell, expert evaluation, Wilcoxon statistical criterion, gamma correlation method. Correlations have been established between the personal traits of disabled people and the successful performance of work. Recommendations on social-psychological work with disabled people in the future are formulated.

Keywords: disabled people, employment, personal characteristics, professional activity, Ufa, employment center.

Никольская Анастасия Всеволодовна

К.псх.н., доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва)
tonokazutoya@gmail.com

Костригин Артем Андреевич

Старший преподаватель, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва)
artdzen@gmail.com

Аннотация. В статье описаны положения проведения пилотной программы трудоустройства людей с ОВЗ на базе ЦЗН и предприятий г. Уфы. Представлены результаты исследования особенностей личности и осуществления трудовой деятельности людей с ОВЗ. Для выявления личностных особенностей инвалидов и их показателей осуществления трудовой деятельности, а также эффективности реализации программы трудоустройства инвалидов использовались следующие методы: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, экспертная оценка, статистический критерий Вилкоксона, метод гамма-корреляции. Установлены корреляции между личностными особенностями людей с ОВЗ и успешным выполнением трудовой деятельности. Сформулированы рекомендации по социально-психологической работе с людьми с ОВЗ в дальнейшем.

Ключевые слова: люди с ОВЗ, трудоустройство, личностные особенности, трудовая деятельность, Уфа, центр занятости населения.

Введение

По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2018 г. в России зарегистрировано 12,11 млн. граждан, которые имеют инвалидность. Среди них 1,46 млн. человек входят в I группу инвалидности, 5,55 млн. — во II группу, 4,44 млн. человек — в III группу. Примерно 11,75 млн. человек с ОВЗ состоят на учете в Пенсионном фонде РФ, из них 3,56 млн. — трудоспособного возраста, 7,89 млн. — старше трудоспособного возраста. На данный момент существуют данные, что около 1,64 млн. людей с ОВЗ являются трудоустроенными. Соответственно, можно констатировать, что вовлеченными в трудовой процесс является менее 50% инвалидов. Таким образом, в настоящее время

существует социальный и государственный запрос на создание и реализацию программ трудоустройства людей с ОВЗ в различных субъектах РФ, которые учитывали бы социальные, психологические, медицинские и профессиональные аспекты трудовой деятельности инвалидов [2; 6].

В рамках исследования трудовой деятельности людей с ОВЗ можно выделить ряд проблем: ограничения по здоровью, инфраструктура, организационные и рабочие условия, социально-психологические факторы, отношения руководителя и подчиненного, наконец, личностные особенности самих инвалидов, которые способствуют или препятствуют эффективному осуществлению трудовой деятельности.

Теоретический анализ проблемы исследования

Вопрос влияния личностных особенностей инвалидов на их трудовую деятельность рассматривался как в отечественной, так и зарубежной научной литературе. А.В. Грузинцев отмечает, что необходимо уделять внимание прояснению смысложизненных ориентаций личности людей с ОВЗ [3]. Он предлагает проводить правовой курс, который включает в себя блок мероприятий, с помощью которых инвалиды смогут: задуматься и выразить свое отношение к взаимосвязи права и морали, цели права и его роли в жизни; к различным подходам в разрешении проблем; к проблемам устройства и деятельности государства и общества; о своем месте и роли в жизни общества и государства. Для развития смысложизненных ориентаций должны быть созданы следующие условия: значимость помощи другим людям, наличие диспозиционного оптимизма, группо-индивидуального подхода, моделирование поведения и действий, проведение рефлексии и оценки, работа над самооценкой, развитие надситуативного мышления, проведение деловых игр и тренингов.

Л.Г. Дикая отмечает, что адаптивность, готовность к изменениям в личностном и профессиональном аспекте способствует как активной социальной интеграции инвалида, так и открывает возможности профессиональной и творческой организации [4].

Е.Г. Бабич исследует трудовую мотивацию безработных граждан, имеющих инвалидность, и отмечает, что она характеризуется специфическими особенностями в процессе формирования содержания отдельных ее компонентов, что проявляется в особенностях профессиональных намерений инвалидов, в их низких адаптивных социально-психологических способностях, в неадекватном восприятии актуальной ситуации, преобладании ограничения мотивации к труду [1].

У инвалидов с различными заболеваниями выявлены разные особенности самореализации. С.И. Кудинов и С.С. Кудинов установил, что 20% слабовидящих испытуемых оценивают свою самореализацию как достаточно высокую [7]. Для них доминирующими ценностями являются общение, занятие какой-либо деятельностью, здоровье; среди инвалидов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата только 13% считают себя удовлетворенными жизнью. Определено, что в структуре самореализации личности лиц с ОВЗ присутствуют все агармонические переменные, личностные и социальные барьеры, пессимистичность, экстернальность и анаэргичность.

Н.Н. Уланова и В.В. Яковлев считают, что личностная готовность инвалида является психологической основой

его конкурентоспособности в трудовой деятельности [9]. В личностную готовность включены следующие компоненты: стремление преодолевать трудности в процессе поиска, трудоустройства и адаптации в организации; стойкость (толерантность) к неудачам при сочетании ответственности за происходящее и отсутствие самообвинения; адекватная самооценка как профессионала; умение доказать работодателю, что несмотря на недостатки, он имеет свои преимущества как потенциальный работник (как обладателя специфических и конкурентоспособных качеств личности).

M. N. Lee, Y. Abdullah и S. C. Mey исследовали психологические особенности личности, которые способствуют эффективному трудоустройству инвалидов [13]. Участвовали 24 малазийских учителя с инвалидностью по зрению. Использовался метод полу-стандартизированного интервью. Выявлены следующие личностные качества, способствующие эффективному выполнению трудовой деятельности: оптимизм, уверенность в себе, честность, открытость, жизнестойкость; а также навыки решения проблем, навыки общепития с другими людьми. Препятствуют следующие личностные особенности: низкий уровень образования, негативная Я-концепция, отсутствие уверенности в себе.

M. Kulkarni и K. V. Gopakumar исследовали стратегии управления карьерой 58 индийских инвалидов с различным заболеванием с помощью полу-стандартизированного опросника [12]. Выявлены следующие стратегии: 1) поддержание позитивного настроения и мышления и демонстрация крайнего упорства и настойчивости (позволяет людям с ОВЗ преодолевать тревогу и заботы и концентрироваться на задачах); 2) обращение внимания людей к возможностям инвалидов, нежели чем к ограничениям (нацелены на разрушение негативных стереотипов относительно компетентности людей с ОВЗ); 3) вовлечение в отстаивание интересов инвалидов (обращают внимание людей на потенциал людей с ОВЗ и помогают осуществлять профессиональную деятельность другим людям с ОВЗ); 4) создание и расширение сообществ единомышленников (среди инвалидов) (общая поддержка и карьерный рост себя и других людей с ОВЗ).

K. A. Shogren и L. A. Shaw ставили задачу выяснить, в какой степени такие личностные характеристики, как автономия, стремление к самореализации и эмансипация влияют на личностное и профессиональное развитие студентов с различными видами инвалидности [14]. По результатам исследования определено, что автономия является значимым предиктором и фактором развития студентов-инвалидов, которое коррелирует с финансовой независимостью, трудоустройством, социальными отношениями, ведением домашнего хозяйства, выс-

шее образование; стремление к самореализации обеспечивает лишь эмоциональное благополучие и высшее образование; личностная эмансипация коррелирует с трудоустройством, эмоциональным благополучием и высшим образованием.

E. Jammaers, P. Zanoni и S. Hardonk проводили исследование стратегий, с помощью которых люди с ОВЗ борются с аблеизмом (дискриминацией людей-инвалидов) и дискурсом о низкой продуктивности инвалидов на работе и как сохраняют позитивную Я-концепцию в данных условиях [10]. Ими установлены три стратегии: 1) создание позитивной Я-концепции путем борьбы с убеждениями о низкой продуктивности инвалидов; 2) создание позитивной Я-концепции путем переопределения понятия «продуктивность» (определение собственных норм и объемов продуктивности); 3) создание позитивной Я-концепции путем отрицания собственной ответственности за низкую продуктивность.

Также важно рассмотреть и другую сторону: какие способности инвалидов ожидают увидеть и ценят сами работодатели. S. Ju, D. Zhang и J. Pacha изучили представления работодателей о том, что они ожидают от сотрудников с ОВЗ [11]. Участвовало 168 испытуемых, занимающих должности менеджера, СЕО, директора, президента, владельца и т.д. В качестве методики применялся разработанный исследователями список навыков, которые требуются в трудовой деятельности. Это были 5 групп навыков: базовые навыки, навыки мышления высшего порядка, базовые трудовые навыки, социальные навыки, личностные качества. По результатам исследования были выявлены те навыки, которые больше всего ожидают работодатели от сотрудников-инвалидов: демонстрация личностной искренности/честности в работе, способность следовать инструкциям, способность демонстрировать уважение к другим, способность быть вовремя на работе и способность показывать высокое соблюдение стандартов безопасности. Также работодатели указали в порядке важности группы навыков: наиболее важной считается группа базовых навыков, затем — базовых трудовых, социальных навыков, личностных качеств, и наименее важной является группа навыков мышления высшего порядка.

По результатам теоретического анализа литературы можно отметить, что проводились либо теоретические, либо отдельные эмпирические исследования личностных особенностей людей с ОВЗ, которые способствуют или препятствуют осуществлению трудовой деятельности. Однако существует потребность и актуальность комплексного изучения взаимосвязи личностных особенностей инвалидов и особенностей осуществления трудовой деятельности. На основе рассмотрения научной литературы можно сказать, что исследователи осо-

бое внимание уделяют таким личностным особенностям, как готовность к изменениям, адаптивность, автономия, честность и открытость, самостоятельность, следование инструкциям, преодоление собственных возможностей, стремление к самореализации.

Методы и процедура исследования

Проведен пилотный проект по организации трудоустройства и разработке методики эффективного трудоустройства людей с ОВЗ в Республике Башкортостан, г. Уфа [5; 8]. В программе участвовало 78 инвалидов (все они обладают нормальным интеллектуальным развитием, инвалидность проявляется в других различных заболеваниях — опорно-двигательного аппарата, детский церебральный паралич, сахарный диабет, сердечно-сосудистые заболевания, заболевания дыхательных путей, онкология, по слуху и зрению). По итогам были трудоустроены 30 инвалидов на различные предприятия г. Уфы.

В рамках программы трудоустройства инвалидов на базе Центров занятости населения (ЦЗН) г. Уфы осуществлен следующий ряд мероприятий:

- ◆ учебные курсы по развитию профессиональных компетенций работников служб занятости;
- ◆ супервизия психологов ЦЗН;
- ◆ обучающие семинары для работников предприятий и организаций, предоставляющих вакансии инвалидам с целью выработки у них адекватной оценки людей с ОВЗ, исключаяющей стигматизацию;
- ◆ тренинги и мониторинг людей с ОВЗ в процессе их подготовки к трудоустройству, профессиональной стажировки и начального этапа работы в организации/на предприятии.

Группа мероприятий, направленных на подготовку инвалидов к трудоустройству, в рамках пилотной программы трудоустройства на базе ЦЗН г. Уфы состояла из следующих частей:

- ◆ Тренинг развития личностных качеств, увеличивающих эффективность адаптации участников в трудовом коллективе (формирование таких личностных качеств участников, как ответственность, самооценка, рефлексивность, необходимых для успешной и скорейшей адаптации инвалидов в условиях смешанного коллектива);
- ◆ Тренинг развития навыков целеполагания и планирования в трудовой деятельности (знакомство с основами процесса целеполагания и формирование базовых навыков планирования, а также сопутствующие навыки, которые помогут усилить мотивацию к развитию в профессиональной сфере);

Таблица 1. Динамика средних баллов по методике «16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла» (входное и конечное тестирование) и определение значимости различий между показателями (статистический критерий Вилкоксона)

Показатели	Средний балл (входное тестирование)	Средний балл (промежуточное тестирование)	Уровень значимости различий Р
Фактор MD (самооценка)	7,13	7,58	0,631901
Фактор А (замкнутость-общительность)	4,43	5,23	0,197834
Фактор В (интеллект)	4,72	4,77	0,534926
Фактор С (эмоциональная нестабильность-стабильность)	5,29	6	0,0245494*
Фактор Е (подчинение-доминантность)	5,35	5,83	0,0157812*
Фактор F (сдержанность-экспрессивность)	5,36	5,08	0,112780
Фактор G (низкая-высокая нормативность поведения)	6,08	5,77	0,0494587*
Фактор H (робость-смелость)	4,44	4,81	0,0313464*
Фактор I (жестокость-чувствительность)	4,43	4,19	0,552077
Фактор L (доверчивость-подозрительность)	6,85	6,39	0,615519
Фактор M (практичность-мечтательность)	4,63	5,15	0,304810
Фактор N (прямолинейность-дипломатичность)	5,49	5,31	0,812897
Фактор O (спокойствие-тревожность)	6,63	6,15	0,0354670*
Фактор Q1 (консерватизм-радикализм)	4,69	4,04	0,410118
Фактор Q2 (конформизм-нонконформизм)	5,79	5,77	0,394247
Фактор Q3 (низкий-высокий самоконтроль)	7,09	6,5	0,420966
Фактор Q4 (расслабленность-напряженность)	4,71	4,81	0,840534

* статистически значимые различия в изменении личностных факторов

- ◆ Еженедельный мониторинг профессиональной и социальной интеграции людей с ОВЗ, проводимый психологами ЦЗН и трудовыми наставниками на предприятиях.

Для выявления личностных особенностей инвалидов и их показателей осуществления трудовой деятельности, а также эффективности реализации программы трудоустройства инвалидов оценивались следующие показатели: социальные навыки (экспертная оценка), локус контроля (экспертная оценка), самооценка (экспертная оценка), личностные качества (16-факторный личностный опросник Р.Кеттелла); аспекты трудовой деятельности (экспертная оценка): производительность труда, отношение к работе, качество работы, способность к усвоению информации, способность к обучению, моторика, концентрация внимания, запоминание информации, утомляемость, процент брака, опоздания, трудовая дисциплина, культура поведения на производстве, коммуникативные навыки, работа в команде. Экспертная оценка особенностей осуществления профессиональной деятельности выносилась по шкале от 0 до 3.

Данные обрабатывались с помощью статистических методов: статистический критерий Вилкоксона, метод гамма-корреляции.

Результаты

Личностные и трудовые особенности людей с ОВЗ по всей выборке

По результатам проведения программы трудоустройства на базе ЦЗН и предприятий г.Уфы и мониторинга профессиональной и социальной интеграции были получены следующие средние баллы и динамика показателей особенностей личности и осуществления трудовой деятельности людей с ОВЗ по всей выборке (в начале программы и в конце 12-недельного мониторинга) (табл. 1 и 2).

Можно отметить, что у участников программы выросли эмоциональная стабильность, доминантность, смелость, и снизились нормативность поведения и тревожность.

Изначально низкие для этой группы участников баллы по шкале эмоциональной устойчивости в процессе работы в программе выросли и, хотя и продолжают находиться в отрицательной части шкалы (эмоциональная неустойчивость), стали приближаться к минимуму неустойчивости.

Таблица 2. Динамика средних баллов показателей характеристик осуществления профессиональной деятельности (входная и конечная экспертная оценка) и определение значимости различий между показателями (статистический критерий Вилкоксона)

Показатели	Средний балл (входное тестирование)	Средний балл (промежуточное тестирование)	Уровень значимости различий Р
Производительность труда	2,23	2,33	0,334282
Отношение к работе	2,31	2,33	0,756070
Качество работы	2,15	2,33	0,581627
Способность к усвоению информации	2,31	2,53	0,0334282*
Способность к обучению	2,42	2,53	0,581627
Концентрация внимания	2,31	2,6	0,012418*
Запоминание информации	2,42	2,53	0,0481627*
Утомляемость	2,27	2,13	0,0164318*
Процент брака	2,38	2,73	0,0188716*
Опоздания	2,77	2,93	0,581627
Трудовая дисциплина	2,62	2,8	0,0481627*
Культура поведения на производстве	2,65	2,93	0,0164318*
Коммуникативные навыки	2,31	2,46	0,581627
Работа в команде	2,35	2,4	0,164318
Социальные навыки	1,65	1,65	0,330536
Локус контроля	1,68	1,68	0,197834
Мотивация	1,73	1,73	0,136499
Самооценка	1,67	1,67	0,157812

* статистически значимые различия в изменении личностных факторов

Эмоциональная неустойчивость, согласно методике Р. Кеттелла, характеризуется безвольностью, неудовлетворенностью своей жизненной ситуацией и состоянием здоровья, своим положением в социуме. Однако, всегда необходимо учитывать пластичность эмоциональной подсистемы психики. Участники программы стали больше общаться, в том числе общаться с другими инвалидами, что позволяет видеть, что вокруг есть люди, испытывающие точно такие же жизненные сложности, зарабатывать деньги, что позволило им начать испытывать положительные изменения своей жизненной ситуации и увеличило эмоциональную стабильность.

В этой же логике можно говорить об усилении доминантности. Необходимо отметить, что в методике Р. Кеттелла доминантность коррелирует не столько с лидерством, сколько с социальным статусом. Баллы участников этой подгруппы по шкале подчиненность-доминантность и в первом, и во втором тестировании находятся в отрицательном полюсе, то есть эти люди являются подчиненными, но во втором тестировании подчиненность снижается. Наметилась тенденция к большей самостоятельности и меньшей склонности легко выходить из равновесия.

По шкале «робость-смелость» оценки этой подгруппы остаются в отрицательном полюсе (робость), од-

нако, статистически-значимо возрастают. В методике Р. Кеттелла фактор смелости определяет степень активности в социальных контактах и способность выдерживать высокие эмоциональные нагрузки. При низких значениях этого фактора люди с трудом принимают собственные решения, робкие, не социабельные, испытывающие чувство собственной незначительности, неуверенности в себе, робости, избегающие профессий, связанных с многочисленными контактами. При возрастании баллов по этом фактору, снижается заторможенность в социальных контактах, что и происходит у этой группы участников программы в силу необходимости проходить стажировку на разных предприятиях и, следовательно, взаимодействовать с большим количеством новых людей, а также в силу тренингов, направленных на повышение навыков уверенного общения.

Логичным в рамках произошедших изменений выглядит и снижение тревожности. Участники программы стали показывать средние баллы по шкале спокойствие-тревожность. То есть, склонность к ипохондричности, подверженность настроению, страхам, чувствительность к одобрению окружающих и недовольство собой, напряженность в трудных жизненных ситуациях, снижаются, сменяясь большей уверенностью в себе и своих силах и жизнерадостностью.

Таблица 3. Средние баллы по методике «16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла» (конечное тестирование)

Показатели	Средний балл
Фактор А (замкнутость-общительность)	5,2
Фактор В (интеллект)	4,6
Фактор С (эмоциональная нестабильность-стабильность)	6,4
Фактор Е (подчинение-доминантность)	5,7
Фактор F (сдержанность-экспрессивность)	4,7
Фактор G (низкая-высокая нормативность поведения)	4,9
Фактор H (робость-смелость)	4,8
Фактор I (жестокость-чувствительность)	4,8
Фактор L (доверчивость-подозрительность)	5,2
Фактор M (практичность-мечтательность)	5,3
Фактор N (прямолинейность-дипломатичность)	3,7
Фактор O (спокойствие-тревожность)	6,2
Фактор Q1 (консерватизм-радикализм)	4,6
Фактор Q2 (конформизм-нонконформизм)	5,8
Фактор Q3 (низкий-высокий самоконтроль)	6,6
Фактор Q4 (расслабленность-напряженность)	4,4
Фактор MD (самооценка)	8,3

Наконец, шкала «низкая нормативность поведения — высокая нормативность поведения» напоминает фактор эмоциональной стабильности касательно роли саморегуляции поведения и взаимодействия с другими. К этой же шкале относятся как особенности эмоционально-волевой сферы (ответственность-безответственность, организованность-неорганизованность, настойчивость — абулия), так и особенности регуляции социального поведения (принятие-непринятие социальных норм). В целом, люди, находящиеся в отрицательном полюсе по этой шкале, подвержены влиянию эмоций, потворствуют своим желаниям, избегают усилий по выполнению социальных норм и групповых требований. Важно, однако, отметить, что баллы по этой шкале не имеют прямой зависимости с асоциальным поведением. Скорее, в данном случае можно говорить о том, что повышенная социальная и физическая нагрузка в связи с участием в программе, вызывает желание ослабить напряжение и выливается в попытки снизить ответственность и вернуться к привычному образу жизни. Таким образом, снижение нормативности поведения, вероятно, следует отнести к особенностям адаптационного периода.

Представим особенности трудовой деятельности людей с ОВЗ (табл. 2).

Мы можем видеть, что в целом у участников программы возросла концентрация внимания и способность к усвоению и запоминанию новой информации, снизилась утомляемость, и, следовательно, процент брака.

Возросли трудовая дисциплина и культура поведения на производстве.

Личностные особенности людей с ОВЗ, успешно осуществляющих трудовую деятельность

Нами отобраны результаты людей с ОВЗ, которые получили наивысшие экспертные оценки по характеристикам осуществления профессиональной деятельности (получили 3 балла). Мы определили характерные для них личностные особенности по методике «16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла» (табл. 3).

Результаты показывают нам, что люди с ОВЗ, успешно выполняющие трудовую деятельность, обладают следующими личностными качествами: средняя выраженность общительности и готовности к сотрудничеству; средний уровень интеллекта; достаточно высокий уровень эмоциональной стабильности; тенденция к доминированию и независимости в межличностных отношениях; рассудительность и сдержанность в эмоциях; средняя нормативность поведения; средняя выраженность смелости и активности в достижении своих целей; суровость в отношениях с людьми; адаптированность и доверчивость по отношению к людям; практичность и внимание к деталям деятельности; прямолинейность и простота, естественность поведения; некоторая тревожность и склонность брать ответственность на себя за неудачи; консерватизм и следование принципам и традициям; средняя выраженность конформизма с возможностью в некоторых ситуациях отстаивать свое

Таблица 4. Корреляции между показателями личностных особенностей и особенностей осуществления трудовой деятельности у людей с ОВЗ (метод гамма-корреляции)

Характеристики	Коэффициент корреляции при уровне значимости $p < 0,05$
Фактор MD-Трудовая дисциплина	0,56364
Фактор MD-Культура поведения	0,450980
Фактор А-Производительность	0,607843
Фактор А-Способность к обучению	0,775281
Фактор А-Трудовая дисциплина	0,85455
Фактор А-Работа в команде	0,569892
Фактор С-Трудовая дисциплина	0,47170
Фактор М-Культура поведения	0,543860
Фактор О-Культура поведения	0,403509
Фактор О-Социальные навыки	0,54545

мнение; высокий самоконтроль; расслабленность и спокойствие; адекватная высокая самооценка.

Наконец, нами установлены корреляции между различными показателями личностных особенностей и особенностей осуществления трудовой деятельности у людей с ОВЗ (табл. 4). Укажем те корреляции, которые представляют наибольший интерес с учетом: 1) ранее полученных значимых различий по методике Р. Кеттелла во входном и промежуточном тестировании; 2) социально-демографических характеристик; 3) облегчения процесса адаптации и осуществления трудовой деятельности.

Полученные взаимосвязи между показателями можно интерпретировать следующим образом:

- ◆ Фактор MD-Трудовая дисциплина и Фактор MD-Культура поведения: чем выше самооценка, тем выше культура поведения и трудовая дисциплина;
- ◆ Фактор А-Производительность, Фактор А-Способность к обучению, Фактор А-Трудовая дисциплина, Фактор А-Работа в команде: чем выше общительность и готовность к сотрудничеству у человека с ОВЗ, тем выше его производительность, эффективнее работа в команде, трудовая дисциплина соответствует нормам, а успешнее обучение новым трудовым навыкам;

Фактор С-Трудовая дисциплина: чем выше эмоциональная стабильность, тем более соответствует трудовое поведение инвалида нормам и правилам;

- ◆ Фактор М-Культура поведения: чем практичнее и тщательнее человек относится к выполнению трудовой деятельности, тем выше культура поведения на производстве;
- ◆ Фактор О-Культура поведения, Социальные навыки, Локус контроля, Мотивация, Самооценка: чем более расслаблен и спокоен человек, тем

выше его мотивация, самооценка, культура поведения, и он более интернален по отношению к собственной деятельности.

Обсуждение результатов

На основе полученных результатов можно сформулировать следующие выводы:

- ◆ участие в программе трудоустройства, прохождение тренингов и нахождение под мониторингом и контролем трудовых наставников обуславливает развитие личностных качеств людей с ОВЗ: повышаются эмоциональная стабильность, доминантность, смелость, снижаются нормативность поведения и тревожность;
- ◆ успешное осуществление трудовой деятельности наблюдается у людей, которые обладают такими личностными качествами: средняя выраженность общительности и готовности к сотрудничеству; достаточно высокий уровень эмоциональной стабильности; тенденция к доминированию и независимости в межличностных отношениях; средняя выраженность смелости и активности в достижении своих целей; адаптированность и доверчивость по отношению к людям; практичность и внимание к деталям деятельности; прямолинейность и простота, естественность поведения; высокий самоконтроль; расслабленность и спокойствие; адекватная высокая самооценка;
- ◆ выявлены положительные корреляции личностных особенностей людей с ОВЗ и показателей успешного осуществления трудовой деятельности: высокая самооценка связана с высокой культурой поведения и трудовой дисциплиной; общительность и готовность к сотрудничеству связана с высокой производительностью труда, способностью к обучению, трудовой дисциплиной, работой в команде; высокая эмо-

циональная стабильность связана с трудовой дисциплиной; практичность и тщательность в выполнении деятельности связана с высокой трудовой дисциплиной; спокойствие и расслабленность связаны с высокой культурой поведения, социальными навыками, интернальным локусом контроля, высокой мотивацией и самооценкой.

Полученные результаты показывают, что для создания предпосылок успешного трудоустройства людей с ОВЗ необходимо уделять внимание к следующим мероприятиям: работе над повышением самооценки, эмоциональной стабильности, снижением тревожности, обучению эффективному целеполаганию при осуществлении трудовой деятельности, развитию коммуникативных навыков и навыков сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабич Е. Г. Социально-психологические особенности трудовой мотивации безработных граждан с ограниченными возможностями здоровья [Текст] / Е. Г. Бабич // Научный альманах. — 2015. — № 7(9). — С. 1284–1291.
2. Бабич Е. Г. Трудоустройство инвалидов как социально-психологическая проблема [Текст] / Е. Г. Бабич // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2014. — № 2 (124). — С. 63–66.
3. Грузинцев А. В. Развитие смысловых ориентаций и мотивации инвалидов к самореализации в профессиональной деятельности [Текст] / А. В. Грузинцев // Ключевые проблемы и передовые разработки в современной науке. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. — Смоленск, 2017. — С. 80–85.
4. Дикая Л. Г. социальная и личностная значимость профессиональной самореализации инвалидов [Текст] / Л. Г. Дикая // Психология труда и управления в современной России: организация, руководство и предпринимательство. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию факультета психологии и социальной работы. — Тверь, 2014. — С. 327–332.
5. Дмитриев М. Э., Никольская А. В. О возможности внедрения эффективной методики трудоустройства инвалидов на базе центров занятости населения [Текст] / М. Э. Дмитриев, А. В. Никольская // Синергия наук. — 2018. — № 19. — С. 122–137.
6. Заплетнюк С. Г. Специфика трудоустройства инвалидов с ментальными нарушениями в современном обществе [Текст] / С. Г. Заплетнюк // Наука и Мир. — 2015. — Т. 2. — № 8 (24). — С. 117–120.
7. Кудинов С. И., Кудинов С. С. Психологические особенности самореализации личности с ограниченными физическими возможностями [Текст] / С. И. Кудинов, С. С. Кудинов // Сибирский педагогический журнал. — 2010. — № 5. — С. 272–279.
8. Никольская А. В., Назаров А. Л. Психологическая оценка социальной интеграции и адаптации инвалидов в процессе их профессиональной ориентации [Текст] / А. В. Никольская, А. Л. Назаров // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2016. — Т. 5. — № 5А. — С. 151–164.
9. Уланова Н. Н., Яковлев В. В. Личностная готовность как основа конкурентоспособности инвалидов в трудовой деятельности [Текст] / Н. Н. Уланова, В. В. Яковлев // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. — 2017. — Т. 5. — № 2 (17). — С. 157–168.
10. Jammaers E., Zanoni P., Hardonk S. Constructing positive identities in ableist workplaces: Disabled employees' discursive practices engaging with the discourse of lower productivity [Текст] / E. Jammaers, P. Zanoni, S. Hardonk // Human Relations. — 2016. — Vol. 69. — № 6. — P. 1365–1386.
11. Ju S., Zhang D., Pacha J. Employability skills valued by employers as important for entry-level employees with and without disabilities [Текст] / S. Ju, D. Zhang, J. Pacha // Career Development and Transition for Exceptional Individuals. — 2012. — Vol. 35. — № 1. — P. 29–38.
12. Kulkarni M., Gopakumar K. V. Career management strategies of people with disabilities [Текст] / M. Kulkarni, K. V. Gopakumar // Human Resource Management. — 2014. — Vol. 53. — № 3. — P. 445–466.
13. Lee M. N., Abdullah Y., Mey S. C. Employment of People with Disabilities in Malaysia: Drivers and Inhibitors [Текст] / M. N. Lee, Y. Abdullah, S. C. Mey // International Journal of Special Education. — 2011. — Vol. 26. — № 1. — P. 112–124.
14. Shogren K. A., Shaw L. A. The role of autonomy, self-realization, and psychological empowerment in predicting outcomes for youth with disabilities [Текст] / K. A. Shogren, L. A. Shaw // Remedial and Special Education. — 2016. — Vol. 37. — № 1. — P. 55–62.

© Никольская Анастасия Всеволодовна (tonokazutoya@gmail.com), Костригин Артем Андреевич (artdden@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ, ОБОГАЩЕННОЙ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

PECULIARITIES OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT, ENRICHED WITH MORAL VALUES

N. Prozorova

Summary. The article reveals the socio-psychological conditions and characteristics of the educational environment enriched with spiritual and moral content. The educational environment is considered in the context of the formation of value orientations of adolescents. The problem of the content and nature of the interaction of the enriched educational environment and the personality of the teenager, affecting the processes of interiorization of not yet accepted and rooted values.

Keywords: educational environment, spiritual and moral values, social and psychological conditions, content, interaction, influence.

Прозорова Наталья Викторовна

Аспирант, ГБОУ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
89111286014@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются социально-психологические условия и характеристики образовательной среды, обогащенной духовно-нравственным содержанием. Образовательная среда рассматривается в контексте формирования ценностных ориентаций подростков. Затронута проблема содержания и характера взаимодействий обогащенной образовательной среды и личности подростка, влияющих на процессы интериоризации еще не принятых и укоренения уже усвоенных ценностей.

Ключевые слова: образовательная среда, духовно-нравственные ценности, социально-психологические условия, содержание, взаимодействие, влияние.

В условиях современных требований к подрастающему поколению становится все более актуальной проблема изучения характеристик образовательной среды, способствующей духовно-нравственному становлению юных россиян. Это связано, прежде всего, с переориентацией всей образовательной системы на формирование целостной личности в соответствии с приоритетами, обозначенными в Законе «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ) и Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года (от 29.05.2015 г. № 996-р). Для решения данной задачи современной школе предложен спектр механизмов и возможностей.

С другой стороны, в последние годы наблюдается глубокая сосредоточенность общеобразовательных организаций, в первую очередь, на учебных результатах выпускников, подготовке к ЕГЭ, погоне за высокими баллами и рейтингами. Устремления учащихся преимущественно направлены на достижение личного успеха, при этом ценности добродетели, базовые ценности, составляющие основу личностных духовных качеств, взаимопомощь, доверие, поддержка рассматриваются как второстепенные.

Социально-психологические исследования последних десятилетий показывают, что в настоящее время при многообразии ценностных выборов подрастающего поколения, активизации поиска идеалов, роста интереса к смысложизненным исканиям, наблюдается противоречивость и неопределенность ценностных ориентаций

подростков (И. А. Соина, 2011; А. С. Буреломова, 2013; М. А. Красная, 2015; и др.). Ценности современных подростков формируются в нестабильной в ценностно-нормативном отношении социальной ситуации. Утрачены или недостаточно восстановлены механизмы передачи ценностей от старших поколений младшим (Д. И. Фельдштейн, 2005; А. С. Буреломова, 2013 и др.). Между тем, подростки, как будущие полноценные члены общества нуждаются в развитии социально значимых качеств, которые помогут им адаптироваться в социальной среде и накопить созидательный жизненный опыт.

Образовательная среда оказывает мощнейшее влияние на формирование, развитие и социализацию личности человека. Оттого, какие потребности и ценности в этой среде являются приоритетными и доминирующими, зависит характер ее влияния на личность. Данное обстоятельство обуславливает необходимость определить, какие социально-психологические условия образовательной среды способны влиять на формирование целостной, духовно-нравственной личности подростка.

Цель данной статьи — определение содержания, условий и социально-психологических признаков образовательной среды, обогащенной духовно-нравственными ценностями.

Понятие «образовательная среда» в целом соотносится с проблемой становления человека, как личности и трактуется, как:

- ◆ организованная система влияний и возможностей для удовлетворения иерархического комплекса потребностей личности и преобразования этих потребностей в жизненные ценности, источник активной позиции учащихся и одно из главных условий личностного развития и саморазвития (В.И. Панов, 2006) [— окружающее человека социальное пространство, зона его непосредственной активности, ближайшего развития и действия (Н.Б. Крылова, 2000) [2];
- ◆ совокупность социальных, культурных и психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с подростком происходит становление личности (С.В. Тарасов, 2003) [3];
- ◆ все то, среди чего пребывает субъект собственного развития, и посредством чего он реализует себя как личность (Ю.С. Мануйлов, 2002) [4];
- ◆ особое сочетание внутренних процессов развития человека и внешних условий, влияющих на динамику развития и новые качественные образования (Л.И. Божович, 2008) [5];
- ◆ система влияний и условий формирования человека как субъекта деятельности, личности, члена общества в соответствии со сложившимся в данном обществе идеалом, образцом (В.А. Ясвин, 2001) [6].

В нашей работе мы будем опираться на определение «образовательной среды» психолога В.И. Панова (2001). Исходным основанием здесь служит представление о том, что психическое развитие человека в период его школьной жизни следует рассматривать в контексте системы «человек — окружающая среда».

Природа образовательной среды, обогащенной духовно-нравственными ценностями, рассматривается как в отечественной (В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, Т.В. Менг, И.М. Улановская, И.Н. Шапкина, Е.А. Морозова, И.Н. Емельянова и др.), так и в зарубежной психологии (К. Левин, К. Роджерс и др.).

Обогащенная образовательная среда определяется как совокупность исторически сложившихся факторов, обстоятельств, ситуаций (И.А. Баева, 2002) [7]; система условий, обеспечивающих формирование у личности жизнеутверждающих ценностей (И.Н. Емельянова, 2011) [8]; уклад, установившийся порядок, задающий атмосферу, стиль, дух школьной жизни (А.Н. Тубельский, 2005) [9]; среда, способная насыщать учащихся глубинными смыслами духовно-нравственного содержания и создавать условия для их интериоризации (Е.А. Морозова, 2012) [10].

Будем придерживаться определения, сформулированного Е.А. Морозовой (2012) и уточним, что глубин-

ные смыслы духовно-нравственного содержания задаются традициями, отвечающими на смысловой запрос подростка в логике взросления, и являются, по мнению М.В. Захарченко и А.Г. Думчевой, основанием и опорой становления свободной и ответственной личности [11].

Согласно данному подходу под обогащенной образовательной средой понимается комплекс социально-психологических условий и влияний, которые создают возможность как для интериоризации еще не принятых ценностей, так и для укоренения и преломления во внутренние нравственные доминанты (взгляды, позиции, идеалы) и устойчивые формы поведения ценностей, уже усвоенных, в соответствии с особенностями возрастной социализации подростков. В данном определении ведущую методологическую роль приобретает понятие «социально-психологические условия», которое предполагает субъектную позицию подростка в освоении социально-психологических ресурсов образовательной среды. Социально-психологические условия — связующая нить между человеком и средой. И.А. Соина подчеркивает, что пребывая в образовательной среде, подросток, с одной стороны, выступает «продуктом» влияния, которое оказывают социальные условия на его выбор ценностей, связей и отношений, с другой стороны, самостоятельно и избирательно относится к условиям этой среды, и, в свою очередь, влияет на их изменения [12].

Для понимания социально-психологической природы образовательной среды, обогащенной духовно-нравственными ценностями, важно привести утверждение А. Маслоу: среда, «подобно доброму наставнику, отступает в тень, чтобы позволить ему самому вершить выбор в соответствии с собственными желаниями и требованиями (оставляя за собой право следить за тем, чтобы он учитывал желания и требования других людей)» [13, С. 392].

Обогащенная образовательная среда оказывает влияние на внутриличностные процессы, сообщает подростку вектора личностного проживания: поиск смысла жизни, идеала, разрешение экзистенциальных дихотомий, следование нормам (И.А. Баева, 2002) [7], формирует отношение к базовым ценностям, способствует усвоению социального опыта и приобретению качеств, необходимых для жизни (Л.П. Буева, 1968) [14]; стимулирует групповые интересы, усиливает взаимоотношения (Ю.Г. Волков, 2006) [15]; выступает способом трансформации внешних отношений во внутреннюю структуру личности (А.В. Мудрик, 1999) [16]; окружает, приниживает, завлекает в орбиту ценностно-ориентированной деятельности (В.А. Нечаев, 2010) [17].

Содержание обогащенной образовательной среды определяется сопряжением светского и духовного по-

Рис. 1. Интегрированная модель образовательной среды, обогащенной духовно-нравственным содержанием, «Поле активности гимназиста»

средством амплификации традиционных дисциплин («Литература», «История», «Обществознание» и т.д.); введения специальных предметов и предметных областей в общем образовании («ОРКСЭ», «ОДНКНР»), внеурочной деятельности и дополнительном образовании; включения ценностно-значимой информации, сопряженной с глубинными смыслами, в воспитательные проекты, мероприятия, социальные практики, информационные контенты, организацию знаково-символической предметной среды; активной созидательной деятельности и конструктивно-ценностного общения учащихся, педагогов, родителей.

Е. А. Морозова выделяет в качестве важного условия обогащенной образовательной среды личность педагога, зрелой, духовно-нравственной личности, способной к рефлексии и отчетливой самоидентификации, выступающей в качестве катализатора, способного запустить процесс смыслообразования у подростков [18].

Духовно-нравственное содержание образовательной среды обуславливают устойчивость и динамика общественно-одобряемой системы ценностей, идеалов, образцов поведения, которые лежат в основе связанности подрастающего человека с другими людьми, группой, народом. Обогащенная образовательная среда содержательно вбирает в себя феномены, передаваемые в языке существительными с приставкой «со»: сотрудничество, сопереживание, сотворчество, согласие, созер-

цание, созидание, являющиеся одновременно переменными образа жизни [Мануйлов Ю. С., В. И. Слободчиков, Т. А. Флоренская, Франкл В., А. В. Петровский, В. А. Петровский]. Н. П. Паттурина вводит понятия «со-бытие» как «процесс полноценного многопланового контакта человека с миром и с самим собой, способствующий развитию, совершенствованию его участников» [19]. Событийность в образовательной среде, основанной на общих духовных и нравственных ценностях, на ступени общения и совместной деятельности преломляется в создание общего, а на высшей ступени преобразуется в сопричастность и характеризуется подлинным присутствием человека с человеком, и человека в среде.

Д. А. Леонтьев отмечает, что погружаясь в обогащенную среду, действуя в ней и влияя на нее, подросток вбирает в себя социальные механизмы, строя свой собственный мир [20]. Среда изменяет пространство субъективного жизненного мира и активизирует формирование личностных смыслов и ценностей подростка путем проникновения в смыслы и ценности других. «Самодвижение» подростка в образовательной среде посредством включения его в многообразные взаимоотношения с окружающими превращает его личностное развитие в становление активного и сознательного субъекта истории.

Экспериментальное исследование образовательной среды, обогащенной духовно-нравственным

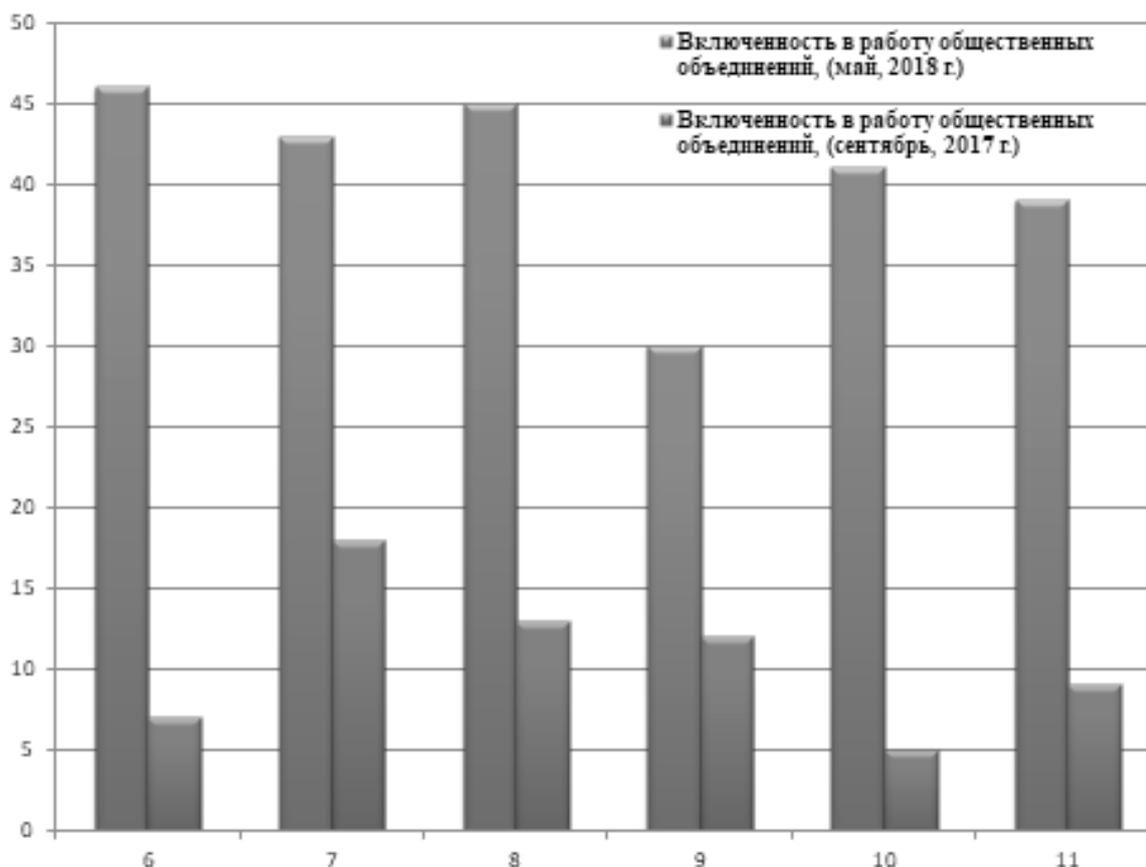

Рис. 2. Мониторинг включенности подростков в работу общественных объединений в рамках реализации интегрированной модели «Поле активности гимназиста»

содержанием, проводилось в рамках реализации проекта федеральных пилотных площадок общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» (Указ Президента РФ № 536, от 29.10.15 г.). Официальной федеральной пилотной площадкой в данном проекте выступило государственное бюджетное общеобразовательное учреждение, гимназия № 209 Центрального района города Санкт-Петербурга «Павловская гимназия» (сертификат от 01.09.2017 г.).

В исследовании приняли участие 244 учащихся 6–11 классов (12–17 лет). Все испытуемые являются активными участниками социально-культурного пространства гимназии, инициаторами общественной жизни, организаторами мероприятий, лидерами органов самоуправления, победителями конкурсов, фестивалей и конференций.

В результате эксперимента в условиях общеобразовательного учреждения разработана и апробирована **интегрированная модель** образовательной среды,

обогащенной духовно-нравственным содержанием, **«Поле активности гимназиста»** (рис. 1).

Внедрение Интегрированной модели «Поле активности гимназиста» предоставляет возможность осуществления систематической работы в области духовно-нравственного развития подростков, которая позволяет охватить максимально широкую подростковую аудиторию, организовать процесс постижения нравственных ценностей в форме активной деятельности: поиска, творчества и социальной практики.

Ключевые положения модели:

- ♦ ядром данной интегрированной модели является духовно-нравственное развитие личности посредством специально организованной социальной среды, которая окружает подростков;
- ♦ модель содержит комплекс социально-психологических мероприятий, познавательные и социализирующие проекты, которые реализуются в созидательной совместной деятельности.

Таблица 1. Мотивационные установки участия в реализации интегрированной модели «Поле активности гимназиста»

№ п.п.	Личностные ценности, мотивационные установки	Кол-во ответов (%)
1.	Сделать мир вокруг себя лучше, добрее, справедливее	25
2.	Работать в команде, иметь друзей, помогать друг другу	33
3.	Иметь власть, статус, занимать высокое положение в школе	42

Доминирующая роль в интегрированной модели «Поле активности гимназиста» отводится принципу **трехуровневого воздействия** на подростков, способом постепенного включения в безопасное социальное пространство гимназии.

Первый уровень — приобретение социальных знаний об общественных нормах, устройстве общества, социально одобряемых (созидательных, добродетельных) и неодобряемых формах поведения в обществе.

Второй уровень — получение опыта переживания и позитивного отношения к духовно-нравственным ценностям, идеалам, традициям, ценностного отношения к жизни, окружающим людям, семье, миру.

Третий уровень — получение опыта самостоятельно общественного действия, организация благотворительных и добровольческих проектов в реальной жизни.

Интегрированная модель обеспечивает включенность подростков одновременно в деятельность нескольких общественных объединений и различных форм активности, имеющих единую формирующую, социально-психологическую цель. К таким объединениям относятся: детско-юношеская общественная организация «Память и дело» — первичное отделение Российского движения школьников в гимназии; орган самоуправления «Совет Павловских коллегий»; юнармейский отряд «Наследники героев», коллективный член Всероссийского военно-патриотического движения «Юнармия».

Общность всех мероприятий, проводимых в рамках Интегрированной модели «Поле активности гимназиста», заключается в их ориентации на развитие духовно-нравственных ценностей подростков, формирование созидательной жизненной позиции в процессе общественно-значимой деятельности.

В октябре 2017 г. и мае 2018 г., нами был произведен промежуточный мониторинг включенности подростков в работу общественных вышеперечисленных объединений в рамках реализации интегрированной модели «Поле активности гимназиста», по результатам анализа видно, что интерес и активность подростков к данной работе с начала проекта, выросли более чем в два раза (см. рис. 2.)

Для выяснения вопроса о том, что мотивирует подростков к активному участию в работе общественных объединений, мы провели опрос 244 учащихся гимназии, проявляющих интерес в данных сферах. Всем им был задан один вопрос: «Зачем Вы принимаете активное участие в общественной жизни гимназии?».

В результате проведенного опроса подвергнутого контент-анализу, нами выделены следующие личностные ценности подростков, которые выступают, как мотивационные установки участия в реализации интегрированной модели «Поле активности гимназиста» (см. таблица 1).

Далее нами был проведен ассоциативный эксперимент, в ходе которого было предложено ответить на вопрос: «Какие ассоциации вызывает у Вас мысль об активном участии в жизни гимназии?».

По итогам обобщения полученных данных был сформирован список, включающий 123 ассоциации. Далее использовался метод контент-анализа позволивший подвергнуть содержательному детальному анализу всю совокупность письменных формулировок.

Для этого, использовался следующий алгоритм:

Определялись ценностно-смысловые основания ассоциации, выделялись ключевые смыслообразующие слова.

Вычленялись семантические универсалии, ассоциации, которые использовались десятью или более подростками. Выявлялась частота упоминаний выделенных смысловых единиц.

Объединялись ассоциации, имеющие разные формулировки, но одинаковый смысл, близкое значение или являющиеся составной частью одного и того же понятия.

Модифицировались формулировки ассоциаций в проявления личных ценностей подростков.

Результаты использования метода свободных ассоциаций при исследовании ценностей подростков, различных позиций по отношению к активному участию

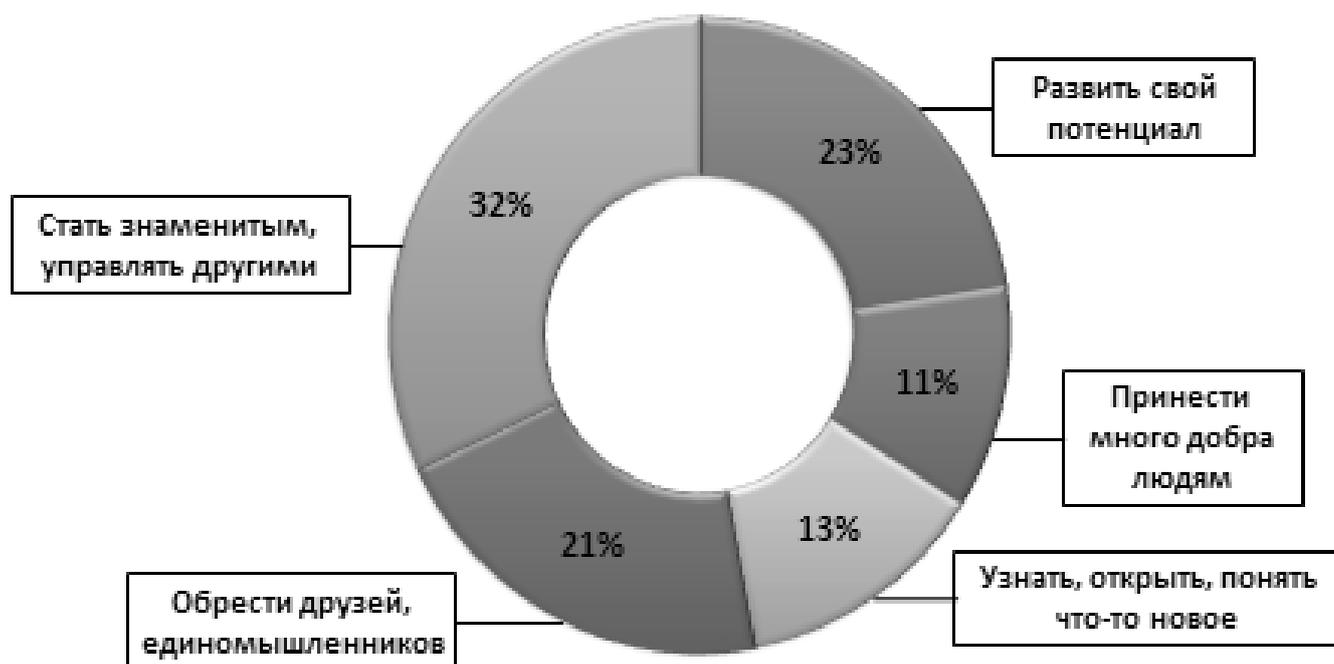

Рис. 3. Результаты использования метода свободных ассоциаций при исследовании ценностей подростков

в жизни гимназии, в рамках работы общественных организаций, объединений, органов самоуправления, представлены на рисунке 3.

Исходя из проведенного исследования (см.таблица 1, рис. 3), мы видим, что доминирующими ценностями для подростков являются все же эгоцентрические устремления «иметь власть, статус, занимать высокое положение в школе» и «стать знаменитым, управлять другими». Опираясь на полученные результаты констатирующего эксперимента, нами разработана программа внеурочной деятельности «Дорога жизни», которой мы дополнили интегрированную модель образовательной среды, обогащенной духовно-нравственным содержанием, «Поле активности гимназиста».

Программа «Дорога жизни» направлена на включение гимназистов в социальные и социально-культурные практики, дающие опыт ценностного выбора, самоопределения в мире нравственных идеалов, социальных ролей, поведенческих моделей, способствующие усвоению ценностей и идеалов добра, правды, мира, созидания, семейного благочестия, бесконфликтного общежития посредством обращения к нравственным ценностям памяти, служения, заступничества, доблести, подвига, подвижничества, жертвенности, милосердия, терпения, сострадания, смирения; на основе этого — формирование базовых качеств целостной личности, созидательного отношения к окружающему миру, близким и дальним людям, к самому себе.

Подростки имеют возможность получить личный опыт участия в различных проектах имеющих духовно-нравственное основание: социальных акциях, экскурсиях, экспедициях, дискуссиях, познавательных программах, командных конкурсах, а также в ценностно-модифицированных мероприятиях, соответствующих современной молодежной субкультуре: флешмобах, вебинарах и квестах.

ВЫВОДЫ

Образовательная среда, обогащенная духовно-нравственными ценностями, влияет на формирование ценностных ориентаций подростков, при соблюдении следующих социально-психологических условий:

1. Наличие ценностно-значимой информации, сопряженной с глубинными смыслами, которая создает высокую степень духовно-нравственного насыщения и способна выступить в качестве своеобразного катализатора, запускающего процессы нравственных переживаний и осмысления духовных законов и нравственных закономерностей.

2. Организация взаимодействия субъектов, где между субъектами образования выстраиваются определенные связи и отношения, среда, где доминирует совместное проектирование, сотрудничество, взаимопомощь, и поддержка.

3. Личность самого педагога, поскольку через нее преломляется, приобретает особый смысл преподаваемая информация, сам педагог должен являться носителем транслируемых духовно-нравственных ценностей.

4. Предоставление возможности получения подростками своего социального опыта созидательной деятельности, «добрых поступков», организация особой

духовно-нравственной атмосферы для проживания и проявления эталонных качеств: доброты, отзывчивости, щедрости, честности, трудолюбия, прощения, дружелюбия, бескорыстия и пр.

5. Ценности выступают оценочным фактором образовательной среды, превращая ее в пространство личностного самоопределения подростка в соответствии с его индивидуальными качествами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов В. И. Введение в экологическую психологию. Учебное пособие — 2-е изд., перераб. и доп. Москва: НИИ школьных технологий, 2006.
2. Крылова Н. Б. Культурология образования. Новые ценности образования. Москва: Народное образование, 2000.
3. Тарасов, С. В. Образовательная среда и развитие школьника. Санкт-Петербург: ЛОИРО, 2003.
4. Мануйлов, Ю. С. Средовой подход в воспитании. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2002.
5. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Санкт-Петербург: Питер, 2008. С. 282.
6. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. Москва: Смысл, 2001.
7. Баева И. А. Психологическая характеристика образовательной среды: диагностика и оценка. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2002; № 3; том 2. С. 16–25.
8. Емельянова И. Н. Механизм формирования духовно-нравственной среды образовательного учреждения. Вестник Тюменского государственного университета, 2011; № 9. С. 85–91.
9. Тубельский А. Н. Уклад школьной жизни: теория и практика создания и обеспечения. Новые ценности образования: Школьный уклад. Москва: 2007; Вып. 5 (35). С. 16–17.
10. Морозова Е. А. Теория и практика духовно-обогащенной образовательной среды. Проблемы и перспективы развития образования в России / материалы заочной Международной Научно — практической конференции. Саратов: Мин-во обр. и науки РФ, 2012. С. 56–59.
11. Захарченко М. В., Думчева А. Г. Проблема оценки условий и результатов духовно-нравственного развития и воспитания в школе. Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2011. Вып. 3 (22). С. 77–80.
12. Соина, И. А. Динамика ценностных ориентаций личности в ее изменяющемся социально-психологическом пространстве. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2011.
13. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. А. М. Татлыбаевой. Санкт-Петербург: Евразия, 1999. С. 392.
14. Боева, Л. П. Социальная среда и сознание личности. Москва: Издательство МГУ, 1968.
15. Волков Ю. Г. Идентичность и идеология: взгляд в будущее. Москва: Социально-гуманитарные знания, 2006.
16. Мудрик А. В. Социальная педагогика. Москва: Академия, 1999.
17. Нечаев М. П. Воспитывающий потенциал образовательной среды школы: история и современное состояние вопроса. Школьные ведомости, 2010; № 1. С. 13–18.
18. Морозова Е. А. Психологические механизмы становления зрелости личности у подрастающего поколения средствами образовательной среды. Электронный журнал «Психологическая наука и образование», 2011, № 3.
19. Паттурина Н. П. Глубинная со-бытийность как фактор личностного и духовного роста. Психологические проблемы самореализации личности, 2002; Вып. 6 / Под ред. Л. А. Коростылевой. с. 24–35. С. 29.
20. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. Москва: Смысл, 1993.

© Прозорова Наталья Викторовна (89111286014@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГИПНОДИНАМИКА СИСТЕМЫ ДОМИНИРУЮЩИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

GIPODINAMII SYSTEM DOMINANT NEEDS

A. Tarayanc

Summary. Gipodinamii dominant system of needs — a method of psycho-correction work with the use of gipnosuggestevna techniques focused on psychological work with a clinical norm. It can also be used for psychological care, not related to the treatment of clinical mental symptoms, when working with non-normal in the absence of endogenous mental disorders. The method developed at the Moscow clinical psychologist hypnology, Tarayanc Artem Valerievich.

Keyword: psychology, hypnosis, psychotherapy.

Тараянц Артем Валерьевич

Клинический психолог, гипнолог, Павловская гимназия
tarayants@mail.ru

Аннотация. Гипнодинамика системы доминирующих потребностей — метод психокоррекционной работы с применением гипносуггестивных техник, ориентированный на психологическую работу с клинической нормой. Может применяться так же и для психологической помощи, не связанной с лечением клинических психических симптомов, при работе с не нормой в случае отсутствия эндогенных психических расстройств. Метод разработал московский клинический психолог гипнолог Тараянц Артем Валерьевич.

Ключевые слова: психология, гипноз, психотерапия.

Суть метода заключается в том, что гипнолог — инструктор помогает клиенту сформулировать психологический запрос в соответствии с определенной логикой. Итоговая формулировка запроса должна соответствовать критериям: прямое отношение к актуальной потребностной сфере, клиническая реалистичность, интернальная ориентированность, открытость разным вариантам разрешения, лаконичность формулировки, искренность мотивации, позитивная формулировка. В психологическом запросе отражена осознанная просьба клиента о помощи в процессе разрешения конкретной психологической проблематики, эта просьба адресована бессознательному [5]. В гипнотическом трансе по определенной логике запрос клиента трансформируется в психоэмоциональную призму, которая становится стимулом для проявления реактивного ответа психики [3].

Реактивный ответ психики — это целенаправленная активность неосознаваемой части психики, ориентированная на разрешение психологической проблематики, суть которой отражена в психокоррекционном запросе. Индикатором разрешения запроса является отсутствие или трансформация субъективно ощущаемого дискомфорта, который послужил основой для составления запроса. После разрешения запроса клиент получает возможность, отвечая на определенные вопросы гипнолога — инструктора, через ретроспективную рефлексию осознать степень участия неосознаваемой части психики в организации и реализации поведения, которое фактически привело к разрешению запроса. Таким образом, клиент узнает язык своей собственной психики, на котором она способна отвечать ему на психокоррекционный запрос. Полученный опыт взаимодействия с гипнологом-инструктором дает возможность клиенту научиться самостоятельно составлять эффективный психокоррекционный запрос, само-

стоятельно погружаться в транс, самостоятельно рефлексировать реактивный ответ психики и использовать приобретенный опыт для личностного развития.

Для детального описания процесса гипнодинамики системы доминирующих потребностей используется следующий понятийный аппарат.

Статическая схема сосуда потребности

Статическая схема сосуда потребности служит для описания некоего среза какой-то одной актуальной для конкретного человека потребности, субъективно ощущаемой им в настоящем времени. Описание статической схемы сосуда потребности позволяет выявить степень осознанности этой конкретной потребности в настоящее время, прояснить детали субъективно ощущаемого дискомфорта, связанного с тем, что эта потребность не удовлетворена, и, в определенных случаях, обозначить мишени для психокоррекционного воздействия. Символы, которые используются для описания, оторваны от наших представлений о материальных объектах, связанных с потребностной сферой. Это сделано для того, чтобы избежать ассоциативной путаницы, связанной с личным опытом и абстрактными представлениями о потребностях и возможных путях их насыщения. Такая путаница может возникнуть как при самостоятельной работе, так и в формате взаимоотношений специалист-клиент

Статическая схема сосуда потребности имеет 12 элементов.

- ◆ Сосуд потребности
- ◆ Мотивация наполнить сосуд = мотивация поглотить объект

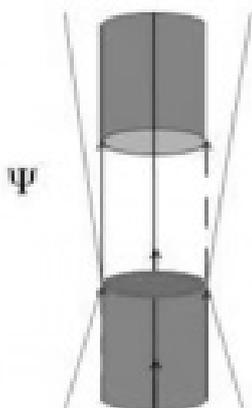

Рис. 1. Статическая схема сосуда потребности

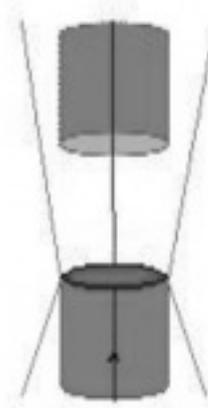

Рис. 2. Первое динамическое состояние сосуда потребности

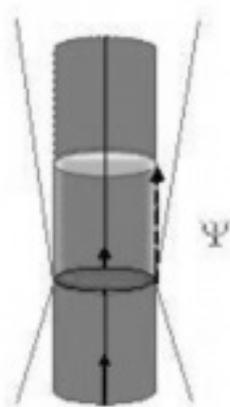

Рис. 3. Второе динамическое состояние сосуда потребности

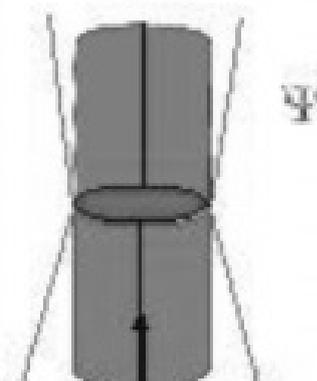

Рис. 4. Третье динамическое состояние сосуда потребности.

- ◆ Объект потребности
- ◆ Индикатор субъективного расстояния до объекта
- ◆ Мотивация совершить действие по сближению с объектом
- ◆ Предполагаемый путь до объекта
- ◆ Фактический путь до объекта
- ◆ Фильтры восприятия
- ◆ Мембрана восприятия
- ◆ Предполагаемый путь поглощения объекта
- ◆ Фактический путь поглощения объекта
- ◆ Энергетический потенциал

Схема динамических состояний сосуда потребности — это способ описания состояния динамического

процесса системы доминирующих потребностей в конкретный момент времени. С целью определения нарушений останавливающих, либо тормозящих этот процесс, определения стратегии коррекционного воздействия, и с целью фиксирования результата воздействия. Для этих целей вводятся понятия: интегральный сосуд и пять динамических состояний сосуда потребности.

Пять динамических состояний сосуда потребностей

Первое состояние описывает систему взаимодействия сосуда с объектом в тот момент, когда уже есть субъективно ощущаемый дискомфорт. Относительно этого дискомфорта есть представление о значимости

сосуда и о его энергетическом потенциале. Уже есть мотивация насытить сосуд, и уже есть объект, субъективная значимость которого может увеличивать энергетический потенциал сосуда. И есть индикатор расстояния до объекта.

Второе динамическое состояние сосуда описывает систему в тот момент, когда появилась мотивация совершить действие по сближению сосуда с объектом, и появился предполагаемый путь до объекта.

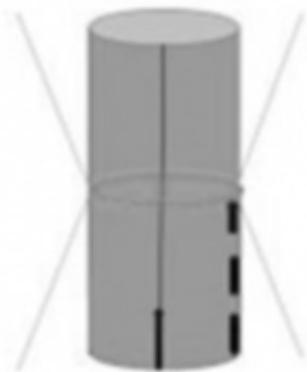
В этот момент в динамическом процессе появляется два новых элемента. Первый — это желание пройти путь до объекта. Это желание имеет качественно новый самостоятельный сосуд (2), объект (2) и свой энергетический потенциал (2). Объектом (2) тут является фактический путь до первого объекта, поэтому это качественно новый сосуд. Если материалом для первого (корневого) сосуда является желание поглотить объект, то материалом второго (поведенческого) сосуда является желание совершить поведение. И тут открывается интересный динамический феномен, в соответствии с которым, произвольно увеличивая в своем восприятии субъективную значимость поведения ориентированного на удовлетворение потребности, мы повышаем количество психической энергии (удовольствия), которая вырабатывается при фактическом осуществлении этого поведения, то есть при наполнении сосуда (2). Сосуд (2) является как бы связующим звеном между первым объектом и первым сосудом. И тут нам становится наглядно видно, каким образом сосуда происходят один из другого, и каким образом наполнение одного сосуда влияет на состояние другого сосуда. Чем больше наполняется сосуд (2), тем ближе первый объект к первому сосуду, и тем меньше индикатор расстояния влияет на интенсивность дискомфорта в первом сосуде, избавляя систему доминирующих потребностей от субъективного переживания определенной доли страдания. Это очень важно для понимания того, каким образом формируется малый интегральный сосуд (будет описан ниже).

Второй элемент — это субъективное ощущение имеющегося ресурса, который система доминирующих потребностей может потратить для реализации поведения, ориентированного на сближение с объектом, то есть на поглощение объекта (2). Количество этого ресурса определяется с учетом представлений о возможностях организма в целом, с учетом субъективного ощущения значимости первого сосуда, с учетом соотношения энергетического потенциала поведенческого сосуда, с предположительным количеством психической энергии, которую система доминирующих потребностей может потратить в процессе осуществления этого поведения. Учитывается то, насколько удовольствие от фактического сближения с объектом первого сосуда, может компен-

сировать все затраты на организацию и осуществление поведения по сближению с ним.

Третье динамическое состояние описывает систему в тот момент, когда поведение, ориентированное на сближение с объектом потребности, уже реализовано и фактический путь пройден. Энергетический потенциал сосуда (2) уже преобразовался полностью в выделенную психическую энергию. И мы можем наблюдать еще один субъективный критерий эффективности поведения. Этот критерий — субъективное ощущение того, насколько психическая энергия, выделенная в результате насыщения сосуда (2), компенсирует траты ресурса организма в целом на организацию и осуществление деятельности, ориентированной на его насыщение. При этом если стопроцентной компенсации нет, то учитывается субъективная значимость первого сосуда и его энергетический потенциал. В дальнейшем субъективные критерии эффективности поведения, ориентированного на удовлетворение потребностей, выполняют очень важную функцию. Если поведение субъективно оценивается, как эффективное с точки зрения получения удовольствия от процесса и результата поведения, то использованная модель поведения запоминается и в дальнейшем при актуализации аналогичного сосуда, используется автоматически.

Четвертое динамическое состояние описывает систему в тот момент, когда есть предполагаемый путь по поглощению объекта (план совершить поведение, ориентированное на поглощение), то есть совершен первый фактический шаг по поглощению объекта. По аналогии со вторым динамическим состоянием, тут раскрывается поведенческий сосуд, который явился следствием желания поглотить объект. На рисунке он не видим, поскольку точно повторяет контуры корневого сосуда. Но с этим «невидимым» сосудом раскрывается очень интересный динамический феномен. Это феномен слияния и разделения сосудов, занимающих в восприятии единое субъективно ощущаемое пространство и имеющих одинаковое, по сути, поведенческое намерение. Материал корневого и поведенческого сосуда, который был скрыт в корневом сосуде до четвертого динамического состояния, по сути разный. Но до момента формирования предполагаемого плана действий по поглощению объекта, они, как бы находились в слиянии, и их невозможно было различить. Их разница раскрылась лишь тогда, когда стало ясно, что они имеют разный материал. Это стало ясно тогда, когда предполагаемый план совершить действие по поглощению объекта стал первым шагом в процессе насыщения сосуда поведенческого, но не привел к какому-либо насыщению сосуда корневого, для которого началом насыщения стало первое совершенное фактическое действие, ориентированное на поглощение объекта.

Рису. 5. Четвертое динамическое состояние сосуда потребности

Пятое динамическое состояние описывает систему в тот момент, когда объект полностью поглощен сосудом, сосуд полностью наполнен, субъективного ощущения дискомфорта больше нет, и, соответственно, субъективного ощущения сосуда тоже больше нет. Энергетический потенциал сосуда полностью перешел в высвобождающуюся психическую энергию. Фактически, в субъективном восприятии, от сосуда остается лишь удовольствие от насыщения и информация о поведенческом опыте насыщения.

Интегральный сосуд потребностей — это субъективно ощущаемая в целостном виде сумма всего дискомфорта, вызванного отсутствием в разной степени насыщения всех актуальных потребностей. Чаще всего в обычном состоянии сознания с интегральным сосудом ассоциативно связано наше субъективное представление о нашем собственном теле и нашем «Я». Такая форма восприятия сосудов необходима для формирования наиболее эффективной социально ориентированной поведенческой стратегии.

Коррекционный сосуд — это субъективно ощущаемый дискомфорт, вызванный отсутствием насыщения потребности в разрешении и удовлетворении психокоррекционного запроса. Коррекционный сосуд является энергетическим генератором для проявления реактивного ответа психики.

Треугольник компромиссов доминант потребностей

Итоговая мотивация поведения интегрального сосуда постоянно находится под давлением трех сил. Одна из этих сил склоняет её к тому, чтобы, забыв о социаль-

Рис. 6. Пятое динамическое состояние сосуда потребностей.

ных нормах и о собственной миссии в жизни, насытить биологический голод. Другая сила ставит во главу социальные потребности. А третья сила стремится обязать человека исполнить свою роль в процессе выживания и эволюционного развития вида. У каждой из этих трех сил есть совокупность актуальных факторов, которыми они тянут вектор итоговой мотивации поведения на себя. Эта совокупность факторов составляет весомость того или иного уровня потребностной сферы в настоящий момент времени. И если для поиска и нахождения компромисса между биологическими и социальными потребностями в нашей психике сформировался механизм взаимодействия «Ид — Эго — Супер Эго» [1], то для более сложного взаимодействия «Ид — Эго — Супер Эго — Коллективное бессознательное» в настоящее время в психике человека налаженного механизма нет [4]. В таких условиях ради выживания человечества, психика вынуждена стремиться развить механизмы, позволяющие прийти к компромиссу доминант всех трех уровней системы доминирующих потребностей. Развитие психики человека до такого уровня функционирования, при котором субъективно ощущаемое «Я» станет той областью психики, где будет эффективно реализовываться стремление к компромиссу всех трех доминант, возможно является конечной точкой того эволюционного скачка человечества, который начался тогда, когда у человека стала проявляться и развиваться способность к устной и письменной речи.

Вполне возможно, что на сегодняшний момент человеческий вид непроизвольно участвует в процессе реализации своего эволюционного потенциала, неосознанно создавая различные стимульные условия для развития таких свойств субъективно ощущаемого «Я», которые бы позволили «Я», находясь в обычном состо-

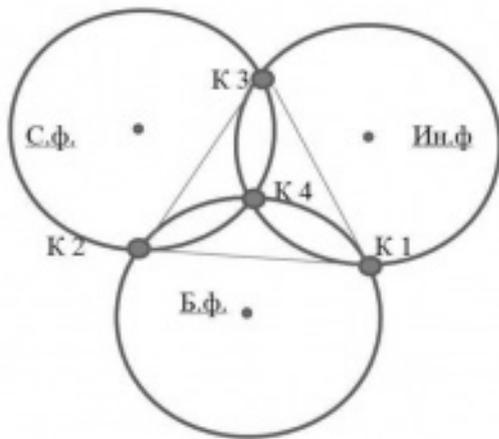

Рис. 7. Модель треугольника компромиссов

янии сознания, принимать и учитывать при организации повседневного поведения сигналы коллективных психических процессов, которые Юнг описывал как проявление коллективного бессознательного. В теории гипнодинамики системы доминирующих потребностей мы называем эти сигналы интегральной доминантой, которая исходит от потребностей человечества в выживании и развитии вида. Принимая сигналы интегральной доминанты, современный человек может интерпретировать их по-разному, в зависимости от силы сигнала и в зависимости от степени его осознанности. Человеку может показаться, что он осознал и увидел свою личную миссию в человеческой истории, или «слышит голос судьбы», или чувствует присутствие Божественного источника, или слышит «зов вселенной» и т.д. Психологи, знакомые с теорией Юнга могут осознавать давление интегральной доминанты, как влияние на их поведение архетипов коллективного бессознательного. [4] Как правило, осознание сигналов интегральной доминанты связано с экстраординарными обстоятельствами и опытом погружения в измененные состояния сознания. Но осознание сигнала интегральной доминанты не является необходимым условием её давления на психику и её влияния на итоговую мотивацию поведения в интегральном сосуде. Этот процесс может быть описан с помощью модели треугольника компромиссов системы доминирующих потребностей, которая помогает понять и описать наиболее распространенные сегодня модели человеческого поведения на уровне процессов коллективной деятельности вида.

На рисунке изображены три круга, обозначающие совокупности факторов доминант потребностей трех функциональных уровней: социальный уровень (С.ф.), биологический уровень (Б.ф.), интегральный уровень

(Ин.ф.) Точки пересечения совокупностей, обозначающие варианты компромиссов доминант: био-интегральный компромисс (К1), био-социальный компромисс (К2), социо-интегральный компромисс (К3), био-социо-интегральный компромисс (К4). И три прямых линии, соединяющие точки К (1,2,3) изображающие траекторию перехода от одного компромисса к другому, в обход точки К4.

Точка компромисса (Кп) — состояние, при котором происходит максимально возможное компромиссное насыщение наиболее значимых доминирующих потребностей разных функциональных уровней системы доминирующих потребностей. Проблематика модели треугольника компромиссов заключается в том, что три из четырех возможных точек компромисса — это состояния, в которых возможен компромисс двух функциональных уровней системы доминирующих потребностей и абсолютно игнорируется факт существования третьего. В результате чего, достижение этих точек оказывается практически невозможным, поскольку значимость факта насыщения доминирующих потребностей двух функциональных уровней нейтрализуется фрустрацией от максимального увеличения давления доминанты оставшегося третьего уровня. Большое количество людей так и не достигает ни одной точки компромисса в течение всей прожитой жизни, стремясь до глубокой старости реализовать выбранные в начальный период жизни стратегии. Или меняя несколько раз в течение жизни стратегию достижения одной и той же точки компромисса, но не достигая успеха. Или пытаюсь несколько раз безуспешно сменить стратегию и устремиться к другой точке компромисса. Или пытаюсь достичь сразу нескольких точек псевдокompромисса одновременно.

Поведенческие стратегии

Точка компромисса достигается в результате реализации субъектом поведенческой стратегии, ориентированной на достижение определенного состояния психики, которое соответствует конкретной точке компромисса.

Для био-социального компромисса (К2) это — состояние реализации в социуме потенциала ЭГО. Чем больше малый интегральный сосуд приближается к К2, тем больше становится давление интегральной доминанты, которое сообщает «Я», что есть нечто важное для психики вне «Я». В целом, можно выделить две общие поведенческие стратегии, реализуемые людьми в современном обществе в стремлении к био-социальному компромиссу в разной степени успешности.

Первая стратегия — это стремление поглотить социум со всеми его проявлениями, сделать его частью

своего внутреннего пространства, взять под контроль энергию социума и реорганизовать её так, чтобы социум был ориентирован на удовлетворение биологических потребностей конкретного малого интегрального сосуда. Это стратегия «бей».

Вторая стратегия — это стремление к слиянию с социумом, в надежде на достижение идеального социо-биологического гомеостаза. Стремление познать свойства социума, его механику, законы распределения энергии социума, чтобы в дальнейшем подстроиться под них или встроиться в них и получить блага социума, предназначенные для удовлетворения биологических потребностей конкретного интегрального сосуда. Стратегия «бей».

Для био-интегрального компромисса это — состояние самоощущения вне «Я» и вне социума, в совокупности с ощущением интеграции и слияния с окружающей средой и волей силы, управляющей ей. В психологии аналог такого состояния принято называть трансперсональным переживанием и связывать с опытом внутриутробной жизни человека. В целом можно выделить две общие поведенческие стратегии, реализуемые людьми в современном обществе в стремлении к точке компромисса К1 в разной степени успешности. Можно лишь создавать психическую иллюзию различными способами, тем самым обостряя давление социальной доминанты в те моменты, когда иллюзия сталкивается с реальностью и рушится.

Первая стратегия — это произвольное и целенаправленное стремление к точке К1. Использование различного рода психотехник, позволяющих остановить внутренний диалог, погрузиться в глубокий транс, и на какое-то время создать иллюзию присутствия в точке К1. Стратегия «бей».

Вторая стратегия — неосознаваемое, подавленное или отрицаемое стремление к точке К1. Психосоматическое стремление к внутриутробному регрессу. Неосознаваемое стремление создать в социуме условия схожие по ассоциативным признакам с условиями нахождения в утробе. Например, уединиться, скрыться от опасностей окружающего мира в каком-то закрытом от всех месте, чтобы там было все необходимое, либо был бы доступ ко всему необходимому. В зависимости от уровня притязаний это могут быть очень разные вещи, например: собственный необитаемый остров, на который поступали бы продукты и информация, либо личный чердак, подвал, гараж, бункер и т.д. Механическое воздействие на восприятие через употребление химических веществ (алкоголь, наркотики, психотропные препараты и т.д.) с целью отключить внутренний диалог и получить опыт свободы от субъективного ощущения физического

и психологического дискомфорта (отключить «Я»). Стратегия «бей».

Для социо-интегрального компромисса это — состояние полного отрешения от плотских желаний, и от ценностей общества, ориентированного на стремление к К2, постижение интегральной доминанты (воли высшей силы), слияние с ней и трансляция вектора интегральной доминанты в социум (стать проводником или каналом высшей силы в социуме). Чем больше приближается малый интегральный сосуд к точке К3, тем больше в нем субъективно ощущается давление биологической доминанты, в результате чего происходит либо реорганизация деятельности с учетом биологической доминанты, либо малый интегральный сосуд устремляется к уничтожению биологической доминанты (устремляется к смерти физического тела, в помыслах, или поступках), пытается приблизиться к К3.

В целом можно выделить две общие поведенческие стратегии, реализуемые людьми в современном обществе, в стремлении к точке компромисса К3 в разной степени успешности.

Первая стратегия — активное произвольное стремление к точке К3. Стремление создать новый или влиться в уже существующий субсоциум, в котором основной или одной из наивысших ценностей является стремление к познанию воли высшей силы (раскрытие и осознание интегральной доминанты), через отрешение от биологических и биосоциальных желаний, и постоянное обращение к высшей силе с запросом на раскрытие своей воли и помощь в направлении мотивации, либо фактических действий в соответствии с вектором воли высшей силы. Такое стремление реализуется с группой единомышленников, как правило, в религиозных сообществах. Стратегия «бей».

Вторая стратегия — выход в диссоциированную по отношению к интегральной доминанте позицию. Выделение в собственном восприятии символического представителя собственного «Я» в интегральном поле (современное представление о собственной душе), который является объектом и индикатором давления интегральной доминанты. При этом, в речевой картине мира существует значимое и устойчивое убеждение о том, что после физической смерти тела (обнуления давления биологической доминанты) символический представитель «Я», то есть «душа», окажется в ситуации полного раскрытия вектора интегральной доминанты, то есть окажется на Высшем суде, получит информацию обо всех своих грехах и узнает свой приговор. После чего стопроцентно реализует поведение, ориентированное относительно вектора интегральной доминанты, то есть будет существовать так, как укажет воля высшего Судьи,

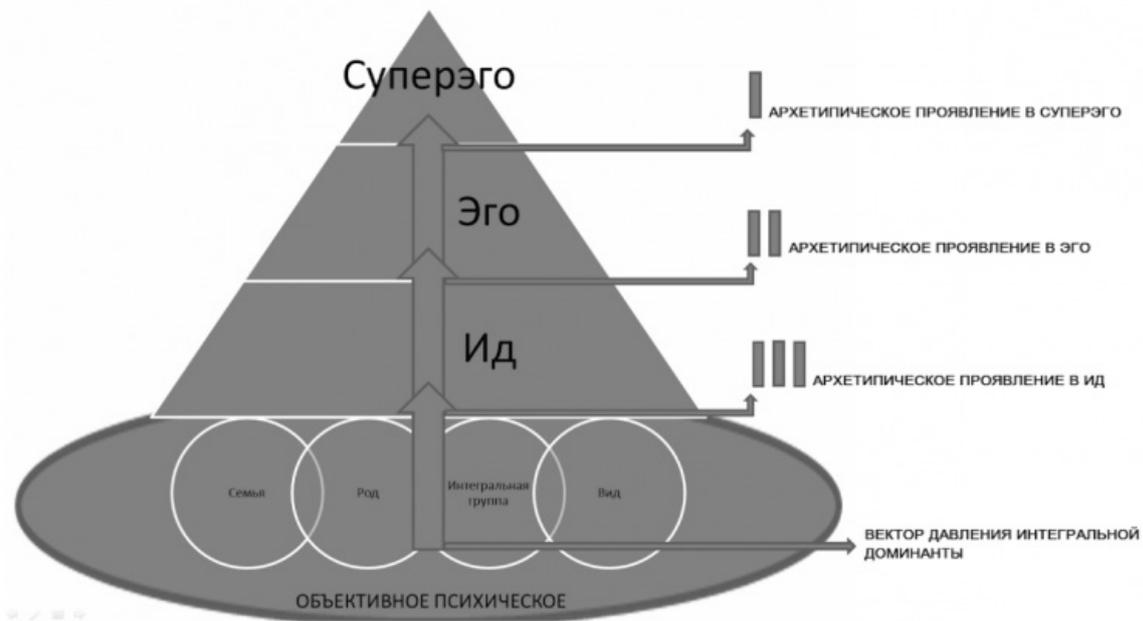

Рис. 8. Психоаналитическая модель системы доминирующих потребностей.

либо каяться в бесконечных пытках в аду, либо насыщать всевозможные субъективно значимые сосуды в идеальных условиях в раю. Поскольку К3 — это точка СОЦИО-интегрального компромисса, и в первом и во втором случае, в диссоциированном от «Я» воображаемом мире, символический представитель «Я» в интегральном поле реализует поведение, ориентированное относительно вектора интегральной доминанты в интегрально ориентированном социуме, организованном относительно вектора мотивации интегральной доминанты. Тут конечно речь идет о представлениях о райских садах и чертогах ада с их обитателями. Таким образом, выход в диссоциированную по отношению к интегральной доминанте позицию освобождает «Я» от необходимости целенаправленно стремиться к раскрытию интегральной доминанты и к реализации своей интегральной миссии. Этот процесс как бы откладывается в восприятии до физической смерти. Стратегия «беги».

Био-социо-интегральный компромисс К4 — это компромисс трех доминант — биологического, социального и интегрального уровней системы доминирующих потребностей. Достижение и сохранение устойчивой позиции в К4 — это конечная цель описанного выше эволюционного скачка. К4 — это состояние компромиссного насыщения наиболее значимых сосудов трех функциональных уровней системы доминирующих потребностей. Другими словами, это состояние, при котором эгоизм и интегральная миссия ориентированы в одном направлении. Когда субъект осознанно и про-

извольно реализует интегральную миссию и в этом процессе насыщает доминирующие биологические и социальные сосуды. Так же как и в предыдущих случаях, можно выделить две модели, реализуемые современными людьми в стремлении достигнуть К4. Точка компромисса К4, по своей сути, — это конечная цель любой стратегии деятельности, описанной в рамках модели треугольника компромиссов. Именно поэтому, все ранее описанные модели поведения, в конечном итоге, стратегически являются лишь шагом на пути к К4. Раскрывается это тогда, когда при достижении точек К1, К2, К3 на психику индивида оказывается максимальное давление со стороны совокупности факторов проигнорированной доминанты, что приводит её к проживанию фрустрации псевдокомпромисса. При К2 — это совокупность факторов интегральной доминанты, при К3 — это совокупность факторов биологической доминанты, при К1 — это совокупность факторов социальной доминанты. Далее, после проживания фрустрации наступает кризис псевдокомпромисса, при котором психика делает попытку реорганизовать свою деятельность так, чтобы учитывать при организации поведения все три доминанты. Но, сделав такую попытку, психика обнаруживает, что неспособна на это по причине невозможности зафиксировать в восприятии все три доминанты одновременно. Это обязывает психику стремиться к развитию свойств восприятия, которое может происходить как осознанно и произвольно «стратегия бей», так и неосознанно и непроизвольно «стратегия беги».

В первом случае индивид стремится к тому, что принято называть личностным и духовным ростом. Он стремится к раскрытию и познанию своей интегральной миссии внутри «Я», как правило, используя для этого психологические практики, позволяющие получить эффект проживания мистического опыта, либо религиозные практики, духовные учения и т.д. В случае выбора стратегии «беги» индивид, не осознавая этого, стремится к повторению опыта фрустрации псевдокомпромисса, поскольку проживая повторно этот опыт на какое-то время, психика получает возможность фиксировать в восприятии три доминанты одновременно. В поиске своего пути достижения точки К4 и произвольного удержания в ней современный человек реализует свою интегральную миссию.

Психоаналитическая модель системы доминирующих потребностей

Треугольник компромиссов — это модель, описывающая современный этап развития психики человечества в филогенезе. Она подходит, если мы хотим рассмотреть интегральную систему доминирующих потребностей из-

вне, с позиции наблюдателя. Для описания системы с позиции отдельно взятого субъекта можно использовать следующую психоаналитическую модель.

Относительно отдельного субъекта интегральная система доминирующих потребностей проявляется в виде архетипов коллективного бессознательного. В момент установления с ним осознанного контакта коллективное бессознательное предстает в восприятии субъекта объективным психическим. То есть, в восприятии субъекта создается впечатление, что есть некие объективно существующие психические процессы вне его восприятия. Такая иллюзия формируется в связи с тем, что психика отдельного субъекта неспособна постичь интегральную психику человечества в целостном виде и осознать единство и неразрывность индивидуальных и коллективных психических процессов. Характер влияния архетипов на структуры Ид, Эго и Суперэго [1] определяет специфика архетипических процессов семьи субъекта, рода, вида в целом, и актуальной интегральной группы, с которой взаимодействует субъект в настоящем на уровне коллективных психических процессов[2].

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Блюменкранц, Зигмунд Фрейд «Я и Оно» (1923 г.) Издательства Эксмо-Пресс, Фолио. 2017 г. — 864 с.
2. Юнг Карл Густав «Структура и динамика психического» (1916–1957) Переводчик: Зеленский В. В., Издательство: Когито-Центр, 2016 г.
3. Беккио Ж., Жюслен Ш. Новый гипноз: Практическое руководство. Серия: Библиотека психологии и психотерапии. Москва Класс 1998 г. 160с.
4. Карл Густав Юнг «Очерки по психологии бессознательного (сборник)» Пер. с англ. под общей редакцией В. В. Зеленского — Издание 2-е.: КогитоЦентр; Москва; 2010 г.
5. Гордеев М.Н «Классический и эриксоновский гипноз: Гордеев М. Н. 3-е изд. — М. Изд-во Института Психотерапии, 2005. — 240 с.

© Тараянц Артем Валерьевич (tarayants@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Павловская гимназия

СИНТЕЗ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И ЛИНЕЙНОГО ПОДХОДОВ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ А. ДЖ. ТОЙНБИ (СОЦИАЛЬНЫЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

SYNTHESIS OF CIVILIZATIONAL AND LINEAR APPROACHES IN THE PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF HISTORY OF A. J. TOYNBEE (SOCIAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS)

L. Vlasova

Summary. The article issued the main theoretical definitions of the teachings of the AJ Toynbee as a greatest philosopher of the twentieth century history in the social and axiological aspects. It is believed that the A. Toynbee's concept of local civilizations extends the theory of Oswald Spengler. However, in contradistinction to the German theoretician, A. Toynbee is a religious philosopher. It's significantly impact to his vision of history and contributed to a considerable transformation of the classical civilizational teaching and in its interpretation.

Keywords: Russia, Westernization, civilizational approach, theological-historical concept, Oswald Spengler, challenge-and-response.

Власова Людмила Александровна

Соискатель, Московский городской педагогический университет
sale@iselcom.ru

Аннотация. Статья раскрывает основные теоретические положения учения крупнейшего философа истории XX в. — А. Дж. Тойнби в социальном и аксиологическом аспектах. Принято считать, что концепция локальных цивилизаций А. Тойнби продолжает теорию Освальда Шпенглера. Однако, в отличие от немецкого мыслителя, А. Тойнби — религиозный философ, что значительно повлияло на его видение истории и способствовало существенной трансформации классического цивилизационного учения в его интерпретации.

Ключевые слова: Россия, вестернизация, цивилизационный подход, теолого-историческая концепция, Шпенглер, вызов-и-ответ.

Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975 гг.) — английский историк, социолог, культуролог, профессор, потомок известных британских интеллектуалов, один из крупнейших философов истории XX в., внесший значительный вклад в разработку цивилизационного подхода к истории. Концептуальные выводы А. Тойнби до сих пор активно используются в теоретической социологии, политологии, культурологии, истории. Принято считать, что концепция локальных цивилизаций А. Тойнби продолжает теорию Освальда Шпенглера, основные положения которой изложены в его нашумевшей книге «Закат Европы» (или «Закат Западного мира»), увидевшей свет в 1918 г. (том 1) и 1922 г. (том 2). Однако, в отличие от немецкого мыслителя, А. Тойнби — религиозный философ, что способствовало существенной трансформации классического цивилизационного учения в его интерпретации и привело к синтезу с представлением о линейной эсхатологической направленности всемирной истории.

Фундаментальный 12-томный труд А. Тойнби «Постижение истории» («A Study of History») — наиболее значительный из огромного творческого наследия историка. Писавшийся с 1934 по 1961 гг. на фоне недавно прошед-

шей Первой и особенно Второй мировых войн и их последствий, он вызвал широкий отклик еще в ходе своей публикации (первые три тома увидели свет в 1934 г., тома 4–6 — в 1939 г., тома 7–10 — в 1954 г., том 11 (в соавторстве с Эдвардом Майером) — в 1959 г. и том 12 («Переосмысленное»)– в 1961 г.). Российскому обществу учение Тойнби стало широко известно в конце XX — начале XXI вв. после публикации сокращенного варианта его труда (первых шести томов), который был сделан английским историком Д. Сомервеллом, под одноименным заглавием «Постижение истории» (М., 1991 г.; 1996 г.; 2001 г.) и сборника работ «Цивилизация перед судом истории» (1996 г, 2002 г.), вызвав массу мировоззренческих дискуссий в нашей стране и став объектом научного исследования.

На первый взгляд, если сравнить учение А. Тойнби с концепцией О. Шпенглера, можно утверждать, что английский мыслитель является классическим последователем цивилизационного подхода к истории. А. Тойнби, как и его предшественник, выступает против популярной трехчленной периодизации истории «Древняя — Средневековая — Новая», называя ее «неадекватной» и «неправильной», но обвинения направлены не на ее

европоцентрический характер, а на логику, согласно которой деление истории на древнюю и средневековую фиксирует переход от эллинизма к западному миру (т.е. речь идет о двух различных цивилизациях, согласно той-нбианской классификации), тогда как деление на средневековую и современную относится к одной западной истории [12:85], что нарушает линейное восприятие схемы.

В отличие от О. Шпенглера, английский философ-историк существенно расширяет границы своего исследования. Если немецкий мыслитель выделяет восемь основных культур [15:44], то А. Тойнби в первых десяти томах рассматривает 32 цивилизации, а в 12 томе их число достигает 37.

Британский философ истории, в согласии с концепцией О. Шпенглера, утверждает, что цивилизации основываются на духовной предпосылке, вокруг которой формируются сложные культурно-социальные системы. В связи с этим он называет основные критерии дифференциации общества: религиозный (наличие «вселенской церкви») и территориальный («степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло» [12:77]). Данными признаками А. Тойнби определяет и сложные отношения между обществами. С одной стороны, в строгом соответствии с канонами исторического плюрализма, английский философ истории полагает, что цивилизации, как целостные в социокультурном отношении образования существуют самостоятельно, а с другой стороны, между ними могут образовываться определенные связи, как слабые, так и сильные, достаточно глубокие, причем не только в пространстве, но и во времени: одни цивилизации могут выступать в роли «отцовских», другие — в качестве «сыновних» [там же]. На наш взгляд, такой подход содержит первые признаки трансформации цивилизационной теории А. Тойнби, что в дальнейшем приведет ее к синтезу с линейной парадигмой исторического развития.

Провозглашая на словах в первых томах «Постижения истории» ложность концепции единства истории [там же, 81], А. Тойнби фактически доказывает ее единство, показывая общий источник и тесную родственную взаимосвязь основных высших религий («универсальных церквей» или так называемых мировых религий), и соответствующих им обществ. Блестящий знаток древней истории, британский мыслитель, опираясь на последние научные данные и археологические открытия, утверждает следующее.

1. Источником (или отеческим началом) эллинского и сирийского обществ, в основе которых соответственно эллинизм и иудаизм, стало более древнее — минойское общество, которое существовало приблизительно в пе-

риод 2700–1200 гг. до н.э. [там же, 58–59]. «Универсальной церковью» древнейшей Минойской цивилизации, как показали археологические исследования на Крите в конце XIX в., был так называемый критский культ. А. Тойнби приводит цитату из книги известного английского историка и археолога, первооткрывателя Минойской цивилизации Артура Джона Эванса «Ранняя религия Греции в свете критских открытий», который на основе расшифровки свидетельств об этом древнем культе делает вывод «не только о превалирующем в нем духовном содержании, но также и о чем-то таком, что роднит его последователей с верой, которая в последние два тысячелетия распространялась среди приверженцев восточных религий, таких, как иранская, христианская и исламская» [17:37–41]. А. Дж. Эванс утверждает, что критский культ был монотеистическим: в нем объектом поклонения была богиня в виде Божественной матери, держащей на руках младенца, а над ее головой — символы воскресения в форме куколки и бабочки, т.е. она (богиня) явно обладала властью давать жизнь после смерти [12:60–61]. Таким образом, данный факт подтверждает концепцию единства истории и гипотезу первоначального монотеизма или прамонотеизма, согласно которой существует исходная форма религий для всех народов мира.

2. Православное и западное христианство находятся, в свою очередь, в «сыновнем родстве» с эллинским обществом, однако «христианство возникло в пустынях Сирии и было занесено на эллинистическую почву насильно депортированными сирийцами» [там же, 56]. Такой вывод английского историка о неразрывной связи христианства с античным (греко-римским) миром и иудаизмом подтверждается как официальными историческими источниками, так и теолого-исторической интерпретацией истории.

3. Ислам берет свое начало из сирийского общества: «Основатель ислама Мухаммед был вдохновлен иудаизмом, религией чисто сирийской, а затем его воодушевило несторианство — форма христианства с преобладанием сирийского элемента» [там же, 53]. Данное утверждение говорит о «сыновнем» родстве ислама с иудаизмом и последующим христианством, что не противоречит ни иудаистской [6], ни христианской [9:118], ни исламской герменевтике [10] Бытия (глава 16, стих 15), согласно которому Измаил — старший сын Авраама от рабыни Агарь является прародителем арабов-мусульман. Родственная связь между этими религиями обусловливается и тем, что иудео-христианско-мусульманский взгляд на мир ограничен рамками богословской теории [13:258]. Аналогичного мнения по этому вопросу придерживаются русский религиозный мыслитель Л. А. Тихомиров [11:53, 330] и немецкий философ истории О. Шпенглер [16:312–313].

4. А. Тойнби считает, что во взаимоотношениях сирийской и иранской (зороастризм) культур именно Сирия была доминирующим элементом: «Ирана еще нет на карте мира, а в Сирии уже светит искра общественной жизни. В эпоху царя Соломона и его современника царя Хирама уже были открыты Атлантический и Индийский океаны и изобретен алфавит» [12:53].

5. Что касается еще одной мировой религии — буддизма, и, главным образом, махаяны, являющейся «универсальной церковью» древнекитайского общества, о котором в Библии ничего не сказано, то А. Тойнби усматривает ее связь с эллинским обществом: «Махаяна появилась на индских просторах, принадлежащих сначала греческим царям Бактрии, потом «грекофильствующим» кушанам, но зародилась она в бассейне реки Тарима в провинциях Кушанской империи до того, как эти провинции были завоеваны и аннексированы китайским универсальным государством Младшей Хань в конце I в.н.э. Отсюда пошло распространение махаяны, охватившей все китайское общество» [там же, 56].

Так английский мыслитель, вопреки цивилизационному подходу к истории с его принципом дискретности (особенно в теории О. Шпенглера) и собственным критическим высказыванием в адрес концепции единой истории, доказывает неразрывную связь между обществами и религиями, которые ведут свое начало от одного источника, а также подтверждает теологическую концепцию единства рода: «...род, к которому принадлежат люди, не является ни западным обществом, ни эллинским, ни каким-либо еще. Это род Ното» [там же, 295]. Такая модель исторического развития согласуется с основными положениями теолого-исторического постижения истории в христианской традиции (например, в книге блаженного Августина «О Граде Божием» [1] или труде русского религиозного философа Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» [11:23]).

Цивилизованные образования (или локальные цивилизации), по утверждению А. Тойнби, не являются живыми организмами, хотя и проходят похожие стадии: генезис, рост, надлом и разложение [12:80]. Их развитие протекает не по строгим внутренним биологическим законам, а зависит от внешних условий, динамически развиваясь в логике концепции «вызов-и-ответ». Нельзя не согласиться с исследователем Е. В. Чепиковым, который именно в этом усматривает одно из важнейших направлений трансформации цивилизационного подхода в исторической концепции А. Тойнби [14]. Если, по мысли О. Шпенглера, культуры возникают случайно, они не подчинены каузальным законам, то А. Тойнби, критикуя О. Шпенглера за детерминистский взгляд [13:24, 295], считает, что для рождения цивилизации необходимы определенные условия — внешние «вызовы»:

«Общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем и каждая из них есть вызов» [12:108]. Способность общества дать правильный «ответ» на возникший «вызов» и будет решающим обстоятельством, способным привести к генезису цивилизации. При этом, чем труднее условия существования (как природная среда, так и человеческое окружение), тем больше они способствуют зарождению цивилизации. «Чем сильнее вызов, тем сильнее стимул» [там же, 170–171]. И, наоборот, отсутствие «вызовов» означает отсутствие стимулов к росту и развитию. А. Тойнби различает два основных вида стимулов роста: стимул природной среды и стимул человеческого окружения. Он утверждает, что традиционное мнение о необходимости существования благоприятных географических и климатических условий, как гарантии успешного общественного развития, неверно. Именно суровые естественные условия нередко служат мощным стимулом для возникновения и роста цивилизации. Слишком хорошие условия, как правило, способствуют возврату к природе, прекращению всякого роста [там же, 120] (например, цивилизации майя, Цейлона, Петры, Пальмиры, острова Пасхи). В библейской истории таким примером может служить гибель допотопной цивилизации в условиях теплого климата на территории всей земли (в настоящее время достаточно научных исследований, подтверждающий этот факт) [5].

Если говорить о стимуле человеческого окружения, то, например, Россия на протяжении многих веков постоянно испытывала мощное внешнее давление [12:140–142], в то время как Западный мир непрерывно выступал не только против Московии, но и против континентальных европейских варваров, Оттоманской империи, дальнезападного христианства, Скандинавии, сирийского мира [там же, 142–164]. (Сегодняшний военный конфликт в Сирии, подогреваемый Соединенными Штатами, экономическое и политическое давление на Россию со стороны Европы и США — яркое тому подтверждение). Этот тезис неопровержимо подтверждается и характером двух мировых войн XX столетия. А. Тойнби констатирует: «Современная западная экспансия в буквальном смысле имеет мировой масштаб» [там же, 245]. Не испытывая серьезных угроз со стороны внешних сил, западный мир «постоянно угрожает другим, сам не ведая чувства страха, и в последнее время достиг всемирного господства как в экономическом плане, так и в политическом, и культурном» [там же, 245]. Тойнбианский закон «вызова — и — ответа» особенно актуален в современной действительности, когда Россия в условиях «холодной войны» вновь стоит перед «вызовом» Запада. Каков будет «ответ»? Подчиниться нажиму со стороны внешней враждебной силы или оказать сопротивление и защитить себя от западной экспансии? Последнее, как показывает история, наиболее характерно для русского менталитета.

Не любая цивилизация, по мнению А. Тойнби, может ответить на «вызов» среды. Для успешного «ответа» необходимо, чтобы в обществе находились люди, способные понять «вызов» и дать на него ответ (творческое меньшинство), а большинство должно быть готово к принятию данного «ответа». Таким образом, А. Тойнби положительно решает вопрос о свободе и необходимости (объективно-субъективный фактор в истории), о свободе воли человека, о роли личности в истории. Рост цивилизации достигается в том случае, когда меньшинство или общество в целом не просто отвечает на «вызов», но одновременно порождает другой «вызов», требующий, в свою очередь, нового «ответа». В процессе столкновения цивилизаций происходит синтез их духовных оснований, формируются «универсальные церкви», которые являются «куколками» цивилизаций следующих поколений. В отличие от О. Шпенглера [15:200–213], в тойнбианской теории нет идеи предопределенности, судьбы. Если немецкий мыслитель считает, что культура может существовать не более 1000 лет, то А. Тойнби не ограничивает возраст цивилизаций. В результате поиска ответов на новые «вызовы» внутренний распад дает возможность усвоить чужие идеи и изобретения, что способствует новому, возможно, более мощному развитию.

Определяя критерий роста цивилизации, А. Тойнби решительно отвергает географическую экспансию, приводя примеры, когда она находилась в обратной зависимости от роста духовного (например, в истории сирийской, эллинской, китайской, майянской и др.). Общество в состоянии роста, по объяснению британского мыслителя, представляет собой социальное единство экономического, политического и культурного элементов. Процесс надлома и распада связан с нарушением единства, с разделением этих элементов, что «порождает болезненный диссонанс» [12:223]. Такое понимание «болезни» общества близко к теологическому пониманию природы человека после совершения им первородного греха (нарушения воли Бога), когда целостность человека, созданного гармонично по образу и подобию Бога, была нарушена: сначала распаду подверглась душа (ум, воля, сердце), а затем и тело. Вот как объясняет состояние человека после грехопадения религиозный философ В. Н. Лосский: если раньше в человеке дух должен был жить Богом, душа — духом, тело — душой, то после первородного греха «дух начинает паразитировать на душе, питаясь ценностями не Божественными... Душа, в свою очередь, становится паразитом тела — поднимаются страсти. И наконец тело становится паразитом земной вселенной, убивает, чтобы питаться, и так обретает смерть» [8:253]. Именно социальный распад, а не рост, по теории А. Тойнби, способствует географической экспансии. Общество, переживающее упадок, стремится «отодвинуть день и час своей кончины, направляя всю

свою жизненную энергию на материальные проекты гигантского размаха» [12:224], т.е. характер общества все больше смещается в сторону чисто экономического развития, что сопровождается снижением культурного влияния [там же, 355]. Таким образом, английский мыслитель, вставая на идеалистические позиции, констатирует социальный закон: чем выше рост экономической мощи, тем ниже нравственный уровень, что соответствует реалиям наших дней. Современное общество, несмотря на высочайший научно-технический уровень, колоссальные темпы развития информационных и промышленных технологий, медицины и т.д., характеризуется глубоким духовно-нравственным кризисом. Нельзя не согласиться с оценкой состояния общества на рубеже II и III тысячелетий доктором философских наук Б. Н. Бессоновым: «Погоня за материальными благами, эгоизм, наркомания, преступность, «одномерность» сознания и поведения, отношение к другим людям как средству и манипулирование ими стали сегодня во многих странах по сути нормой общественной жизни» [3:13]. Стремление к одним лишь материальным ценностям, нравственная распущенность, бездуховность, потеря смысла жизни, особенно среди молодежи, может стать причиной и личной трагедии. По официальным данным Всемирной организации здравоохранения среди причин смерти молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет в мировом масштабе самоубийства занимают второе место [4].

Но, возможно, критерием социального роста служит прогресс в области совершенствования техники и технологий? Отвечая на этот вопрос, А. Тойнби выступает против популярной периодизации истории, предложенной в середине XIX в. датским археологом К. Ю. Томсенем и английским ученым Джоном Либбок, которая представляет собой смену эпох, различающихся своим технологическим характером: палеолит, неолит, медно-каменный век, медный век, бронзовый век, железный век. Мир не развивается равномерно, и даже сегодня можно в одних местах увидеть современную технику, а в других — технику каменного века. Но даже если бы повсеместно наблюдался высокий технический уровень, о развитии общества не могло бы идти речи без развития духовного: «в царстве людей милосердие более ценно, чем часовой организм» [12:227]. А. Тойнби решительно заявляет, что между прогрессом в области техники и прогрессом в развитии цивилизации нет никакого соответствия [там же, 234]. Подобно своему предшественнику О. Шпенглеру [15:548–550], английский философ отвергает и концепцию эволюционного прогресса человечества: человек, «живший сто тысяч лет назад, был наделен... теми же самыми духовными и физическими характеристиками, что мы находим в себе» [12:153]. По мнению А. Тойнби, социальный прогресс должен представлять собой совершенствование культурного

наследия, в том числе научных знаний, а не улучшение природы человека [там же, 153].

Наряду с критериями роста, которые А. Тойнби определяет в духовно-нравственном аспекте, существуют и критерии процесса социального распада. К ним мыслитель относит как внешние причины — череда войн (война истощает силы и поглощает ресурсы), так и внутренние — расколы и разногласия [там же, 335–336]. Пережив Первую и Вторую мировые войны, британский мыслитель стремится направить все свои усилия, чтобы «помочь человечеству избежать кошмара войны. Война — самое жестокое из всех изобретений человечества...это такое социальное зло, в борьбе с которым невозможен компромисс» [13:253–254]. А. Тойнби убежден: в современных условиях существования ядерного военного потенциала «если человечество будет упорствовать в совершении этого преступления, то рано или поздно оно придет к массовому самоубийству» [там же, 337]. Таким образом, речь идет уже не о гибели той или иной локальной цивилизации, а о конечном земном пути всего человечества, что соответствует библейской концепции конца мира.

Что касается второго критерия, то раскол в человеческой душе — это эпицентр раскола, который проявляется в общественной жизни [12:358], — утверждает английский философ. В период распада «вызов» может получить в душах людей два вида отклика: пассивный и активный. В первом случае душа впадает в прострацию и проявляет покорность судьбе (в социальном общении это ведет к смешению традиций, сочетанию несовместимых ценностей и, как следствие, к распаду), во втором случае ответом является осознание собственного нравственного падения, «активное чувство греха» и активный самоконтроль, что приводит личность «к прозрению всеобщего единства через осознание единства человечества с Космосом, единение его с Богом» [там же, 360]. Иными словами, активный «ответ» ведет к преображению души человека, к духовности общества. Ссылаясь на книгу выдающегося французского философа А. Бергсона «Два источника морали и религии» [2], А. Тойнби излагает его мысль о том, что «человечество никогда не сможет жить, как братья, вместе (Пс.: 132, 1), если люди не научатся возвышаться над своими внутренними конфликтами и разногласиями, уверовав в общего Царя Небесного» [12:409]. «Единственным обществом, способным охватить все человечество, является Град Божий» [там же, 408], — пишет А. Тойнби.

Согласуется с линейной парадигмой истории и попытка английским мыслителем определить цель и смысл истории, которые он трактует в эсхатологическом аспекте: цель исторического процесса усматривается в трансцендентности — Царствии Божиим, а смысл

истории — в духовно-нравственном совершенстве человечества, чему может помочь унификация высших религий (концепция экуменизма). Идею экуменизма А. Тойнби связывает с необходимостью создания мирового государства во главе с мировым правительством, которое сможет предотвратить новую смертоносную войну. Мнение О. Шпенглера по этому вопросу прямо противоположно. По мысли немецкого писателя, история высших культур лишена смысла; общечеловеческой культуры не было и быть не может, как нет и общечеловеческих ценностей, и морали: каждой культуре присущи свои ценности, своя религия и своя мораль [15:49,80]. По поводу идеи экуменизма резко высказывался в свое время русский представитель цивилизационного подхода к истории К.Н. Леонтьев, который предупреждал об опасности процессов глобализации, в том числе и в религиозной сфере: «...нынешняя религиозно-политическая и социальная революция есть ничто иное, как движение к всемирной безбожной ассимиляции...Ассимиляции утилитарной или демократической я имею право противиться, не только как эстетик, но и как верующий человек; ибо она отвергает все сверхчувственное и духовное» [7:365]. В христианских теолого-исторических концепциях смысл истории — не в духовном прогрессе общества в целом, а в духовно-нравственном совершенствовании отдельных личностей, образующих Град Божий, который будет существовать до конца мира наряду с градусом земным (идея противоборства и сосуществования двух градусов в концепции блаженного Августина) [1]. Создание мирового государства — один из объективных признаков последнего этапа всемирно-исторического развития [11:632]. Таким образом, тойнбианская идея глобализации в политической и религиозной сферах в качестве критерия социального прогресса, не согласуется ни с цивилизационной концепцией, ни с христианским осмыслением истории.

Проведенный анализ философско-исторической концепции А. Тойнби в сравнении с исторической моделью О. Шпенглера и теолого-историческими интерпретациями истории (в рамках настоящей статьи), дают основания для вывода о существенной трансформации цивилизационной теории английского мыслителя и ее синтезе с линейным подходом к истории. Элементами линейной парадигмы, сходными с теолого-исторической формой осмысления истории и доказывающими единство всемирного исторического процесса в учении А. Тойнби, являются следующие положения.

1. В отличие от немецкого мыслителя, А. Тойнби не считает цивилизационные образования живыми организмами, развитие которых проходит по строгим внутренним биологическим законам. Не ограничивая возраст жизни цивилизаций, он разрабатывает свою

динамичную, открытую модель цивилизационного развития: «генезис, рост, надлом и разложение», зависящую не только от внутренних, но и от внешних условий в логике концепции «вызов-и-ответ».

2. Английский мыслитель указывает на родственные межцивилизационные связи («отцовские» и «сыновние»), тесную взаимосвязь основных высших религий и соответствующих им обществ, имеющих общий источник.

3. А. Тойнби выявляет эсхатологический смысл истории в ее линейной направленности, имеющей свое начало и конечную цель. В концепции английского мыслителя человеческая история осуществляется по Промыслу Бога. Цель всемирно — исторического процесса — духовный прогресс человечества с выходом в трансцендентность — Царство Небесное.

4. Британский философ истории отвергает идею социального прогресса в материалистическом понимании.

5. А. Тойнби утверждает идею объективно-субъективного характера истории, проводя параллель между жизнеспособностью цивилизации и ценностными ориентирами общества и его лидеров (творческого меньшинства), положительно решая вопрос свободной воле человека, направленной к добру или ко злу, о роли личности в истории.

Таким образом, философско-историческая концепция английского мыслителя, синтезирующая два подхода к истории, отвечает принципу единства в многообразии. Не отрицая самобытности цивилизаций и путей их развития, она, тем не менее, способствует целостному восприятию мира и истории. В современных условиях нового мощного «вызова» Запада и поиска «ответа» со стороны незападных стран, обращение к социальной теории А. Тойнби, призванной выявить движущие силы механизма исторического процесса, смысл и цель истории, перспективы развития как отдельных обществ, так и человечества в целом, представляется весьма своевременным и необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин блаженный. О Граде Божием // Блаженный Августин. Творения: в 4 т. СПб.: Алетейя, 1998.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр., послесловие и примечание А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1994. — 384 с.
3. Бессонов Б. Н. Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий: Учебное пособие. — М.: Норма, 2006. — 320 с.
4. Всемирная организация здравоохранения. Самоубийства: факты и цифры. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/infographic/ru/ (дата обращения: 22.08.2018).
5. Глобальный потоп времен Ноя. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.scienceandapologetics.org/text/203_3.htm (дата обращения: 19.08.18).
6. Исмаил. Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://eleven.co.il/bible/heroes-and-characters/11855/> (дата обращения: 18.08.2018).
7. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Академический проект, 2017. — 502 с.
8. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Догматическое богословие. — М.: СЭИ; Трибуна. Вып. 1. — 1991. — 289 с.
9. Протоиерей Олег Стеняев. Семейная жизнь ветхозаветных патриархов (Авраам, Исаак, Иаков). Сергиев посад, 2009. — 432 с.
10. Соотношение веры и разума. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/3/apologetica_polosin.htm (дата обращения: 18.08.2018).
11. Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров. — 6-е изд. — М.: Издательство «ФИВ», 2012. — 808 с.
12. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Пер. с англ. / Сост. Огурцов А. П.; Вступ. ст. Уколовой В. И.; Закл. ст. Рашковского Е. Б. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
13. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; Пер. с англ. И. Е. Киселевой, М. Ф. Носовой; [Предисл. В. И. Уколовой; Авт. Комментар. Д. Э. Харитонович]. — М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1996. — 477 с.
14. Чепиков Е. В. Трансформация цивилизационного учения А. Тойнби: Дис. . . канд. филос. наук. — Хабаровск: Хабаровская гос. академия экономики и права, 2010. — 180 с.
15. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. Образ и действительность / Пер. с нем. И. И. Миханькова. — М.; Академический Проект, 2009. — 648 с.
16. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И. И. Миханькова. — М.; Академический Проект, 2009. — 764 с.
17. Evans, Sir Arthur. The Earlier Religion of Greece in the Light of Cretan Discoveries. London, 1931. P. 37–41.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ: МЕРА НЕРАЗЛИЧЁННОСТИ, МЕРА РАЗЛИЧИЯ, МЕРА РАЗЛИЧЕНИЯ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫМ И ТРАНСЦЕНДЕНТНЫМ (В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛЕЙ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ)

EPISTEMOLOGICAL LEVELS: MEASURE OF INDISTINCTNESS, MEASURE OF DIFFERENCE, MEASURE OF DISTINCTION IN RELATION TO TRANSCENDENTAL AND TRANSCENDENT (IN THE CONTEXT OF MODELS OF PERSONAL BEING)

N. Nikolov

Summary. The study subject is the hierarchical interrelationships of epistemological levels in the context of the theory of alphabetic plans. The study object is the correlation of models of personal being with epistemological categories (indistinctness → difference → distinction). The study aim is to show the limitations of the transcendences of the epistemological categories of the measure of indistinctness and the measure of difference before the measure of distinction. The method of reflexive intentional analysis, the method of transcendental-phenomenological reduction, the method of phenomenological description, the method of generic realism was applied. The advantages of the epistemological category of the measure of discrimination before the levels of indistinctness and the measure of difference are revealed. The instrument of great reflection (difference of differences) is shown in overcoming the limited transcendence of the absolute spirit being-in-itself. It is proved the self-consciousness of the soul (as the letter emanation of word) makes it possible to avoid the crystallization of the phenomena of «purity of intellect, purity of mind, the purity of reason, purity of the wit» in personal existence. The philosophy of prescriptionism in relation to the theory of alphabetic plans of the languages of the world is a phenomenon of singular and special is presented. Based on the works of G. F. Hegel, A. A. Sviridov clarifies the essence of the epistemological category of «indistinctness» as a measure of nonexistence (definition of a zero-dimensional personal non-being). This category is compared with the archetypes of the collective unconscious, derived from the source of Western European psychological types — the alphabetic plan of one-dimensionality — this is the category of the «infinite negative», which is the basis of the existence of a one-dimensional personality.

Keywords: indistinctness, measure of difference, measure of distinction, one-, two-, three-dimensional models of personal being, philosophy of three-dimensionality, transcendent, transcendental, spirit, soul, being.

Николов Никита Олегович

*Доктор философии (PhD), ответственный секретарь издательского отдела, Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования
nikolov_1989@mail.ru*

Аннотация. Предметом исследования являются иерархические взаимосвязи эпистемологических уровней в контексте теории азбучных планов. Объектом исследования является корреляция моделей личностного бытия с эпистемологическими категориями (неразличённость → различие → различение). Цель исследования: показать ограниченность трансценденций эпистемологических категорий меры неразличённости и меры различия перед мерой различения. Применялся метод рефлексивного интенционального анализа, метод трансцендентально-феноменологической редукции, метод феноменологической дескрипции, метод родового реализма. Раскрываются преимущества эпистемологической категории меры различения перед уровнями неразличённости и мерой различия. Показывается инструмент большой рефлексии (различия различий) в преодолении ограниченной трансценденции абсолютного духа в-себе-бытие. Доказывается, что самосознание души (как буквенной эманации слова) позволяет избегать кристаллизации в личностном бытии феноменов «чистоты интеллекта, чистоты ума, чистоты рассудка, чистоты разума». Выводится суждение о том, что философия рецептуализма по отношению к теории азбучных планов языков мира это явление единичного и особенного. На основе работ Г. Ф. Гегеля, А. А. Свиридова уточняется сущность эпистемологической категории «неразличённости» как меры небытия (дефиницией нульмерного личностного небытия). При сравнении данной категории с архетипами коллективного бессознательного, выводимыми из источника западноевропейских психологических типов — алфавитного плана одномерной размерности — это категория «бесконечного негатива», являющегося основой бытия одномерной личности.

Ключевые слова: неразличённость, мера различия, мера различения, одно-, двух-, трёхмерные модели личностного бытия, философия трёхмерности, трансцендентность, трансцендентальность, дух, душа, бытие.

Введение (теоретический анализ, постановка проблемы)

Впервые в научном мире серьёзная попытка систематизации пределов познаваемости мира была произведена И. Кантом. Его суждения о уровнях доступности познания истины были выражены посредством категорий трансцендентного, трансцендентально-го и имманентного. Дальнейшие исследования по установлению границ познаваемого в рамках понятий трансцендентальное, трансцендентное были продолжены в неокантианстве [16; 19; 20; 21].

Всё что связано с трансцендентальным И. Кант связывал с координационной структурностью сознания — рассудком: «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori» [6, С. 121]. Хотя в тексте работы «Критика чистого разума» мы встречаем и противоречивое суждение, что: «Таким образом, трансцендентальная философия есть наука одного лишь чистого спекулятивного разума» [6, С. 124]. В этом случае можно было бы провести отдельное исследование, с чем же по итогу связано трансцендентальное по мнению И. Канта, однако решение этой проблемы мы предложим более простое и более эффективное.

Ещё уточним, что трансцендентальное применение понятий упускает различие между вещами для нашего восприятия и их истинным бытием. Трансцендентное, наоборот, показывало возможность установления различий между вещами, делая возможным познание отдельных понятий чистого разума [12, С. 596, 597].

Важным моментом в определении трансцендентального мы считаем его предмет — это упорядочивание видов познания a priori, а мы бы прибавили — уровней. Вместе с тем необходимо учитывать, что семантика слова «Vernunft» (нем.), обозначающее понятие «разум» в философии И. Канта несёт в себе процесс бифуркации на: 1) рассудочные формы сознания, 2) формы самосознания «разума». Однако эти понятия облакаются чаще в такие их заменители в немецком языковом мышлении, как: «чистый рассудок», «чистый разум».

Равно как и современные грамотные суждения об уровнях познаваемости бытия через термины трансцендентального, имманентного всё же остаются в пределах философом о абсолютном духе [13]. Это вновь доказывает, что используемая рефлексия авторами над работами И. Канта не учитывает, что этимология понятия «разум» исходила из дихотомии конгломерата слова «vernunft» (нем.). Которое репрезентирует бытие семантической бифуркации феномена рассудок и разум.

Поэтому, по сути, основной функционал познания мира человека в рамках трансцендентальности азбучного плана двухмерной размерности (к которой согласно теории азбучных планов относится и немецкий язык) лежит только в пределах сознаний интеллекта, ума. Ранее мы вслед за исследованиями А.А. Свиридова подтверждали факт отсутствия материальных форм феноменов рассудка, разума в немецком языке. Получается, что весь объём трансцендентального (непознаваемого «чистым разумом» — квази-разум), как его понимал И. Кант — это объём сознаний рассудка, разума, сознания души в конгруэнтных для их форм опыта именах.

Что является следствием того, что первичная моделирующая система немецкого языка не обладает материальными носителями феноменов рассудка, разума, души, иначе характеризуется отсутствием их превращённой формы «verkwandelte Form» или их архетипов в коллективном бессознательном немецкоязычного социума. Следствием отсутствия материальных носителей сознаний и самосознаний рассудка, разума является адаптация в подобных социумах психологии масс вида — «шизо». Фактически это и есть проявление масштабной модели «одномерного человека». И не зря на рубеже 20–21 века появляются такие произведения, и труды (особенно в постмодернизме), которые пытались данный массовидный феномен («шизо») преодолеть, однако безуспешно [18; 9, С. 748].

Данный термин «первичной моделирующей системе» понимается нами не только на уровне синтактики (как её понимали в теории ранней Тартуско-Московской семиотической школы), но и в прагматичном смысле слова, как динамичной системы бытия того или иного социума [5]. При этом в нашем подходе этот термин уточняется в рамках теории азбучных планов, которая раскрывает и систематизирует три разновидности данных моделей: 1) квазиалфавитный план одномерной размерности (все иероглифические псевдоалфавитные системы), 2) алфавитный план двухмерной размерности (все 19 евразыков), 3) азбучный план триединства мироздания (русский язык).

Смысл данного уточнения в рамках исследования в том, что оказывается трансцендентальное и трансцендентное имеют свои пределы непознаваемости и познаваемости в рамках каждой из первичных моделирующих систем. При этом в рамках одно-, двухмерных алфавитных планов ограничение трансцендентального и трансцендентного оказываются в пределах сознаний рассудка, разума, самосознания души. Трансцендентное при этом может постичь только элементы рассудочной деятельности и ситуативные элементы деятельности разума. Поэтому не зря в социокультурном контексте развития в философии иудаизма понятие души уравни-

вается с духами, призраками, а теологические суждения о ней в Торе содержат множественные суждения о её трансцендентальной (недоступной) природе для правоверного иудея. Она (душа) в этих суждениях очень часто является, что поразительно, фактически «разменной монетой» перед ветхозаветным богом-духом Иеговой за вполне безобидные для человека отступления от распорядка дня. Итоговым суждением этих выводов является выявление прямой корреляция одно-, двухмерных моделей личностного бытия и одно-, двухмерных алфавитных планов (все 19 еврейских и иероглифические языки, в том числе и иврит). В ранее опубликованных исследованиях, посвящённых установлению этой корреляции, мы детально показывали всю ограниченность одно-, двухмерных моделей личностного бытия [9].

Также ранее уже доказывалось, что в рамках первичной моделирующей системы русского языка, моделируется полнодуховное бытие (соборное) Вселенной, а также и личностное бытие посредством трансценденций трансцендентальности сознания и самосознания души.

При этом двойная рефлексия, или так называемая «большая рефлексия» (термин введён философией рецептуализма), исходящая от самосознания души, в отличие от самосознания духа (как его понимал Г.Ф. Гегель) способна развивать, усовершенствовать самосознание рассудка, разума, а также самосознания интеллекта, ума.

При этом любой из уровней и видов познания связан с актом рефлексии, или различением вида уровня сознания которым было порождено то или иное суждение. И. Кант об этом указывал так: «Но все суждения и даже все сравнения нуждаются в рефлексии, т.е. в различении той познавательной способности, к которой принадлежат данные понятия» [6, С. 362].

Понятие рефлексии по И. Канту следующее: «Рефлексия (reflexio) не имеет дела с самими предметами, чтобы получать понятия прямо от них; она есть такое состояние души, в котором мы прежде всего пытаемся найти субъективные условия, при которых можем образовать понятия» [6, С. 361].

Другой представитель немецкой классической философии — Г.Ф. Гегель в рефлексии находит единство онтичности биологического организма: «Рефлексия в действии или реакции и действие или реакция в рефлексии есть именно то, единство чего составляет органическое,— единство, которое равнозначно органическому воспроизведению» [3, С. 145]. Что фактически на классическом философском уровне закрепляет тупиковую формулу познания пределов бытия вида: «всё биологическое одновременно может восприниматься как психологическое; всё биологическое — психологично» [3,

С. 145]. Что является типичной редукционной когнитивной установкой для биопсихологии, разработанной ранее в трудах Э. Маха.

Если судить о рефлексии, как её понимал Г.Ф.В. Гегель, то она для «разума» подобна интегралу меры всех вещей: «Сознание в себе самом даёт свой критерий, и тем самым исследование будет сравнением сознания с самим собою: В сознании одно есть для некоторого иного, или: ему вообще присуща определённость момента знания; в то же время это иное дано не только для него, но также и вне этого отношения, или в себе; это момент истины. Следовательно, в том, что сознание внутри себя признает в качестве в-себе[–бытия] или в качестве истинного, мы получаем критерий, который оно само устанавливает для определения по нему своего знания» [3, С. 47].

Однако, рефлексия, ни в исследованиях И. Канта, ни в работах Г.Ф. Гегеля не выходит за периметры трансцендентного и трансцендентального абсолютного духа, как абсолютного условия возможного опыта. Вместе с тем преодоление аттракции личностного бытия к ограниченной в-себе бытия абсолютного духа возможно в рамках методологических подходов философии трёхмерности, использующей инструмент большой рефлексии для освоения меры различения. Перспектива преодоления аттракции меры неразличённости и меры различия до меры различения это возможность осваивать личности конгруэнтную своему имени феноменологию души.

Результаты и их обсуждение (экспериментальная часть)

Начав с исторического обзора научных изысканий по установлению границ познаваемости, мы в рамках классических работ получили важный, по нашему мнению, инструмент интегрирования уровней познания бытия — рефлексия.

Вместе с тем стоит отметить, что рефлексия, а также и двойная рефлексия, оценивая суждения относительно неё в работах И. Канта и Г.Ф. Гегеля не поднимается выше понятий сферы трансцендентности духа абсолютного. В работах Г.Ф. Гегеля фигура абсолютного духа конъюнктура. В работах же И. Канта к ограниченной фактуре в-себе бытия «абсолютного духа» можно причислить: 1) чистые рассудочные понятия, которые соответствуют имени «бог» и 2) условия возможного опыта (так им определяется «дух») (Критика чистого разума).

Анализируя работы современных авторов относительно рефлексии [2; 4; 14, С. 60–65; 17] необходимо отметить, что единственный кто обращает пристальное внимание на амбивалентную природу рефлексии

в виде возможной латентной корреляции с сознаниями рефлексов биологических организмов это А. А. Свиридов. При этом в контексте его работ допустимо суждение, что рефлексии, производимые посредством органа мышления в виде алфавитных планов одно-, двухмерной размерности неотличимы от субстанций сознаний рефлексов. В данном случае имеется ввиду указание на масштабное использование ограниченной модели бытия социумами, осмысляющих свои рефлексии в пределах алфавитных планов одно-, двухмерной размерности. Суть данной модели бытия, ограничивающей в свою очередь и личностные модели бытия в виде явного или скрытого процесса отождествления сознанием феноменов биологического и психологического проявления бытия. Краткая формула которой выглядит следующим образом: «всё психологическое — биологично».

Метод трансцендентальной рефлексии особо важен в определении уровней трансцендентальных пределов познания бытия, однако является не вполне достаточным в пределах рефлексии духа, духа абсолютного, рефлексий «чистых рассудочных понятий», и даже в процессе её бесконечных повторений.

О недоступности некоторых уровней познания ранее сообщалось в научных сообщениях западных учёных [22, С. 231], однако они не рассматривали в качестве причины данных ограничений — то какой именно первичной моделирующей системой пользуется индивид. В этом контексте нужно пояснить, что сегодня имеется серия философских научных работ [8], направленных на изучение личностного бытия в контексте теории азбучных планов. Данная теория, познающая первичные моделирующие системы способна преодолевать имманентные и трансцендентные системные ограничения матриц бытия. Ограниченные матрицы бытия выражаются следующими формулами: «всё биологическое является одновременно и психологическим», «идеальное — первично, материальное — вторично», «информация — первична, материя — вторична», «материя — первична, идеальное — вторично».

Альтернативой ограниченным матрицам бытия данной теорией предлагается формула: психичность, время, психологичность. Данная матрица предполагает в себе использование большой рефлексии, конгруэнтной эпистемологической категории знаний — меры различения. Благодаря наличию в ней паттернов конгруэнтного своей онтологии сознания души дух не способен безотносительно выводить сознания ума, рассудка, разума в «ничто» своего бытия. Иначе, феноменология духа корректируется от выпадения его «тела» в сознания людей в виде явлений: «чистота ума», «чистота рассудка», «чистота разума» [11].

Возвращаясь к уровням пределов познания от одного из важных инструментов познания — рефлексии, можно заметить, что феномен отсутствия различия, «неразличённость» в философии Г.Ф. В. Гегеля равен по своему смыслу понятию «трансцендентального» в философии И. Канта. В то время, как трансцендентные суждения сознательно нарушая границы познаваемости приходят либо к мере различия, либо к мере различения (различия над различиями).

Данная связь понятий различия, неразличённости (отсутствия меры различия, различения — мера Небытия), меры различения через классические и неклассические философские работы позволяет выйти на универсальный понятийный аппарата философии трёхмерности, частью которой сегодня является и философия рецептуализма. Через данные универсалии мы можем показывать не только пределы познаваемости во взаимосвязи с мощностью рефлексий феноменов души и духа, но и показывать важность участия в этих процессах первичных моделирующих систем. Уточняя скажем, что в рамках первичных моделирующих систем заложена потенция возможности освоения индивидами уровней, границ познаваемости через понятие «периметров букв» [11].

Заключение (выводы)

По итогу исследования делаем следующие выводы:

1. источник одномерной модели личностного бытия — квазиалфавитный план одномерной размерности, располагает мерой неразличённости уровней сознаний, которые могли бы давать отделение понятий вещи в нашем понимании и вещи самой по себе. Что порождает феномен абсолютизации духа, не обладающего своим собственным сознанием, но использующего раздвоение сознаний и самосознаний интеллекта, ума. В рефлексии единичной, двойной в рамках мышления на базе данных языковых систем бытие рассудка, разума, самосознания души не различается, становясь трансцендентальным для носителей данных языковых систем.

2. источник двухмерной модели личностного бытия — алфавитный план двухмерной размерности, располагает уровнем меры различия в пределах первичной и вторичной рефлексии. Однако данные рефлексии производятся под контролем познавательного процесса духа абсолютного, который осмысливает себя через людей (классическое определение абсолютного духа).

Таким образом, окончен обзор методологических оснований первичных моделирующих систем, создающих предел трансцендентного для сознания человека только на уровне сознаний и самосознаний интеллекта, ума;

отличительной чертой в семантическом контексте первичных моделирующих бытие систем, структурированных посредством алфавитных планов одно-, двухмерной размерности на уровне семантики является наличие лигатур, дифтонгов, гематрий; на уровне прагматической стороны бытия человека на фоне неразличимости бытия души и духа — это действия по замене норм морали в современном мире на транскультурные толерантные «нормы».

К примеру, одним из элементов языкового бытия данных систем является понятие «фацинус», трансцендентально не различающее процесс автозамены понятий добра и зла друг другом. Следствием в прагматическом бытие оциума, носителя данной семантики являются суждения, что военная эскалация против целых народов это не зло, а благо для этих социумов. Подобная философия была допустима в трактовках текстов Нового Завета — религиозные войны 11–15 веков (войны против мусульман), 16–17 веков, в трудах по национал-социализму (Вторая мировая война).

Отдельно стоит обратить внимание на особенность изложения религиозно-философских трактатов иудаизма в заповедях — «Делай» (Дварим 20:16–17; Дварим 12:3). Автор усматривает в них признаки исторического нормирования автозамены эстетики добра и зла, что, конечно же, является предметом отдельного исследования, но эмпирически этот факт всё же установлен [15]. Вместе с тем и сегодня, опираясь на тексты Ветхого Завета активисты религиозной философии христианства заявляют о норме убийства отдельных людей или даже народов, неугодных той или иной государственной системе (интервью В. Чаплина радиостанции «Эхо Москвы»).

Также в философии религии иудаизма имеет место быть преобладание рефлексий биологических над рефлексиями духовными. Согласно одному из трактатов иудаизма — «Люди первых поколений [после получения Торы] обладали душами, спустившимися в этот мир с высших Божественных уровней, и благодаря этому они могли самостоятельно подчинить себе злое начало в своих животных душах.» [1, С. 21]. То есть в рамках первичной моделирующей системы иврита через матрицу антиномий, противоречий, «зла» ($A=M+W$) в феноменологию души была изначально внедрена дефектность её структуры. Душа в иврите осмысливается одновременно и как дух, и как призрак, и как привидение, иначе — в виде ктонической сущности [10, С. 391].

Также добавим, что любые новые инварианты нейрофеноменологических моделей сознаний, которую фиксируют сегодня западные учёные [20, С. 68–77.], но которая развивается в пределах трансценденций одно-,

двухмерных моделей личностного бытия тождественно ограничена одно-, двухмерной модели бытия Вселенной: «сознание — первично, материя — вторична».

3. источник трёхмерных моделей личностного бытия — алфавитный план трёхмерной размерности (содержится только в русском языке), располагает уровнем меры различения в пределах первичной и вторичной рефлексии. Данные рефлексии производятся под контролем познавательного процесса души, что позволяет осмысливать сознания интеллекта, ума, рассудка, разума вне категорий Ничто (ранее мы уточняли, что дух, согласно работам Г.Ф. В. Гегеля частично проходит состояния небытия).

Таким образом, окончен обзор методологических оснований первичных моделирующих систем, создающих предел трансцендентного для сознания человека уже на уровне самосознания сознания души. Однако данный трансцендентный предел в своей динамике не погружается в состояния своего небытия в отличие от духа асбсолютного (см. работу Г.Ф. Гегеля — Феноменология духа).

При этом моделирующая система русского языка позволяет пресекать популяризацию тупикового образа «человека-звёздного» (Адама Кадмона), являющегося ветхозаветным примером гермафродитизма. Взамен пресекаемой модели одномерного человека (А. Кадмона) трёхмерная модель русского языка — азбучный план триединства мироздания раскрывает перспективы человека-соборного. При этом понятие соборности в данном случае много шире парадуховной трактовки в двухмерной философии российской религиозной мысли. Российская религиозная мысль, опирающаяся на «святотечественные труды» допускает парадуховный процесс поглощения/нивелирования души богом-духом (абсолютом).

В целом видим, что трансценденции знаний меры различения шире трансценденций эпистемологических категорий меры различия и неразличённости. Трансценденции большой и малой рефлексии в рамках феноменологии духа это частное и единичное явление перед большой и малой трансцендентной рефлексией самосознания души. Формула философов «всё биологическое одновременно и психологично» поддерживаются и поддерживались научными, околонучными концепциями, ограничивающих личностное бытие в пределах одно-, двухмерных моделей. Особенностью одно-, двухмерных моделей личностного бытия является отрицание бытия души, растворение её бытия в феноменологии духа.

Аналоговыми формулами для преодоления феноменологии духа, обладающего мощностями малой рефлексии (меры различия) и переход к феноменологии

души являются такие, как: «всё буквенное — психологично»; 2) и её высшей формулой в эстетике философии трёхмерности: «всё буквенное — божественно» (аналог суждения в рецептуализме — «символ бессмертен»). Подобные формулы в контексте трёхмерной модели бытия Вселенной: психичность-время-психологичность порождает объёмную нейрофеноменологическую модель сознания — соборное сознание. В данном случае соборное учитывает различие души, как буквенной эманации слова, а духа, как числовой эманации цифры, что значительно шире понятия соборного при абсолютизации ограниченности бога-духа в «святоотечественной» философии.

Использование эстетики рецептуализма, эстетики деконструктивизма (Жака Дериды) дополненной силлогизмами философией трёхмерности позволяют в свою очередь существенно расширять эстетику онтологии числа до эстетики онтологии буквы-символа.

Подобный переход: конструктивизм → постмодернизм → рецептуализм → философия трёхмерности это выход на метаэстетику меры различения, способную пресекать традицию смешения эстетики добра и зла в единый конгломерат, которая характерна для эпистемологических уровней: меры различия и мера неразличённости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брановер Г. (ред.) Трактат Авот. — Иерусалим: Шамир, 1999. — С. 21
2. Внуков Д. А. Функции и границы трансцендентальной рефлексии в феноменологическом исследовании: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 // Д. А. Внуков. — СПб., 2004. — 150 с.
3. Гегель Г. Ф. В. Сочинения в 14 томах. Том 04. Феноменология духа. — М.: Издательство Социально-экономической литературы, 1959. — С. 145.
4. Зайцева Н. В. Историософия как метафизика истории: опыт эпистемологической рефлексии: опыт эпистемологической рефлексии: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 // Н. В. Зайцева. — Самара, 2005—297 с.
5. Зализняк А. А. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем / А. А. Зализняк, В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Структурно-типологические исследования. — М.: Издательство АН СССР, 1962.
6. Кант И. Критика чистого разума. — Пер. с нем. Н. Лосского. — Мн.: Литература, 1998. — С. 121
7. Молчанов В. И. Предпосылка тождества и аналитика различий / В. И. Молчанов // Логос. — 1999. — № 11–12. — С. 183–208.
8. Николов Н. О. Виды моделей уровней личностного бытия во взаимосвязи с моделями бытия мира / Ярычев Н. У., Николов Н. О. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2018. — № 1. — С. 97–102.
9. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. — Мн.: Современный литератор, 2007. — С. 748.
10. Подольский Б. Алфавитно-корневой иврит-русский словарь. Рольник, 1992. — С. 391.
11. Свиридов А. А. РАССУДОК СВЕТА [суперфэнтэзи] / Свиридов Андрей Александрович. — Челябинск. — М.; Челябинск: 2018 (неоконченная рукопись).
12. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. — М.: ИНФРА-М, 2005. — С. 596, 597
13. Сухинина Л. В. Иррациональное и трансцендентальное в концепции познания / Л. В. Сухинина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2011. — № 10. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/irrationalnoe-i-transtsendentalnoe-v-kontseptsii-poznaniya> (дата обращения: 02.08.2018).
14. Толстая С. В. Анализ понятия рефлексия в психологической литературе / С. В. Толстая, О. В. Бондаренко // Проблемы современной науки и образования. — 2017. — 33 (115). — С. 60–65.
15. Тора (Пятикнижие Моисеево) с классическим комментарием «Сончино» / Перевод: П. Гиль, З. Мешков. — Иерусалим: Гешарим, 1999. — 1463 с.
16. Торгашин А. Ю. Философия агностицизма и проблема научной познаваемости мира: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / А. Ю. Торгашин. — Санкт-Петербург, 2013. — 183 с.
17. Филатова О. В. Рефлексивность как детерминанта деятельности исполнительского типа: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 // О. В. Филатова. — Ярославль, 2003. — 158 с.
18. Фуко М. Психическая болезнь и личность / Пер. с фр., предисл. и коммент. О. А. Власовой. Изд. 2-е, стереотип. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. — 320 с.
19. Barušs I. et al. Transcendent mind: Rethinking the science of consciousness. — 2017.
20. Berkovich-Ohana A., Glicksohn J. Meditation, absorption, transcendent experience, and affect: Tying it all together via the consciousness state space (CSS) model // Mindfulness. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 68–77.
21. Kanth R. Against Eurocentrism: A transcendent critique of modernist science, society, and morals. — Springer, 2016.
22. Nisbett R. E., Wilson T. D. Telling more than we can know: Verbal reports on mental processes // Psychological review. — 1977. — Т. 84. — № 3. — С. 231

© Николов Никита Олегович (nikolov_1989@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Andrianova G. — School No. 26 (Taganrog)
galina_andrianova@bk.ru

Chegodaeva K. — Southern Federal University, (Taganrog)
k.bobinskaya@gmail.com

Devyatov S. — Postgraduate student, Russian State
University for the Humanities
sergdevyatov@gmail.com

Enchinov E. — Candidate of historical sciences (PhD), senior
researcher, BNU RA «S.S. Surazakova Research Institute of
Altaic»
enchinov_e@mail.ru

Ivanova A. — Academy of Psychology and Pedagogy of
Southern Federal University (Rostov-on-Don)
sasha-vano@rambler.ru

Kibal'chenko I. — Southern Federal University, (Taganrog)
kibal-irina@mail.ru

Kim A. — Academy of Psychology and Pedagogy of
Southern Federal University (Rostov-on-Don)
kim.alina.ed@yandex.ru

Kostrigin A. — Kosygin Russian State University
(Technology. Design. Art) (Moscow)
artdzen@gmail.com

Kuznetsova O. — Graduate student, State-funded
Educational Institution of the Higher Education of the
Moscow Region «University of Dubna»
emelia37@yandex.ru

Lopatchenko E. — Clinical psychologist, psychoanalyst,
Pacific national University, Khabarovsk
dal_ur_com@bk.ru

Nikolov N. — Doctor of Philosophy, Responsible secretary
of the Publishing Department, Chelyabinsk Institute
of Retraining and Improvement of Professional Skill of
Educators
nikolov_1989@mail.ru

Nikolskaya A. — Kosygin Russian State University
(Technology. Design. Art) (Moscow)
tonokazutoya@gmail.com

Prozorova N. — Post-graduate student of the Herzen state
pedagogical University of Russia
89111286014@mail.ru

Tarayanc A. — A clinical psychologist, hypnology,
Pavlovskaya gymnasium
tarayants@mail.ru

Torushev E. — Candidate of historical sciences (PhD), senior
researcher, BNU RA «S.S. Surazakova Research Institute of
Altaic»
erktor@mail.ru

Vlasova L. — The competitor, Moscow City Pedagogical
University
sale@iselcom.ru

Vorobyeva K. — Doctor of Psychology, Professor, Pacific
State University, Far Eastern legal institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia
mail@pnu.edu.ru

Vostriakov L. — Saint Petersburg State University of Culture
lev-vostriakov@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

